BX

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М.ГОРЬКОГО

ОБЩЕСТВО ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ШЕСТИ ТОМАХ

*

Под общей редакцией
Р. В. Дуганова

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ПЕРВЫЙ

*

ЛИТЕРАТУРНАЯ
АВТОБИОГРАФИЯ

*

СТИХОТВОРЕНИЯ
1904—1916

*

МОСКВА
ИМЛИ РАН, «НАСЛЕДИЕ»
2000

Составление, подготовка текста
и примечания
Е.Р.Арензона и Р.В.Дуганова

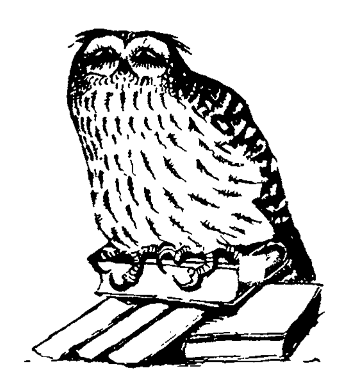
Шеститомное Собрание сочинений Велимира Хлебникова в основном подготовлено при жизни Рудольфа Валентиновича Дуганова (1940—1998), разработавшего общий план и научно-текстологическую концепцию издания.

Работа по завершению этого труда и его печатанию в издательстве «Наследие» осуществляется Институтом мировой литературы им. А.М.Горького РАН, сотрудником которого в течение длительного времени был Р.В.Дуганов.

Приносим глубокую благодарность А.В.Гарбузу, Л.Л.Гервер, З.Г.Годович, В.П.Григорьеву, Вяч. Вс. Иванову, В.В.Катаняну, М.С.Киктеву, А.А.Козловскому, М.П.Митуричу-Хлебникову, А.Т.Никитаеву, С.В.Старкиной, а также всем сотрудникам рукописных и книжных фондов ГЛМ, ГММ, ИМЛИ, ИРЛИ, РГАЛИ, РГБ, РНБ, оказавшим помощь в подготовке настоящего тома ценными материалами и благожелательным содействием.

ISBN 5-9208-0021-6
ISBN 5-9208-0022-4 том 1

В. Хлѣбниковъ



СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ПЕРВЫЙ

СВОЯСИ

В «Девьем боге» я хотел взять славянское чистое начало в его золотой липовости и нитями, протянутыми от Волги в Грецию. Пользовался славянскими полабскими словами (*Леуна*).

В.Брюсов ошибочно увидел в этом словотворчество.

В «Детях Выдры» я взял струны Азии, ее смуглое чугунное крыло, и, давая разные судьбы двоих на протяжении веков, я, опираясь на древнейшие в мире предания орочей об огненном состоянии земли, заставил Сына Выдры с копьем броситься на солнце и уничтожить два из трех солнц — красное и черное.

Итак, Восток дает чугунность крыл Сына Выдры, а Запад — золотую липовость.

Отдельные паруса создают сложную постройку, рассказывают о Волге как о реке индоруссов и используют Персию как угол русской и македонской прямых. Сказания орочей, древнего амурского племени, поразили меня, и я задумал построить общеазийское сознание в песнях.

В «Ка» я дал созвучие «Египетским ночам», тяготение метели севера к Нилу и его зною.

Грань Египта взята — 1378 год до Р. Хр., когда Египет сломил свои верования, как горсть гнилого хвороста, и личные божества были заменены Руковолосым Солнцем, сияющим людьми. Нагое Солнце, голый круг Солнца стал на некоторое время, волею Магомета Египта — Аменофиса IV, единым божеством древних храмов.

Если определять землями, то в «Ка» серебряный звук, в «Девьем боге» золотой звук, в «Детях Выдры» — железно-медный.

Азийский голос «Детей Выдры», славянский «Девьего бога» и африканский «Ка».

«Вила и леший» — союз балканской и сарматской художественной мысли.

Город задет в «Маркизе Дэзес» и «Чертике».

В статьях я старался разумно обосновать право на провидение, создав верный взгляд на законы времени, а в учении о слове я имею частые беседы с $\sqrt{--}$ Лейбница.

«Крымское» написано вольным размером.

Мелкие вещи тогда значительны, когда они так же начинают будущее, как падающая звезда оставляет за собой огненную полосу; они должны иметь такую скорость, чтобы пробивать настоящее. Пока мы не умеем определить, что создает эту скорость. Но знаем, что вещь хороша, когда она, как камень будущего, зажигает настоящее.

В «Кузнечике», в «Бобэоби...», в «О, рассмейтесь...» были узлы будущего, малый выход бога огня и его веселый плеск. Когда я замечал, как старые строки вдруг тускнели, когда скрытое в них содержание становилось сегодняшним днем, я понял, что родина творчества — будущее. Оттуда дует ветер богов слова.

Я в чистом неразумии писал «Перевертень» и, только пережив на себе его строки: «Чин зван мечем навзничь» (война) и ощутив, как они стали позднее пустотой — «Пал, а норов худ и дух ворона лап», — понял их как отраженные лучи будущего, брошенные подсознательным «я» на разумное небо. Ремни, вырезанные из тени рока, и опутанный ими дух остаются до становления будущего настоящим, когда воды будущего, где купался разум, высохли и осталось дно.

Найти, не разрывая круга корней, волшебный камень превращенья всех славянских слов, одно в другое, свободно плавить славянские слова — вот мое первое отношение к слову. Это самовитое слово вне быта и жизненных польз. Увидя, что корни лишь призраки, за которыми стоят струны азбуки, найти единство вообще мировых языков, построенное из единиц азбуки, — мое второе отношение к слову. Путь к мировому заумному языку.

Во время написания заумные слова умирающего Эхнатэна «Манчь! Манчь!» из «Ка» вызывали почти боль; я не мог их читать, видя молнию между собой и ими; теперь они для меня ничто. Отчего — я сам не знаю.

Но когда Давид Бурлюк писал сердце, через которое едут суровые пушки будущего, он был прав как толкователь вдохновения: оно — дорога копыт будущего, его железных подков.

«Ка» писал около недели, «Дети Выдры» — больше года, «Девий бог» — без малейшей поправки в течение 12 часов письма, с утра до вечера. Курил и пил крепкий чай. Лихорадочно писал. Привожу эти справки, чтобы показать, как разнообразны условия творчества.

«Зверинец» написан в московском зверинце.

В «Госпоже Ленин» хотел найти «бесконечно-малые» художественного слова.

В «Детях Выдры» скрыта разнообразная работа над величинами — игра количеств за сумраком качеств.

«Девий бог», как не имеющий ни одной поправки, возникший случайно и внезапно, как волна, выстрел творчества, может служить для изучения безумной мысли.

Так же внезапно написан «Чертик», походя на быстрый пожар пластов молчания. Желание «умно», а не заумно понять слово привело к гибели художественного отношения к слову. Привожу это как предостережение.

Законы времени, обещание найти которые было написано мною на березе (в селе Бурмакине, Ярославской губернии) при известии о Цусиме, собирались 10 лет.

Блестящим успехом было предсказание, сделанное на несколько лет раньше, о крушении государства в 1917 году. Конечно, этого мало, чтобы обратить на них внимание ученого мира.

Заклинаю художников будущего вести точные дневники своего духа: смотреть на себя как на небо и вести точные записи восхода и захода звезд своего духа. В этой области у человечества есть лишь один дневник Марии Башкирцевой — и больше ничего. Эта духовная нищета знаний о небе внутреннем — самая яркая черная Фраунгоферова черта современного человечества.

Закон кратных отношений во времени струны человечества мыслим для войн, но его нельзя построить для мелкого ручья времени отдельной жизни — отсутствуют опорные точки, нет дневников.

В последнее время перешел к числовому письму, как художник числа вечной головы вселенной, так, как я ее вижу, и оттуда, откуда ее вижу. Это искусство, развивающееся из клочков современных наук, как и обыкновенная живопись, доступно каждому и осуждено поглотить естественные науки.

Я ясно замечаю в себе спицы повторного колеса и работаю над дневником, чтобы поймать в сети закон возврата этих спиц.

В желании ввести заумный язык в разумное поле вижу приход старой спицы моего колеса. Как жалко, что об этих спицах повтора жизни я могу говорить только намеками слов.

Но, может быть, скоро мое положение изменится.

1919

СТИХОТВОРЕНИЯ

1904—1916

* * *

Странник, ты видел,
Как конь иногда,
Замученный, дико оком поводя,
На тихую поверхность вод голубых
Пену ронял?
Ты знаешь, что кони
В страдании и муках
Пеною плачут? Слез у них нет.
Странник, взгляни вон на то облако,
Чернеющее, с разорванными краями,
Одно на лазури небес.
Знай — это земля уронила
На лазурные воды небес
В миг страдания, — миг падения под ярмом судьбы,
Ту пену уронила,
В миг, когда проклятье с уст кротких
Дерзко сорваться готово...
Так говорил седовласый араб,
На камне — ровеснике мира — сидя
И посохом ручья тревожа многоструйный бег.

<1904>

* * *

На ветке
Сидели птица гнева
И птица любви.
И опустилась на ветку
Птица спокойствия.
И с клекотом
Поднялась птица гнева.
А за ней поднялась птица
Любви.

<1905 -1906>

* * *

Мирооси данник звездный,
Я омчусь, как колесо,
Пролетая в миг над бездной,
Задевая краем бездны,
Я учусь словесо.

1907

гробатая ~~ночь~~ явь.

будрое дитя мое: когда будешь

червивым мешком (туго завязанным мешком,

полным до краев ~~длинными сладкими~~ [illegible].

наполненным червями) буду [illegible] [illegible],

балуя [illegible] [illegible],

буду править миром.

[illegible] [illegible].

[illegible]

Поклонился [illegible] [illegible] [illegible].

доносся будрому дитяти.

червядь — будрое.

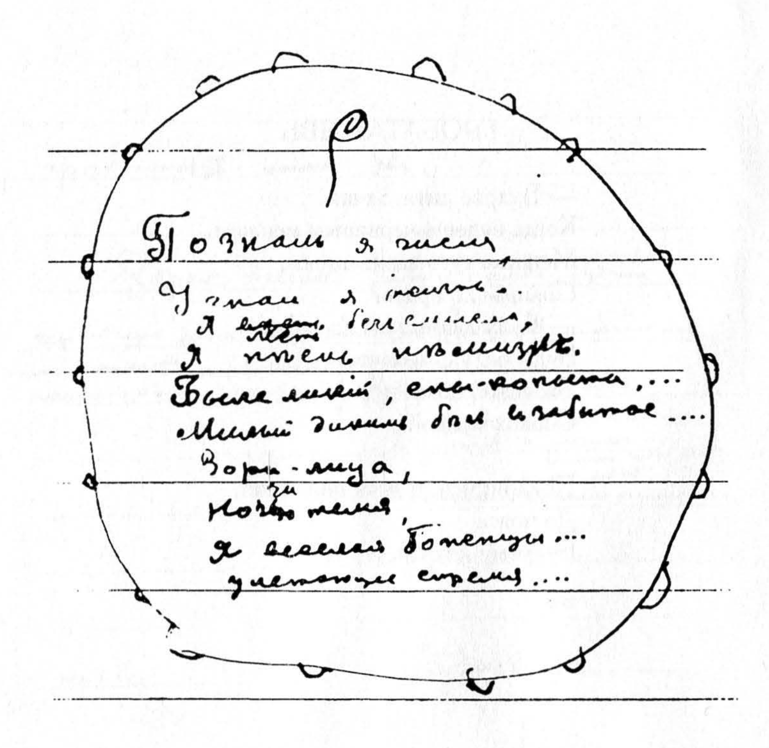
Рукопись стихотворения «Гробатая явь». 1907

ГРОБАТАЯ ЯВЬ

— Будрое дитя, мови:
Когда будешь червивым мешком,
Мешком туго завязанным,
Полным до краев?
— Буду любимцем звезд!
Буду, балуя, править
Звездной конницей
Сполохогривой.

Поклонимся, в знак внимания,
До пояса
Будрому дитяти.

1907



Рукопись стихотворения «Познал я числа...». 1907

* * *

Познал я числа,
Узнал я жизнь.
Я лесть без смысла,
Я песнь немизн.
Былеликий, сны — копыта...
Милый диким бег в забытое...
Зори — лица,
Ночи — темя.
Я веселия божницы...
Улетающее стремя...

1907

* * *

В умных лесах правен Лесовой,
В милых водах силен Водяной,
В домах честен Домовой,
А в народе — Славяной.
Так зыбит-снует молва,
С нею, славень, славен я!

1907

* * *

Тебе поем, Родун!
Тебе поем, Бывун!
Тебе поем, Радун!
Научи нас, Лесовой,
Разучи нас волхвовой
В звездном лесе не теряться,
Звездной тайны не бояться.
Тебе поем, Ведун!
Тебе поем, Седун!
Тебе поем, Владун!

1907

* * *

Я ведал: ненарекаемость Бозничего,
неизбытность Полевичего,
ненасытность Огневичего,
нерассыпность Водяничего,
неувядаемость Девичьего. Я ведал.

1907

МИРОВИК

И Мировичий — дух надзвездный зазвездал,
И синим лоном неба он обитаем,
последний и одинокий.
Мирес иных изведал жажду, конины с солью я отведал,
Иных новин победы жажду.
Мирийные целины просек оралом звездным,
Разгреб за валом бездны мировинные целины.

1907

* * *

Быльняк зорецветный
На далеве лет
Возрос на берегу реки.
Струйна река моей тоски!
Зыбкий, вивкий, перевивкий,
Зыбкий в листьях жизни марев,
Стопу по степу изливкий.

1907

* * *

И в быви будь меняя на избытость,
Стоглазое, стоустое
Хребет ярит, щетинит и горбатит
Стобывное бусло.

1907

* * *

Старуха-веруха за тайной сидит.
Радуха-родуха на ветке вопит.
За далями златом падал туман.
За явями высился дальний курган.

1907

ИНИРЙ

Время валом смелых дел —
Берегиня милины́.
Если край инес задел, —
Вспыхнут гневным инири.
Кто понять иное смел,
Ну, пойди в чужой удел!..

1907

* * *

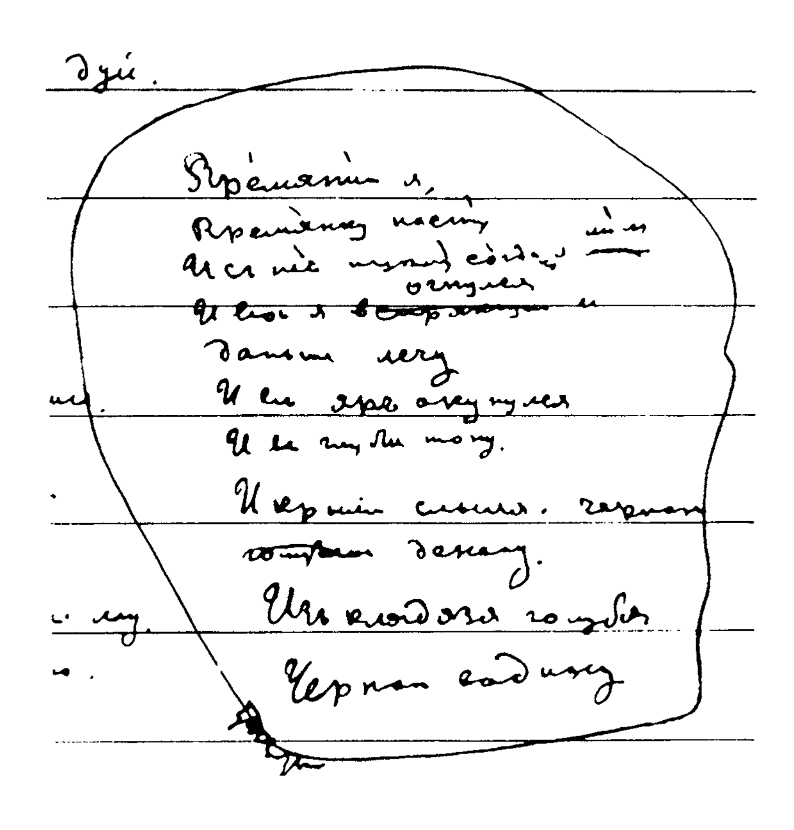
Небисте́ли, небисте́ли,
Озарив красу любин,
В нас стонали любистели,
Хохотали каждый ин.
Их нежные, милые личики
Сменялись вершиной кудрей.
Из уст их струилися кличики:
«Смотрите, живите бодрей!»

1907

* * *

Мизинич миг,
Скользнув средь двух часов,
Мне создал поцелуйный лик
И крик страстей и стыд оков.
Его, лаская, отпустил.
О нем я память сохранил,
О мальчике кудрявом, —
И в час работ
И в час забавы
О нем я нежно вспоминаю
И, ласкою отменной провожая,
Зову, прошу:
Будь гостем дорогим!

1907



Рукопись стихотворения «Времянин я...». Вторая редакция.
1907

* * *

Времяни́н я,
Времянку настиг
И с ней поцелуйный
Создал я миг.
И вот я очнулся
И дальше лечу.
И в яр окунулся
И в глуби тону.
И крыльями слылий
Черпаю денину.
Из кладязя голубя
Черпаю водину.

1907

* * *

Русалка телом голубым
Немоб осенних красоту
    Воспеть хотела.
Туда, о, к ней! Туда, о, к ним!
И вмиг в реке! И вмиг в волну!
Туда, где рень! Туда, где пена!
Но где же цель? Но где же тело?
Но где же плен? Но где полон?
Она, она, о ужас слышу, — зеленая жена!
И вопль ее, толпа испугом —
   О ужас, ужас, о сором!..

На простыне к высокому небу
Русалочьего заманника подбрасывают.

1907

* * *

Плескиня, дева водных дел, радея красоте,
Играла и сияла, служила немоте
И крыльными грустильями воздела темноте.

1907

* * *

И дева векиня, векиня в веках,
Векуя свой век в огнелетных венках,
На долево-зарево бросила сень
И гласом без марева кликнула день.
И день восторгнулся, и день ужаснулся,
и день восстает,
И день свое вено векине несет.
И дева, ликуя, целует и молвит: «Жених»...
И ветка качается отныне для них для двоих.

1907

* * *

В зеленейности полей
Я услышал глас призывный,
Глас узывный: стой! нейди...
Сей глас полей.

1907

* * *

Усталость в нозех,
Дремота здесь.
Иду я в бози,
Мне скучна весь.
Ходи, клюка, служи, рука,
Тужи, нога, служи, нога.
Устали нози, мне долог путь,
Устали очи, не виден путь,
Иду я в бози, мне долог путь.
Ах, можно ли на камне мне отдохнуть!

1907

* * *

За мыслевом-кружевом, кружевом-тужевом тын я воздвиг в мой сладостный, младостный, радостный миг. Стою за отрады оградой моей и заревом-маревом мысли твоей роняю в мир стаи веселых теней. И мыслевом-заревом сень озарил и гуслями далями день подарил. За мороком-ворогом один я стою и, к мести взывая, песнь пою, и, в песни рыдая, месть создаю. И гуслями странными к дальним курганам весть подаю. И в немости бранными, в ревности званными пенности звонами весть подаю. И пленности манною тленности данною месть создаю.

1907

* * *

За порохом-облаком ворог идет,
Из города-волода ковы несет.
Но лук натянулся, лук задрожал,
К ногам моим камнем недруг упал.
И я торжествую победу, кричу
И в долы веселые тайный лечу.

1907

* * *

Огни́вом-сечи́вом высек я мир,
И зыбку-улыбку к устам я поднес,
И куревом-маревом дол озарил,
И сладкую дымность о бывшем вознес.

1907

* * *

И живностынь старого черепа —
Юркнули серости мыши.
И милостынь старого береда —
Венчание в царственной крыше.

1907

* * *

Белостыня снеглых птиц,
Благостыня неглых лиц,
Ду́мовым ловом, ведовым словом
Отведите холод зимний!
Назовите, кто любимый!

1907

* * *

Недобростынь вещего взгляда,
Седоширокость глубоких бровей...
Звено обронено вещими дзядами,
Пало в долины людей.

1907

* * *

Могóт подземных,
Ярот земных
Излучена месть.
Нагот уземных,
Стыдот наземных
Излучена лесть,
Изведана сладость.
Отпита чаша.
Радость, радость,
Ты уже наша!

1907

БОГУ

Заря слепотствует немливо.
Моря яротствуют стыдливо.
Дитя лепотствует стеня.
И я яротствую буйливо.
Мы все твоя! Мы все твоя!
Один ты наш, один ты наш.

1907

* * *

Не́яви кроткие ходят...
    Откуда?
Из сна бледнокудрые.
    Куда?
В сон златокудрому.
    Ну, сон с тобой...
И неяви сходились,
И неяви расходились...

1907

* * *

Смертире́й беззыбких пляска,
Времирей узывных сказка.
Века дочка молодая,
Лета ночка золотая.
Дочка, дочка лельных дней,
Дочка, след ночей безумный!
Иль вокруг чела бездумного
Смертири вьюнок свили?

1907

* * *

Не́умь, ра́зумь и безу́мь —
Три сестры плясали вместе
В покрывальностях бездумий,
В покрывальностях невесты.
Руки нежные свились,
Ноги нежные взвились,
Всё кругом сплелось, свилось,
В вязкой манни расплылось.

1907

* * *

Дувь волн холодных моря,
Вздымается и мается
Холодных белых волн
Холодно-соленая водь,
Кличет: «Мы! — мы — в горе!»
И в клике дивно ясно море.

1907

* * *

Гульба двух бурь,
Двух зорь расторг.
Кричит Могуль —
Какой восторг!
Кричит Могуль —
Двух зорь расторг,
Двух бурь разгул.

1907

* * *

Вьется звонкая чайка в красивой пустыне.
Я — будизны залив немостынный,
Я — немизны пролив будостынный.
Зыбки-зыбки тростники.
Улетают челноки.
Закричали рыбаки.

1907

* * *

И я свирел в свою свирель.
И мир хотел в свою хотель.
Мне послушные свивались звезды в плавный кружеток.
Я свирел в свою свирель, выполняя мира рок.

1907

* * *

Небязь ворожич — отрок Праýны,
Правит он явями неба.
Водязь морочич — отрок Леуны,
Правит мноями вод.
Небязь синонью взметнет,
Водязь морок отведет.
Небязь зарево зовет,
Водязь морок отметет.
Небич молвит: я вверху.
Водич молвит: я внизу.
Сказчичи оба.
Уманна сказоба!
Уманна, зазывна,
Заманна, призывна.
Маней сказобы
Таянная даль.
Что за мороком видений?
— Осота быванй.
Что за звороком свирений?
— Ясота рыданий.

1907

* * *

Гроб леунностей младых.
Веко милое упало.
Смертнич, смертнич, свет-жених,
Я весь сон тебя видала.

1907

ВОДНЯГА

Мельководы в дальних водах.
Рыбных игр звенит струя.
Манна, манна даль свободы.
Дети, дети — это я.

1907

* * *

Жилец-бывун не в этом мире,
Я близко вечность мог узнать.
Она живет с друзьями в мире,
Она слывет бездумья мать.

1907

Рукопись стихотворения «Жар-бог! Жар-бог!..». Первая редакция. 1907

* * *

Жар-бог! Жар-бог!
Я в тебя молитвой ме́чу,
Мира славный жародей!
О, пошли ты мне навстречу
Стаю нежных жарирей.

Жар-бог! Жар-бог!
Волю видеть огнезарную
Стаю дружных жарирей,
Дабы радугой стожарною
Вспыхнул морок наших дней.

1907

* * *

Что у нас?
    Па́люба-па́губа сладкоязычная,
    губови-любови дар сладкозначный.
Но кто мы?
    Полюбовники-погубовники милые,
    милые, милые, бедные!
Но что хотим?
    Полюбы-погубы себе хотим, милые,
    полюбы-погубы себе хотим, бедные.
Ну и бог с вами! ну и дейяйте
    как знаете, милые!

1907

* * *

Женун и женун,
Мы одни в лесной дремé.
Мы в друг друга влюблены.
— Ни подруги, ни жены!
Мы друг в друга любуны.
Погубовники! Полюбовники!
Ни невесты, ни жены!
Мы друг в друга влюблены.
Мы одни в стране зеленой.

1907

* * *

Мужуния и мужуния
Вдвоем ворожили на общем кусте.
Что было — не знаю. Что еси — не хочу.
Что будет — рыдаю! Что буди — молчу!

1907

* * *

Замужница с замужницей
На ветке ворожили,
Причудница с причудницей,
И детки у них были!

1907

* * *

Россия забыла напитки,
В них вечности было вино,
И в первом разобранном свитке
Восчла роковое письмо.
Ты свитку внимала немливо,
Как взрослым внимает дитя,
И подлая тайная сила
Тебя наблюдала хотя.

1907

* * *

Тебя пою, мой синий сон,
И сени саней золотые,
Зимы седой и сизый стон
И тени теми голубые.

1907

* * *

Землявых туманов умчался собор.
Смердрявым кафтаном окутался Мор,
Походкою тяжкой взошел на престол
И мертвенной ляжкой кивает на дол.
И тако вопил Судьбеж,
держа человечишко малое в руках велиих:
«Смердынько милое,
    о милое смердынько, ненаглядное!
О лучшее смердерько
    из власьева вертлявого моего!»

1907

* * *

Не́голь сладко-нежной сказки,
Мленник дивных девьих ног,
Я в сетях златой повязки,
Я умру в твоих руках.

1907

1742

Зоры-позоры. Рыды-навзрыды...
Чья тамъ головка рдеетъ?
Чей одуванчикъ развѣетъ?
Я это. Горе мнѣ мнѣ.
О, не избыть мнѣ бѣды!
Мамо душу растоптала.
Отчимъ тѣломъ раздразнилъ.
Я души не возсоздала,
Я вошла въ обычай пѣсенъ.
Рыды-навзрыды. Зоры-позоры.
Чья тамъ головка рдеетъ?
Чей одуванчикъ развѣетъ?

Рукопись стихотворения «Зоры-позоры. Рыды-навзрыды...». 1907

* * *

Зоры-позоры. Рыды-навзрыды.
Чья там головка русеет?
Чей одуванчик развеет?
Я это. Горек мне миг.
О, не избыть мне беды!
Мамо душу растоптала.
Отчим телом раздражен.
Я души не воссоздала,
Я вошла в обычай жен.
Рыды-навзрыды. Зоры-позоры.
Чья там головка русеет?
Чей одуванчик развеет?

1907

* * *

За бóлонью явлений
Узывен тихий глас.
Нет молода явленней,
Как тот, чей свет погас.

1907

* * *

Чайка доли иной
Зыблет купавой за думой.
Чайка спорит с волной,
В зыби забава без шума.

1907

* * *

Мирожки делал Бог.
Почитать велел Рок.
Пирожки пекла Вера.
Полюбились срок и мера.

1907

* * *

Поводырем в пустыне грезной
Для тех, кто молод и кто юн,
Перелетали мира бездны
Младоюнирей табун.
Их огнистая черта
Так и реет, как мечта,
Так и рвется, словно птица,
Словно праменей станица.

1907

* * *

Моют, моют валуны
С моря пóсланцы волны́.
Чайки с чаем доли лучшей
Серебрят серпы излучин.
Челн далекий задрожал.
Вал закрыл и вал упал.
Челн пошел ко дну вверх дном
Вместе с верным рыбаком.
Весть невесте рыбака —
Волны ходят трепака.
Вой с далеких берегов,
Хляби ярей прет в восторг.
Видно, некому забава —
Видеть в брегах жен упаву.

1907

* * *

Вырей свирелию воды мани́т.
Вырей станицами птиц ворожит.
Ворога в ладьях украшенных в вырей стремят,
Бороды в главах устрашенных в вырей глядят.

1907

* * *

В пору, когда в вырей
Времирей умчались стаи,
Я времушком-камушком игрывало
И времушек-камушек кинуло,
И времушко-камушко кануло,
И времыня крылья простерла.

1907

* * *

Времыши — камыши
    На озера береге,
Где каменья временем,
Где время каменьем.
    На берега озере
Времыши, камыши,
    На озера береге
Священно шумящие.

1907, 1908

* * *

«Умночий и рабочий — два дружные крыла», —
Мне вила прорекла,
Когда, охочий яри струй,
Я голову к реке склонил,
Когда манил сизони буй.

1907

ВРЕМЕНЕ́ЛЬ

Умночий вещих пущ
Свирелью время на́звал.
И в мы, как день потуск,
Летели тиши язвы.
Он стоял у древа жизни
И свирель к устам поднес.
Замолчали укоризны,
Замолчал и в далях пес.
Нийний мир, как папороть, раскрыл
Тайны радостные крыл.

1907

Красочий

доброчий писанных долин.

писавица

Сиявое слабочий злобочий

Сиявица охочий знаймо

Умночий сияний и межзвездных

Чертежъ до міра

Ничетный,

Мнѣ подалъ развернутую книгу

Досмертных письмен, что прочертами роками

И не видеть лица,

И не видная ржа, сіяна красота

Узким роковое завитки.

Что сталось со мной? людьми

Упалъ и рыдалъ.

въ тихоокности полей

И только рыдалъ,

И только рыдалъ.

Иное что было въ могилѣ!

Рукопись стихотворения «Умночий сияний межзвездных...».
1907

* * *

Умночий сияний межзвездных,
Низлетев,
Мне подал разверзстую книгу
Досмертных письмен, что прочерчены роком,
Что не ведала ржа
И не ведает лжа.
Узрел роковые зави́тки.
Что сталось со мной?
Упал и рыдал.
В тиховейности полей
Я только рыдал,
Я только рыдал...
Иное что было в мого́те?

1907

* * *

Домирное дебло́
Мирами зацвело.

1907

* * *

Праматый вар метает стрелы
Метейных дел.
Восторг исторг у века
Единый клик:
Проме́тей —
Защитязь человека!

1907

* * *

Кто в славобе чародей, —
Славодейное искусство
Почитает, славянина
Называя: соловей.

1907

* * *

Видязь видений безликих
Вероши в яви
Есть узывностынь редкой мечты,
В русалиях яви голубоши,
Безмерной, бесценной, бесплленной,
Бестешной Мокоши
Есть русалие хлябей мечты,
Есть Русь хлябей домирного,
Хлябей довещной черты
Домирного мира.

1907

* * *

Людоши плескошь глухая,
Пустоши немощь глухая
В хвойном совиты венке.
Где-то молчали, страдая,
Кто-то склонился, рыдая,
Склонился к луке.

1907

* * *

Я любоч, любимый любаной,
Любеж залюбил, залюбился в любви,
Любязей любких, люблых любилой люблю,
Любрями с любкою любляться люблю,
Любязь любви, в любитвах люблю
    Полюбить, залюбить,
    Приполюбливать! Позалюбливать!
Нелюбины приразлюбливать люблю!

1907

Рукопись стихотворения «Не́голи легких дум...».
Черновые наброски. 1907

* * *

(Нега — неголь...)

Не́голи легких дум
Лодки направили к легкому свету.
Бегали легкости в шум,
Небыли нету и нету.

В тумане грезобы
Восстали грезоги.
В туманных тревогах
Восстали чертоги.
В соногах-мечтогах
Почил он, почил у черты.
В чертогах-грезогах
Почил он, почил у мечты.

Волноба волхвобного вира,
Звеноба немобного яра,
Ты всё удалила, ты всё умилила.
О, тайная сила!
О, кровная мара!

В яробе немоты́
Играли и журчали
Двузвонкие мечты,
Будутные печали.
Хитрая нега молча̀ния,
Ли́тая в брегах звучания,
Птица без древа звучания,
— О, взметни свои грустилья,
Дай нам на небо взойти,

Чтобы старые постылья
Мы забыли, я и ты!

Ве́язь сил молодых,
Веязь диких бледных сил,
Уносил в сон младых,
В сон безмерно голубых...

За осокой грезных лет
Бегут струи любины́.
Помнит, помнит человек
Ковы милой старины.
Знает властно-легкий плен,
Знает чары легких мен,
Знает цену вечных цен.

Поюнности рыдальных склонов,
Знаюнности сияльных звонов
В венок скрутились
И жалом многожалым
Чело страдальное овили.

И в безумном играньи играний
Расплескалися яри бываний!

Нежец тайностей туч,
Я в сверкайностях туч
Пролетаю, летаю, лечу,
Улетаю, летаю, лечу.
В умирайнах тихих тайн
Слышен голос новых майн.
Я звучу, я звучу...

Сонно-мнимой грезы неголь,
Я — узывностынь мечты.
Льется, льется пленность брегов,
Вьются дети красо́ты.

Сумная умность речей
Зыбко колышет ручей.
Навий налет на ручей

— Роняет
Ручей белых нежных слов,
    Что играет
Без сомнения, без оков.

О яд не наших мчаний в поюнность высоты
И бешенство бываний в страдалях немоты!

В думком мареве о боге
Я летел в удел зари...
Обгоняли огнебоги,
Обгоняли жарири.
Обожелые глаза!
Омирелые власа!
Овселеннелая рука!

Орел сумеречных крыл
Землю вечером покрыл.
«Вечер сечи ведьм зари!» —
Прокричали жарири.

Мы уселись тесным рядом.
Видеть нежить люди рады.

1907 1914

* * *

За́зовь.
Зазовь манности тайн.
Зазовь обманной печали.
Зазовь уманной устали.
Зазовь сипких тростников.
Зазовь зыбких облаков.
Зазовь водностных тайн.
Зазовь.

1907—1908

* * *

Помирал морень, моримый морицей,
Верен в веримое верицы.
Умирал в морильях морень,
Верен в вероча верни.
Обмирал, морея, морень,
Верен веритвам вераны.
Приобмер моряжески морень,
Верен верови верязя.

1907—1908

* * *

(корни: чур... и чар...)

Мы чаруемся и чураемся,
Там чаруясь, здесь чураясь.
То чурахарь, то чарахарь.
Здесь чуриль, там чариль.
Из чурыни взор чарыни.
Есть чуравель, есть чаравель.
Чарари! Чурари!
Чурель! Чарель!
Чареса и чуреса.
И чурайся и чаруйся.

<1907–1908>

* * *

Грезирой из камня немот
Я высек чертоги грезини-немог.
Я в тебя молитвой ме́чу,
Мира славный жародей,
О, пошли ты мне навстречу
Стаю легких жарирей!
Мечу видеть огнезарную
Стаю вольных жарирей,
Дабы радугой стожарной
Вспыхнул морок наших дней.
Призрак быстрых жарирей,
Журчаль искрящихся ручьев,
Печаль сонных соловьев,
Бежаль реки, — почто? куда?
Видаль руки, чисты года,
Мне жаль струин, родна вода.
Стонялями скрипели сосны,
Одевши золотом низы.
Плескалями бьют волны косны
В мир купавы и лозы.
Милочь и любоч счастливой четой
Идут вдвоем по тропинке глухой.
А за ними вдали голубая река
Катит валами, всегда глубока.
А над ними шатры хвои синеседой.
А за ними пастух, одинокий, молодой.
Обожелые глаза! Омирелые власа!
Высоги, низоги в зеркальной воде —
Там облака, здесь облака

Делит река на два ряда.
Босёжь и бесёжь
На зеленой травушке.
То богиня, то бегиня,
Где цветут купавушки.
Плясарышни вид
Страстен и дик,
Венком из гвоздик
Лоб перевит.
Красотинеющие зори
Застали встанственного утра.

1907—1908

ЧЕРНЫЙ ЛЮБИРЬ

Я смеярышня смехочеств,
Смехистелинно беру,
Нераскаянных хохочеств
Кинь злооку — губирю.
Пусть гопочич, пусть хохотчич
— Гопо, гоп, гопопей —
Словом дивных застрекочет,
Нас сердцами закипей.
В этих глазках ведь глазищем
Ты мотри, мотри — за горкой
Подымается луна!
У смешливого Егорки
Есть звенящие звена.
Милари зовут так сладко
Потужить за лесом совкой.
Ай! Ах, на той горке
Есть цветочек куманка-заманка.

1907–1908

* * *

8 + a лет

Стая ласточек воздушных
Тонких тел сплетает сеть
И зовет тоске послушных,
Не боящихся висеть.

<1907–1908>

* * *

Мне спойте про девушек чистых,
Сих спорщиц с черемухой-деревом,
Про юношей стройно-плечистых:
Есть среди вас они, — знаю и верю вам.

<1907–1908>

1742

* * *

1

От Косова я — дружины свой бег
Злой продолжали на трупах.
Ворог колол, резал и сек
Павших от ужаса, глупых.

2

От Грюнвальда — истуканы
С серым пером на темени,
В рубахах медных великаны
Бились с рожденным на Немане.

<1907–1908>

* * *

Вон черная роща и жертвенный камень
И два согнутые жреца.
Курись, служи, неясный пламень,
Глазам людей и дел конца!

<1907—1908>

* * *

Лунный свет и белая ограда
И тополя, как стаи парусов.
Сюда ночной приходит лада —
С калитки снять ее засов.

1907–1908

* * *

Пусть древо водоносное
Согнулося с плеча,
Ах, время сенокосное,
Все зубы лихача.
Ах, реет волна в берег,
На займище испарина,
И звон воздушных серег
Товарища татарина.
Под овчиною отцовской
Дева и он,
Он с прической молодцовской,
Слышит смех и стон.
Она дитя вечерних вод,
И видны кольца ее кос,
Красивый ум, красивый рот
И стан согнутый, как вопрос.

<1907—1908>

бѣлый
косит бѣлаго начала бѣлымо

о достоевскиймо идущей тучи
о пушкиннота млѣющаго полдня.
Ночь смотрится какъ Тютчевъ.
Замірное безмѣрнымъ полня.

Рукопись стихотворения «О достоевскиймо идущей тучи...».
Первая редакция. 1907—1908

* * *

О достоевскиймо идущей тучи,
О пушкиноты млеющего полдня,
Ночь смотрится, как Тютчев,
Замерное безмерным полня.

1907–1908

КУЗНЕЧИК

Крылышкуя золотописьмом
Тончайших жил,
Кузнечик в кузов пуза уложил
Прибрежных много трав и вер.
Пинь, пинь, пинь! тарарахнул зинзивер.
О лебедиво.
О, озари!

<1907—1908> 1912

* * *

Желанье-смеяние прыщавою стать
Пленило-венило довещную рать.
Смеялись-желали довещные рати
Увидеть свой лик в отраженье иначе.
И сыпи вселенных одна за другой
Выходили, всходили, отходили в покой.
И строи за строем вселенных текли,
И все в том желанье-рыданье легли.
И жницей Времяней сжатые нивы
Оставляли лицо некрасивым.

И в одной из них раньше, чем тот миг настал,
когда с шумом и блеском, и звоном и треском
рассыпалось все на куски, славень, — я жил...

1908

* * *

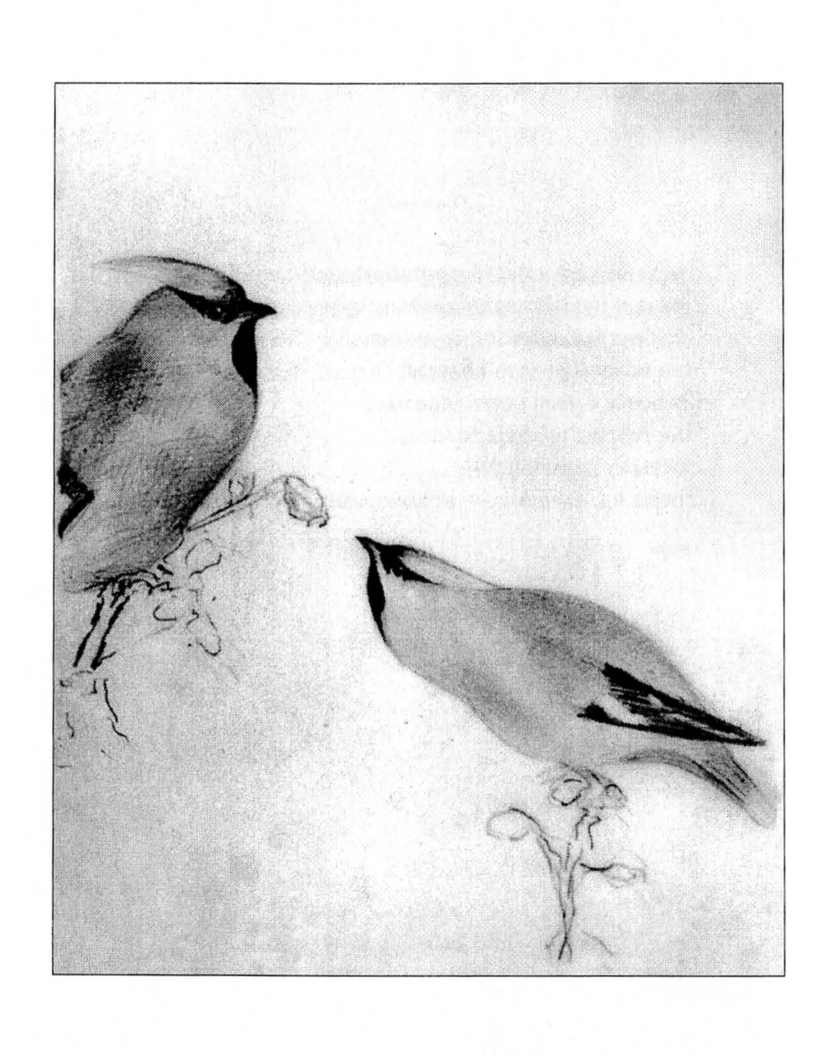
Снегич узывный, белый и длинный,
Где приютилася Мать?
Снегич узывный, серый и длинный,
Где схоронилася Мать?

1908

* * *

Смехлые уста смерть протянула целующая,
Дохла и пуста твердь протянулась целуемая,
Голуботелая, одуванчикокосая,
Чьи волосы золота волосы,
Овеклые слезы остеклянелые,
Чьи голосы володы голоса,
Застыли нетленными,
Зовем их, слепые, — вселенными... вселенными...

<1908>



Свиристели.
Рисунок А.В.Хлебникова. 1910-е гг.

* * *

Там, где жили свиристели,
Где качались тихо ели,
Пролетели, улетели
Стая легких времирей.
Где шумели тихо ели,
Где поюны крик пропели,
Пролетели, улетели
Стая легких времирей.
В беспорядке диком теней,
Где, как морок старых дней,
Закружились, зазвенели
Стая легких времирей.
Стая легких времирей!
Ты поюнна и вабна́,
Душу ты пьянишь, как струны,
В сердце входишь, как волна!
Ну же, звонкие поюны,
Славу легких времирей!

1908

* * *

Нéгошь белых дней,
Мокошь дальних морей
Птиц станицы на клювах примчали.
Уносился стан певучий,
Улетали где-то тучи,
Улетали где-то дали.

1908

* * *

И чирия чирков по челу озера,
По чистому челу — меж власьев тростников.
Рати стрекозовья
Небо полнят
И чертят яси облаков,
Рати стрекозовья.
Рыбы волнят
Озеро.

1908

* * *

Любоч бледности уст,
Любоч жарости уст
Овевал венком невинности
Твой смертельно-бледный лик...

1908

* * *

Прамень невинностей мора.
Прамень леунностей влас.
Пламень девинностей взора.
Пламень поюнностей глаз.

1908

* * *

Вот струны...
На дуге белокостной поюны
Натянуты, дрожат,
Дрожат, смеются и бежат.
И я, знаюн их умных сил,
Брожу, вожу в немобы вир,
И мир постиг, и мир настиг,
И он почил, и он избыл.

1908

* * *

Я любоч жемчужностей смеха,
Я любоч леунностей греха.
Смехи-грехи — всё мое.
Сладок грех мне, сладко дно!

1908

* * *

Облакини плыли и рыдали
Над высокими далями далей.
Облакини сени кидали
Над печальными далями далей.
Облакини сени роняли
Над печальными далями далей...
Облакини плыли и рыдали
Над высокими далями далей.

1908

* * *

В золоте борона вечера ворон летел
И володы голода мечева долу свирел.
И долы внимали, и жены желали,
И кметы стонали, и юны смеялись.

1908

* * *

Охотник скрытных долей, я в бор бытий вошел.
Плескались тайно соли, тонул и гаснул дол.
И навиков скаканье в вместилищах воды,
И любиков смеянье в грустилищах зари,
И веток трепетанье, и воздуха сиянье,
Там, где проскользнули жарири
И своим огнистым свистом
Воздух быви залили.
Тонул и гаснул дол...
И велям вейных волей весь мир — покорный вол.

1908

* * *

1

Осин серебряные бревна
Сумрак пронзили седой.
И стоят две водяные царевны, —
Одежды зеркальной водой.

2

Они, серебряною зыбью
Замутив реки залив,
Ночью купая тело рыбье,
От ткани тайну оголив,

3

Одели свой передник
Из тонких водных трав.
Молчит их собеседник,
Любви ночной устав.

4

Сияют лебеди, как свечи,
И конь с челом воинственным
Ступает издалеча,
Как жрец любви таинственный.

5

Священно-смуглые лопатки
Цветком венчанного коня.
И в переливчатые складки
Упала наземь простыня.

6

На травы и подковы
Упали чистые покровы
С добычи тучных ног —
То радости чертог.

7

Не две восковые свечи прудов —
Лебяжья думает чета.
О, белые тени белых лугов!
О, белая ночь и высота!

<1908>

ЛЮБАВИЦА

Я любиры затопил
В ночеснежном серебре.
Красотиною купил
Быть в зол пленнике добре.
Я, играя, я игл рая
Та, что вéнковна зим мной.
Простирая «прости» грая,
Я вран врат златых весной.
Я ночей стооких зной,
Я обруч на лице чела речной.
Я обруч голубой
Вонзил в моих кудрей волну.
Я вопль мой о той
Вложил в дивес длину,
Что вечный в лобзебрé цветок
Отверг свое «люблю!». Люблю ее поток
Моих то шире, то бедней,
То богом, то людьми стремящихся с безумьем дней.
Я любистéль! Я негистéль!
Войн лобзебрянных мятель!
Но лишь край грýди омочу
О край волнистый лобзебр волн,
Я — воин, отданный мечу,
И снова тоск гремящих полн.
Я любровы темной ясень,
Я глазами в бровях ясен.
Я любавец! Я красавец!
Я пою скорей плясавиц
Ночи, неба и зари

— Так велели кобзари.
Я негиня, я богиня,
В звонкой радости полей,
Я нелгиня, я богиня,
Быть смеянственно голей.
Звездный иней, звездный иней,
Будь, упав на звук, смелей!
Людей когда-нибудь обо́говеть надежды!
Будь моих нежин одеждой!

Пусть соединенный говор пляск
Пронзит меча на бедрах лязг.
И пусть коснется лобзебро
Врагу пронзившего ребро.
Ими, ими, имя, имя
Предков душами овьем.
Снимем, снимем с ними, с ними
Сеть, сотканную навьем.
Звонко ль, ясно ль, тихо ль, худо ль —
В этом есть удаль.
О, мчи мечи, наш крик, бегущий тишинами:
Мы устали быть не нами!
Так и так, вот так, вот так! —

Любави́ца и лешак
Пели,
Пока уста коней кипели.

1908

* * *

Зеленый леший, бух лесиный
Точил свирель.
Качались дикие осины,
Стенала благостная ель.
Лесным пахучим медом
Помазал кончик дня
И, руку протянув, мне лед дал,
Обманывая меня.
И глаз его, тоски сосулек,
Я не выносил упорный взгляд:
В них что-то просит, что-то су́лит
В упор представшего меня.
Вздымались руки-грабли,
Качалася кудель,
И тела стан в морщинах дряблый,
И синяя видель.
Я был нена́роком, спеша,
Мои млады лета.
И, хитро подмигнув, лешак
Толкнул меня: туда?

1908

* * *

Смугол, темен и изящен,
Не от тебя ли, незнакомец, вчера
С криком «Маменьки! он страшен!»
Разбежалась детвора?

Ты подошел, где деви́ца:
«Позвольте представиться!»
Взял труд поклониться
И намекнул с смешком: «Красавица!»

Она же, играя перчаткой,
Тебя вдруг спросила лукаво:
«О сударь с красною печаткой,
О вас дурная очень слава?»

«Я не знахарь, не кудесник,
Верить можно ли молве?
Знайте, дева, я ровесник
<. . . . .>

Она же: «Извините!
Задумчивый какой!»
Летят паучьи нити
На синий водопой.

Пошли по тропке двое,
И взята ими лодка.
И вскоре дно морское
Уста целовало красотке.

<1908>

* * *

Стрелок, чей стан был узок,
В одежде без повязок,
Промчался здесь, пугая трясогузок,
По дну реки, где ил был вязок.
Я кинулся серной проворной
Его обогнать стороной,
Весь замыслам страсти покорный
Вновь видеть глаз вороной.
Но чу! Свистящая стрела,
Была смертельна рана.
Над глазом нежная пята —
Стрелок была Диана.

<1908>

* * *

На просторе между двумя тучами, довольно узком,
Облачки с криком: лови!
Гонялись друг за дружкой.
Но тучи сердились,
Тучи шептали: смирно! ви!
(Они дурно выражались по-русски.)
И облачки уселись рядом,
И все вместе помчались к новым ядам.

1908

* * *

Мне видны — Рак, Овен,
И мир лишь раковина,
В которой жемчужиной
То, чем недужен я.
В шорохов свисте шествует стук вроде Ч.
И тогда мне казались волны и думы — родичи.
Млечными путями здесь и там возникают женщины.
Милой обыденщиной
Напоена мгла.
В эту ночь любить и могила могла...
И вечернее вино
И вечерние женщины
Сплетаются в единый венок,
Которого брат меньший я.

1908

W.

Крымское.

Вольный размѣръ.

Турки.

Вырех блестящаго и мимоходомъ всегда - окурки
Валяются на берегу
Берегу
Своихъ рыбокъ
Въ ладоняхъ
Осолоненныхъ.
Своихъ улыбокъ
Не могутъ сдержать бѣлокурые
Турки.
Иногда, балагурятъ
Я ~~тоже роняю окур~~окъ ....
Море въ этомъ заливѣ совсѣмъ засыпаетъ.
Засыпаютъ

Рукопись стихотворения «Крымское».
Третья редакция. 1908

КРЫМСКОЕ

Вольный размер

Турки
Вырея блестящего и мимоходом всегда — окурки
Валяются на берегу.
Берегу
Своих рыбок
В ладонях
Сосоненных.
Своих улыбок
Не могут сдержать белокурые
    Турки.
Иногда балагурят.
Море в этом заливе совсем засыпает.
Засыпают
Рыбаки в море невод.
Небо там золото:
Посмотрите, как оно молодо!
Но рыбаки не умеют:
Наклонясь, сети сеют.
Точно ноги
Шестинога,
В лодке их немного.
Ах! мне грустно!
И этот вечный по песку хруст ног!
И, наклонясь взять камешек,
Чувствую, что нужно протянуть руку прямо еще.
Бежит на моря сини
Ветер, сладостно сея
Запах маслины,
Цветок Одиссея.

И море шепчет «не вы»,
И девушка с дальней Невы,
Протягивая руки, шепчет: «моречко!»
А воробей проносит семячко...
Ах! я устал один таскаться!
А дитя, увидев солнце, закричало: «цаца!»
И пока расцветает, смеясь, семья прибауток,
Из ручонки
Мальчонки
Мчится камень, виясь, в убегающих уток.
Кто-то платком машет.
Возгласы: «мамаша, мамаша!»
Море ласковой мерой
Веет полуденным золотом.
Ах, об эту пору все мы верим,
Все мы молоды...
И нет ничего невообразимого,
Что в этот час
Море гуляет среди нас,
Надев голубые невыразимые...
Во взорах пес, камень,
Дорога пролегла песками,
Там под руководством маменьки
Барышня учится в воду камень кинуть.
О, этот рыбы в невод лов!
И крик невидимых орлов!
Отсюда далеко все ясно в воде.
Где очами бесплотных тучи прошли,
Я черчу: *В* и *Д*.
Чьи? Не мои.
Мои: *В* и *И*.
Когда-нибудь стоял здесь олень.
Все молчит. Ни о чем не говорят.
Белокурости турок канули в закат.
По устенью
Ящерица
Тащится
Тенью,
Вся нежная от линьки.
День! ты вновь стоишь, как карапузик-мальчик,
Засунув кулачки в карманы.
Но вихрь уносит песень дальше,

И ясны горные туманы.
Отсюда море кажется старательно выполощенным
чьими-то мозолистыми руками в синьке.
О, этот ясный закат,
Своими красными красками кат.
Где было место богов и земных дев виру,
— Там, в лавочке, — продают сыру.
Где шествовал бог — не сделанный, а настоящий,
Там сложены пустые ящики.
И, снимая шляпу
И обращаясь к тучам,
И отставив ногу
Немного,
Лепечу — я с ними не знаком —
Коснеющим детским, несмелым языком:
Если мое робкое допущение,
Что золото, которое вы тянули,
Когда, смеясь, рассказывали о любви,
Есть обычное украшение вашей семьи,
Справедливо, то не верю, чтобы вы мне не сообщили,
Любите ли вы «тянули»,
Птичку «сплю»?
А также в науке «русский язык» прошли ли
Спряжение глагола «люблю»?
Старое воспоминание жалит.
Тени бежали.
И милая власть жива,
И серы кружева.
Ветер, песни сея,
Улетел в свои края.
Всё забыло чары дел.
Лишь бессмертновею
Я.
Только.
И кроме того, ставит ли учитель двойки?

1908 1909

Вырей — юг, куда уносятся птицы осенью.
Тянули — лакомство.
Сплю — небольшая совка, распространенная в южной России.
Турки нередко бывают белокурыми.

* * *

В мигов нечет
Кузнечик
Вечер
Ткет. Качались рыбалки...
И женские голоса
Тишины балки.
Ясна неба полоса.

*

Я и ты были серы...
Возникали пенные женщины из тины.
В них было более истины,
Чем... меры.

*

СУДАК

Истлели бури — блеском мелы.
Проходит барин в белом, белом.
Проходит в черном весь барчук.
Видна гостиница «Боярчук»...
Падал час предвечерне-ранний
В зовущие лона,
Когда в каждой девице — Диана,
В каждом юноше — Адонис.
Гасит песню ямщик, с облучка слезая,
И вечерних ресниц слеза — я.

*

Падал свет из тени,
Кто был чужд смятенью?..
Я истекаю степью и именем...
Ищут приюта думы в нигде.
Как раньше тернист круг терновника.
И мир лишь падеж к слову «любовник — я».
Как раньше лик мил дев...
Я вечно юн, если небовеяние дев...
Но кострам «алчу я» дыма нет.
Я истекаю степью и именем.

*

Если вы и я себя любите,
То я в вас молитвой никогда.
Но синий взор в веках дар,
И косит время в дубах тень.

*

Тропочка к морю левее...
Я устал идти!
Твой взор счастьевеет...
Мир и всё — лишь *и* к *я* и *ты*!

*

Облаки казались алыми усами.
Мы забыли, мы не знали, кто мы сами,
Мы забыли, мы не знали: двойники ли с небесами
Или мы сами.
Где-то далеко, где падал туман,
Веет пением мам.
Тает в дымчатых сумерках лес, но
Еще милей туманное слово «прелестно».
Ах!.. Мы изнемогли в вечной вечного алчбе!
А дитя, передразнивая нас, пропищало «бе!».

*

Из лавки доносится: «барыш с нами...»
А дорога процвела барышнями.

Не знают голоса мерки.
Огневеют голосами в сумерках.
Волосы убраны башнями шелку,
Иногда курганом соломенных тканей
(Весь порасцвел он алыми цветами).
Беспечно роняют, что были зимою в Париже.
С печалью ем свои вишни.
Вижу:
Здесь я лишний...

*

Вечер. Тени.
Сени. Лени.
Мы сидели, вечер пья.
В каждом глазе — бег оленя,
В каждом взоре — лёт копья.

И когда на закате кипела вселенская ярь,
Из лавчонки вылетел мальчонка,
Провожаемый возгласом: «жарь!»

И скорее справа, чем правый,
Я был более слово, чем слева.

*

Мы в одеждах сомнений
Упали на зеленую траву...
А дальше все звончей и все богоявленней
Звал нас голос в дальнюю страну...

*

Собачка машет хвосточком, лает.
Старушка идет милая,
В руке дрожит сетяной мешочек.
Я — не Чехов.

1908

ОПЫТ ЖЕМАННОГО

Я нахожу, что очаровательная погода,
И я прошу милую ручку
Изящно переставить ударение,
Чтобы было так: смерть с кузовком идет по года́.
Вон там на дорожке белый встал и стоит виденнега!
Вечер ли? Дерево ль? Прихоть моя?
Ах, позвольте мне это слово в виде неги!
К нему я подхожу с шагом изящным и отменным.
И, кланяясь, зову: если вы не отрицаете значения любви чар,
То я зову вас на вечер.
Там будут барышни и панны,
А стаканы в руках будут пенны.
Ловя руками тучку,
Ветер получает удар ея, и не я,
А согласно махнувшие в глазах светляки
Мне говорят, что сношенья с загробным миром легки.

1908

* * *

Озеро.
Стаи стрекозьи, рои.
Хохот.
Смех.
Рыданье.
Плач.
Плох зорь
Меч
И дани
Плах.
Полеет даль.
Белее мысли
Тело
Русалки.
Летят коромыслы.
В тенях
Рыбалки
Ловят плотву
Душных струй.
Вынутые мрежи.
Чинит плот внук.
Старец
Щуку режет.

1908

* * *

Зеленнядины трав
В взор упадут,
Пролив ручей отрав
Неясной песнью дуд.
Поют, поют кузнечики.
И чет сменяет нечет.
Закат красив резьбой,
Сруб туч глядит избой.
Блестит в дали река.
Ступочет палка старика...

1908

* * *

Любеницы устами касались
Задремавшего парня в лесу
И водили по векам заснувшего палец,
Шевелили-любили красу.

1908

ЛЕШИЙ НА РАСПУТЬИ

Молиться? Хохотать?
Там, где лица, быть как тать?
На охоте быть как сокол?
Течь весною медом, соком?
Нюхать ложе водяницы?
Быть что и ночью редко снится?
Надевать обряды волка?
Пробегать по небу голко?

1908

* * *

И топливом времовые дрова,
И возраста летоязычный огнь,
И зыбко зыблется трава,
И месяца серп вогнут.
И в веселой охоте
Гонит Ярила женозорок.
И много хохота,
И далек ворог.

1908

* * *

В даль бежит вода.
Высоки́ тростники.
Небо величаво.
Конь опустил повода.
Взоры быстры́ и дики́.
На пле́чах небыль
Дивной чары.
Людеголосо поет нежить.
Мир быви небывь нежит.

1908

* * *

Девически милые речи,
Где слово скрывает,
Где взоры манят,
Где чайностей тайное вече,
Где детскостям гаснущий вечер,
Где тайности чаек
Во взорах шалят.

1908

* * *

Ой, небянки-голубки́,
Что в невянные венки
Заплелись, свились, завились,
С ясью небною сдружились.
С ярями далями сжились,
С явами чайнами свились.

1908

* * *

Мы все заглянули
    В пропасти злые.
Мы все отшатнулись,
    Немые! Немые!

1908

В.В.Хлебников.
Рисунок А.В.Хлебникова. 1900-е гг.

* * *

Люди склонились над бездной,
Забыт ими пращур надзвездный.
Стонет молчание в возгласах вёсел.
Стали рабами ремёсел.
О, этот тел буй
Забыли вы, русские,
И уначальности целбу,
Те, кого взоры тусклые.

1908

* * *

Богоокий говор тишин
Прошила ты словом — умри!
И когда я промчался звездной путиной,
Мне сказала: гори!

1908

* * *

Немостынные стены вставали
В пьяном ужасе рьяных стожалий,
И, как тихая греза мечтали,
Прозвенели твои называли.

1908

* * *

Славязи негных дум
Покорною шли чередой.
Бич рождал уличный шум,
Вил плечи суетой.
Конские головы не наших желаний
Звонкостью олова страх убивали,
Сапами грусть озаряли.

1908

* * *

Грёзоль о тайных мирах...
Грёзоль о сое богов...
Где-то колышется страх,
Звякнуло зве́но оков...

1908

* * *

Немь лукает луком немным
В закричальности зари.
Ночь роняет душам темным
Кличи старые: гори!
Закричальность задрожала,
В щит молчание взяла
И, столика и стожала,
Боем в темное пошла.
Лук упал из рук упавном,
Прорицает тишина,
И в смятении державном
Улетает прочь она.

1908

* * *

Самотеча зрящих струй,
Где поюнный льется буй.
Самотеча тихих слов,
Где молчанья стаи снов.

1908

ЗЕЛЕНОЕ КОЛО

И ведьма в час, когда лучи светлы,
Под гнетом яростной метлы
Летела.
«Не знаю, песнь каких немизн,
Но знаю четко — я не жизнь», —
Пропела.
О, взметенные развейности!
Тихоструйностынь свирельностей!
О, взведенные небдейности!

1908

* * *

Зеловéков венок
На чело
Воздел, все еще юноша, рок.
В безраздумные хляби челнок унесло.
О, не умер бы он!
О, боюсь за него!
И умиралостным жалом,
О, не будет покрывало!
О, не надо, не надо, не смей!
Пощади, мечтодей,
Убивало...
Клонится рок.
Падает рок.
И над ним одинокий венок.

1908

* * *

О, сладки туки
Детских мяс!
О, сладки муки
Детских глаз!
Чей глас
В узорных муках
Погас,
Погас!

1908

* * *

Когда был Адам и Ева,
Кто был правый, кто был левый?

1908

* * *

Предательски извивен ящер.
В своих желаниях всех я сер.
И жизнь изменческих желаний соты,
И в некрасивом есть красоты.

1908

* * *

Тает зов.
Змей возов.
Нет пути.
Крик: пусти!
С песней
В избе с ней
Любо.
— Люба?!

1908

* * *

О, это взор — сощурь
В глазах, где щур.
О, чаща острых злоб
И гневно хмурый прекрасный лоб.
Так послушные завету век при
Клыками расслоняют тростник вепри.

1908

* * *

Кубок сбит из длинных досок,
Богов выпит кем-то сок.
Божий хмель и зверю дорог.
Вол подъемлет сизый рог.

1908

* * *

На кладби́ще
Спит — раскинулась бабища.
Краски, кисти!
По всему — художник истый.
В покоселом голубце
Лик святого стертый...
У чорта
Насуплены брови, и с любовью на лице
Водит по дереву краской.
— Стираются времени ласки!
Споры движения рук.
Старые краски мрут!
«Тут бы, — воркует, — того!»
А плешина украшена усом святого!
Ах, в старину писали неплохо!
Вот тут бы наметить меточку ловко!
Бабища спит, в горлышке клокочет.
Чорт суслит хвост озабоченно.
Из зыбкой мглы лик святого воскресает.
Святого утопленника лысый бес спасает!

1908

* * *

— 1742

Еще не пойманный во взорах вор ник,
А уж в устах вставал надменный дворник.
Мы рассмеялись все, кто были молод,
И миг поднял веселый молот.
Палец подняв, мы закричали все: сей! сей!
И кинули свой крик в глубь благостных высей: сей!
Но хохочет и гремит улица.
Ах, мне несказуемые блага сулит царь!
Ходит ужас по нивам клонимых шей,
И прочитано, узнано: «голод безумием шей!»
Все так любезны и милы со мной друзья,
И их нежных надежд груз я.

1908

* * *

О женщины! О меньший брат,
Вас надо брать,
Какие вы есть,
Или время выест
Жизни сочный и веселый плод,
Что качается всегда над рекой,
Где мысль о бессмертии в нерадостный брег плот,
На стеблях мигов,
Всегда чуждых игол.
И там, где женщины, мы всегда с ними.
Мы вами, в вас лучшее с влаги жизни снимем.
Ах, нам несказуемо милый сон издавна снится!
И мила мигов малых колесница!

1908

* * *

Мы, воины, во и́ный край уверовав,
Суровой ратью по лону вод текли.
Шеломы наши не сверкали серые,
Кольчуги тускло отражались в них.
Пищали вспыхнули огнем.
Мы знали, — верой и огнем
Рати серые согнем.
Моряной тихо веяло,
И, краше хитрых крас,
Над нами реял
Наш незлобивый тихий Спас.

1908

* * *

Сутконогих табун кобылиц
Прозвенели, промчались полями.
Времяшерстны их тела,
Днями пышут взоры глаз.

1908

* * *

Я славлю лёт его насилий,
Тех крыл, что в даль меня носили, —
Свод синезначимой свободы —
Под круги солнечных ободий,
Туда, под самый-самый верх,
Где вечно песен белый стерх.

1908

* * *

Я забывал тебя во всяком взоре,
Я зрил твое в зазоре,
Но знал, что я — уж не я
И ты моих снопов жнея.
Лия пустотность в алчность ям,
Я отдавался всем змеям.
Я был угрюм и одинок,
Вия страстей сквозной венок.
Но кто мой дух в моей пустыне?
Уж черная кошка визжит на тыне.
Се строгая глядит совесть.
Так пыльное ведет колесо в весь.
Благословляй или роси яд,
Но перед взорами одна,
Зовет морского дна
— Россия.
Пребудешь темным ликом
Всегда — везде — для всех великим.

1908

* * *

В высь весь вас звáла
И милый мигов миру ил.
И в сласти власть ненастья вала.
И вечером затянутый стан жил.
Он жил, как древнее свиданье,
Лобзаньям не отдавший дани,
Когда, узнав свирепый мед,
Он синий к небу водомет.
Он пролил слезы рос,
Вновь воскресив вопрос:
— Не та ли?
Глаза светали.

1908

* * *

Гроб
Греб
Добролюбиво,
Не покладая рук,
Граблями дев бесолюбивых,
Которым чорт не брат, но друг.

Гроб греб трудолюбиво,
Грабитель вод к тиши ревнивых,
Граблями дев бесолюбивых,
Которым бес не зять, не брат,
Но вдруг,
Ни дать ни взять,
Внезапный милый, тесный друг.

Гроб греб яснолюбиво,
Не покладая рук,
Граблями дев бесолюбивых.

1908

* * *

Небес хребты
Одел мехами сверк.
Двуясный ясень мерк.
Были не пройдены пути.
Но видны, видны путы,
И некуда идти,
И челны наши утлы.

Три чала
Причалят
К лодкам, боль
Кричала
Кричалой
Глоткой голь.

Молот
Раз пять
Опустился.
«Распять!» —
Клик вонзился.
«Молод!..»

1908

* * *

Из мешка
На пол рассыпались вещи.
И я думаю,
Что мир —
Только усмешка,
Что теплится
На устах повешенного.

1908

* * *

И песнь очеретянок
Молчание за ус тянет,
Шаловливое дитя.
И в да́ли
Сны летят.
О, мигов копоть
На стекле моей светли́!
Устал я капать
Телом
Омылелым
Из жизнесмерти петли.
И кто восхочет быть моей капели блюдо?
Молчит пространность стадного люда.

1908

* * *

Осенний ветр листья греб.
Копали тесный, узкий гроб.
И в дальнем синем мертвеце
Лопаты видели мет цель.
И, смехом седым помавая,
Вставала тишина гробовая.

1908

* * *

Печальные белые лели
В сих белых снегах околели.
И поют, поют: о, люли́!
Хваля долю ли, волю ли.
И качается в ветрах ляля.
Из клюва сочится песнь ли, поля ли.
И в жизноём себя мы лили,
И тихо — «смерть! приди» — молили.
Тихо?

1908

КАЗАК

Сквозь древни ворота
Втекает бурно голота,
Ее немы́ имёна
И буйно развеваются знамена.
Чьи камни на саблях?
Чья бряцает сабля?
И эта вечером краса блях.
Право и время
В конских глазах.
Вчера семя
Сеет
Лоза
Дней.
        К ней:
К ней!
Из мести
Измята
Нега кожи
Веревкой,
Бичевой
И лучшее
Из блюд,
Несущее
— Люблю!
Ревела молодежь:
«Отнимем!»
Ответствуют огни им.
Копыт о пыльный тук
О как безнадежен ты, последний стук!

Нежное бремя
На конском хребте.
Ее слеза
Пролита.
Она не вздрогнет бровью.
Его рука
Залита черной кровью
Ее.
О, этот страшный день!
И стук желез,
И беглая людень.
Но кто же снизу лез?
Горит, горит светлица!
Испуганные лица.
Внизу там
Вдруг
Голосом
Разутым
Заревел отец
О тех.
И стан ее
Уже
Наг,
И та уже
Жена.
О, стон!
Святой
Растлен
Устой
У той.
О, этот страшный крик, рассказавший всё!

1908

* * *

Ты была на шумком сборище,
Где смеялись не смеясь.
Уносил я из позорища
Нитей тонких мысли вязь.
Крутился смутный тел вихорь,
И снежным тетеревам мечты
Нещадный горла вил хорь.
И вознесла тогда меч ты,
Вмиг переоценив темь цен,
И, с полом скован столбняком,
Плясвоперого дятла долбни кол
Осиновый тонул в безнадежном мертвеце.

1908

* * *

Равнец! скажи, зачем борель
Была развеяна в ворель?
Из переулков, дверей, улиц
Толпа вливается на шум.
В каждой женщине — Засулич,
В каждом юноше — мятун.
Его красив печальный лоб.
Венки зачем надеты злоб?
Тот с <*нрзб.*> бочар
Смеется смехом злобача,
Как тело точат черви.
С высот летит трезвон вечерни,
И взоры радостных юнцов
В толпе блестят со всех концов...
Лежал, белея головой.
Стоит, рыдая, половой.
Но лишь подъемлют с мостовой,
Подъемлется жен тихий вой.
И прядает ушами лошадь.
Свирелью смерть взял веселоша.
Извозчики коней секут.
Грозится кто-то босяку.
Дорога чистится возку.
И молодость в глазах влечет тоску.
И трепетал богач
При слове яростном: пугач.
И взрыва звук был дик и голк.
Стоит, торжествуя, пугок.
«Мы все умрем!»
А над Кремлем

Кривила рот мутея,
Ей нравилась сия затея!
Что? сумасшедшие? — едва ль!
И дело сделала взорваль.
Я знаю, многих сгорбит
Весть истинная о скорби.
Но, боже, можно ль перечесть
Того, кому улыбка — честь!
Забудет весть любую
Толпа, предавшись бую.
Насмешливо стоит ростух.
И голод — всех сердец пастух.
Исчезла милая нежда.
Настала ярая вражда.
Не стало прежней милой неги.
Повсюду взоры злобеннеги.
И уж не стало в нем вернот,
И слитны яд и ярь умнот.
Забыта старая печаль,
К устам прислонена пугаль.
Пути толпы свилися в жгут,
Бегут, идут, где крики жгут.
Во славу руса вероки
Бегут, безумны и дики.
О Русь! каким богам молилья
Убийства были крылья?
Убито горнее чуймо,
Проснулось красное буймо.
За светом темных окон
Почудилась весна.
Равноком
Восстала алая буйна.
Ты свергнул иго!
Народа дух
Качается, как Игорь,
Когда притянутые древа
Невинное терзали чрево.

1908

* * *

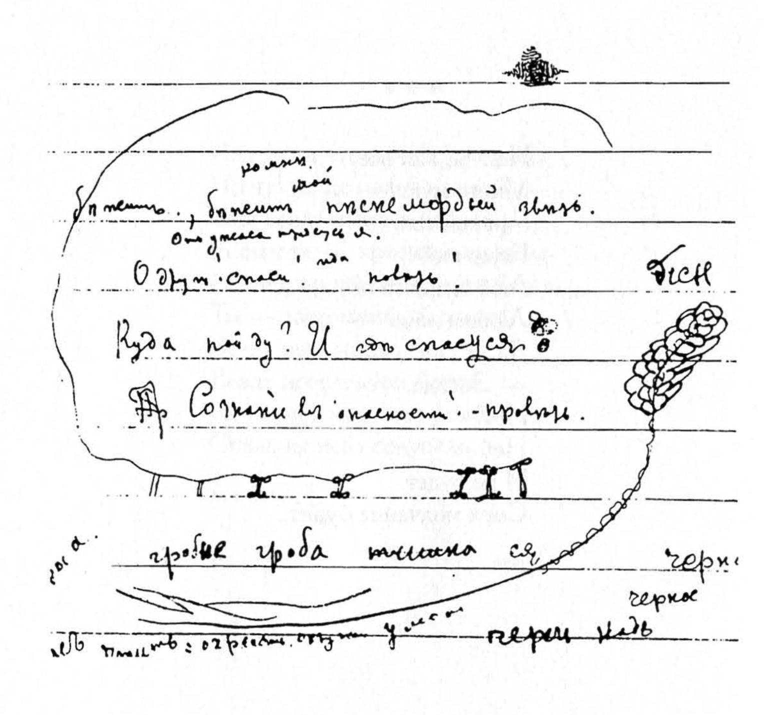
И есть ли что мечей поюнней?
Но чу! везде полет воюний.
Они везде зовут в борель,
И смерть — красивая свирель.
О, меч, по выйному пути бегач,
Ты — неутомчивый могач!
Везде преследует могун!
Везде преследуем бегун!
Печальны мертвых улыбели,
Сияльны неба голубели.

1908, 1913

* * *

Ноне я, как все.
Много му́ки!
Горький сев.
Кому кий
Люб и приятен?
Любим ли я? — ты?
Да.
— Звезда.
Нет
Неб
И не будет.
Смех молчание будит.

1908



Рукопись стихотворения
«Бежит, бежит ко мне мой песнемордый зверь...». 1908

* * *

Бежит, бежит ко мне мой песнемордый зверь.
От ужаса трясусь я.
О друг! спаси! Иди, поверь!
Куда пойду? И где спасуся?
Сознание в опасности! — проверь.
Гробее гроба тишина ся.

1908

* * *

На площади старого града
Собралась чорная рада
— Рабочий, дева, воин.
И древо слов роняет хвои.

1908

* * *

Как стоги на вечерних гумнах,
На небе позднем темнели тучи.
О боге рокотала умнядь.
И смех зыбил уста летучий.

1908

* * *

Братья, довольно быть вялыми струнами!
Натянем себя на пеньки мести и ненависти.
Загудим стого́лосом-рокотом:
Отчизну, отчизну вы предали!

1908

* * *

Пренебрегли для мнимых благ
Закона хохотом седым
И, отдаваясь воле влаг,
Назвали гор твердыню: дым!
И в миг, когда венец твердыни
Улыбкой утренней сияет,
Вы отреклись от слов гордыни,
Себя спросив, что ясь сия есть?
Но вновь себя опутав
Улыбкой ласкового утра,
Вы налегаете на чолны,
Презрения ко прошлым полны.
И восстает красою гнева
Святая девственная Дева,
И разметает всех по буре,
И развевает дымы курев...

1908

* * *

Но кто он, око темноты?
Кто просветил молчание песней?
Зём в восхищенье ник, но ты
Вторила песнью диких весен,
Ты воспевала сон ночей
И поцелуй не мнимо чей,
И упоение борьбой,
И возглас милый, старый: бой!
Тогда воскресли небеса,
Тогда рассмеялся голос, — бог
И совесть снова нам веса́,
Расцвел, кто древле был убог.

1908

* * *

Всё озаря
Всходит заря.
О, этот меч воинствующего утра!..
И восхищенные орлы.
И смерти чуд раб
Срывал недель своих венец.
И прожитому кинул «нет!»,
И зева волка рощи воев
Угрюмо заблестели вои.

1908

* * *

Небо в блистаньях левеет.
Свет надлю́бвянный веет.
Вселенночеств очи в о́чах
Тихих яростных ребят.
Мноерукий смех хохочет
Тех, кто любят, не таят.

1908

* * *

Когда казак с высокой вышки
Увидит дальнего врага,
Чей иск — казацкие кубышки,
А сабля — острая дуга, —
Он сбегает, развевая кудрями, с высокой вышки,
На коня он лихого садится
И летит без передышки
В говором поющие станицы.
Так и я, задолго до того мига,
Когда признание станет всеобщим,
Говорю: над нами иноземцев иго,
Возропщем, русские, возропщем!
Поймите, что угнетенные и мы — те ж!
Учитесь доле внуков на рабах,
И, гордости подняв мятеж,
Оденьте брони поверх рубах!

1908

БОЕВАЯ

Радой Славун, Родун славян,
Не кажи, не кажи своих ран!
Расскажи, расскажи про ослаби твои,
Расскажи, расскажи, как заслави твои
    полонила волна неми,
    с запада яростно бьющей...
Расскажи, расскажи, как широкое плёсо
    быловой реки
    замутилось-залилось
    наплывом-наливом влияний иных:
Иной роди, иной крови, иной думи,
    иных речей, иных бытей,
— Инобыти.
Я и сам бы сказал, я и сам рассказал,
Протянул бы на запад клянущую руку,
    да всю горечь свою, да все яды свои собираю,
    чтоб кликнуть на запад и юг свою весть,
    свою веру, свой яр и свой клич,
Свой гневный, победный, воинственный клич:
«Напор слави единой и цельной на немь!»
Посолонь, слава! За солнцем, друзья, —
    на запад за солнечным ходом,
    под прапором солнца идемте, друзья, —
    на запад за солнечным ходом.
— Победная славь да идет,
Да шествует!
Пусть в веках и реках раздается тот пев:
«Славь идет! Славь идет! Славь восстала...»
Пусть в веках и реках раздается запев:
«Славь идет! Славь идет! Славь восстала!»

1908 1914

СКИФСКОЕ

1

Что было — в водах тонет.
И вечерогривы кони,
И утровласа дева,
И нами всхожи севы.

2

И вечер — часу дань,
И мчатся вдаль суда.
И жизнь иль смерть — любое,
И алчут кони боя.

3

И в межи роя узких стрел —
Пустили их стрелки —
Бросают стаи конских тел
Нагие ездоки.

4

И месть для них — узда,
Желание — подпруга.
Быстра ли, медленна езда,
Бежит в траве подруга.

– 1742

5

В их взорах голубое
Смеется вечно вёдро.
Товарищи разбоя,
Хребет сдавили бедра.

6

В ненастье любят гуню,
Земля сырая — обувь.
Бежит вблизи бегунья,
Смеются тихо оба.

7

Коня глаза косы,
Коня глаза игривы:
Иль злато жен косы
Тяжеле его гривы?

8

Качнулись ковыли,
Метнулися навстречу.
И ворог ковы лить
Грядет в предвестьях речи.

9

Сокольих крыл колки,
Заморские рога.
И гулки и голки,
Поют его рога.

10

Звенят, звенят тетивы,
Стрела глаз юный пьет.
И из руки ретивой
Летит-свистит копье.

11

И конь, чья ярь испытана,
Грозит врагу копытами.
Свирепооки кони,
И кто-то, кто-то стонет.

12

И верная подруга
Бросается в траву.
Разрезала подпругу,
Вонзила нож врагу.

13

Разрежет жилы коням,
Хохочет и смеется,
То жалом сзади гонит,
В траву, как сон, прольется.

14

Земля в ней жалом жалится,
Таится и зыбит.
Змея, змея ли сжалится,
Когда коня вздыбит?

15

Вдаль убегает насильник.
Темен от солнца могильник.
Его преследует насельник.
И песен клич весельный...

16

О, этот час угасающей битвы,
Когда зыбятся в поле молитвы!..
И темны, смутны и круглы
Над полем кружатся орлы.

17

Завыли волки жалобно:
Не будет им обеда.
Не чуют кони жала ног.
В сознании — победа.

18

Он держит путь, где хата друга.
Его движения легки.
За ним в траве бежит подруга —
В глазах сверкают челноки.

1908

* * *

Кому сказатеньки,
Как важно жила барынька?
Нет, не важная барыня,
А, так сказать, лягушечка:
Толста, низка и в сарафане,
И дружбу вела большевитую
С сосновыми князьями.
И зеркальные топила
Обозначили следы,
Где она весной ступила,
Дева ветренной воды.

<1908–1909>

* * *

Бобэо́би пелись губы.
Вээо́ми пелись взоры.
Пиэээо пелись брови.
Лиэээй пелся облик.
Гзи-гзи-гзэо пелась цепь.
Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лицо.

<1908—1909>

* * *

Москва! Москва!
Мозг влаг
Племен.
Каких племен гудки
Ты не переваяла
В молчание?
В тебе
Древних говоров ракит
Таяло
Звучание.
И если ищешь ты святыню,
Найдешь в Кремле ю.
Я взором в башнетыне
Млею.

1908—1909

* * *

1

Вы помните о городе, обиженном в чуде,
Чей звук так мило нежит слух
И, взятый из языка старинной Чуди,
Зовет увидеть вас: пастух
С свирелью сельской (есть много неги
в сельском имени),
Молочный скот с обильным выменем,
Немного робкий перейти реку, журчащий брод...
Все это нам передал в названье чужой народ.
Пастух с свирелью из березовой коры
Ныне замолк за грохотом иной поры.
Где раньше возглас раздавался
мальчишески-прекрасных труб,
Там ныне выси застит дыма смольный чуб.
Где отражался в водах отсвет коровьих ног,
Над рекой там перекинут моста железный полувенок.
Раздору, плахам вчера и нынче город — ясли,
В нем дружбы пепел и зола, истлев, погасли.
Когда-то, понурив голову, стрелец безмолвно
шествовал за плахой.
Не о нем ли в толпе многоголосой
девичий голос заплакал?
В прежних сил закат
К работе призван кат.
А впрочем, всё страшней и проще:
С плодами тел казненных на полях
не вырастают рощи,

Казнь отведена в глубь тайного двора.
Здесь на нее взирает детвора.
Когда толпа шумит и веселится,
Передо мной всегда казненных лица.
Так и теперь: на небе ясном тучка —
Я помню о тебе, боярин непокорный Кучка!

2

В тебе, любимый город,
Старушки что-то есть.
Уселась на свой короб
И думает поесть.
Косынкой замахнулась — косынка не простая:
От и до края летит птиц черных стая.

1909

* * *

Могилы вольности Каргéбиль и Гуниб
Были соразделителями со мной единых зрелищ,
И, за столом присутствуя, они б
Мне не воскликнули б: «Что, что, товарищ, мелешь?»
Боец, боровшийся, не поборов чуму,
Пал около дороги круторогий бык,
Чтобы не вопрошающих — к чему? —
Узнать дух с радостью владык.
Когда наших коней то бег, то рысь вспугнули их,
Пару рассеянно-гордых орлов,
Ветер, неосязуемый для нас и тих,
Вздымал их царственно на гордый лов.
Вселенной повинуяся указу,
Вздымался гор ряд долгий.
Я путешествовал по Кавказу
И думал о далекой Волге.
Конь, закинув резво шею,
Скакал по легкой складке бездны,
С ужасом в борьбе невольной хорошея.
Я думал, что заниматься числами над бездной полезно.
Невольно числа я слагал,
Как бы возвратясь ко дням творенья.
И вычислял, когда последний галл
Умрет, не получив удовлетворенья.
Далёко в пропасти шумит река,
К ней бело-красные просыпались мелá.
Я думал о природе, что дика
И страшной прелестью мила.
Я думал о России, которая сменой тундр, тайги, степей

Похожа на один божественно-звучащий стих.
И в это время воздух освободился от цепей
И смолк, погас и стих.
И вдруг на веселой площадке,
Которая на городскую торговку цветами похожа,
Зная, как городские люди к цвету падки,
Весело предлагала цвет свой прохожим, —
Увидел я камень, камню подобный, под коим пророк
Похоронен, — скошен он над плитой и увенчан чалмой.
И мощи старинной раковины, — изогнуты в козлиный рог,
На камне выступали; казалось, образ бога —
камень увенчал мой.
Среди гольцов, на одинокой поляне,
Где дикий жертвенник дикому богу готов,
Я как бы присутствовал на моляне
Священному камню священных цветов.
Свершался предо мной таинственный обряд.
Склоняли голову цветы,
Закат был пламенем объят,
С раздумьем вечером свиты...
Какой, какой тысячекост,
Грознокрылат, полуморской,
Над морем островом подъемлет хвост,
Полунеземной объят тоской?
Тогда живая и быстроглазая ракушка была его свидетель,
Ныне уже умерший, но, как и раньше зоркий, камень.
Цветы обступили его, как учителя дети,
Его — взиравшего веками.
И ныне он, как с новгородичами, беседует о водяном
И, как Садко, берет на руки ветхогусли, —
Теперь, когда Кавказом, моря ощеренным дном,
В нем жизни сны давно потускли.
Так, среди «Записок Кушетки» и «Нежный Иосиф»,
«Подвиги Александра» ваяете чудесными руками, —
Как среди цветов колосьев —
С рогом чудесным виден камень.
То было более чем случай:
Цветы молилися, казалось, перед времен
давно прошедших слом

О доле нежной, о доле лучшей:
Луга топтались их ослом.

Здесь лег войною меч Искандров,
Здесь юноша загнал народы в медь,
Здесь истребил победителя леса ндрав
И уловил народы в сеть.

16 сентября 1909

* * *

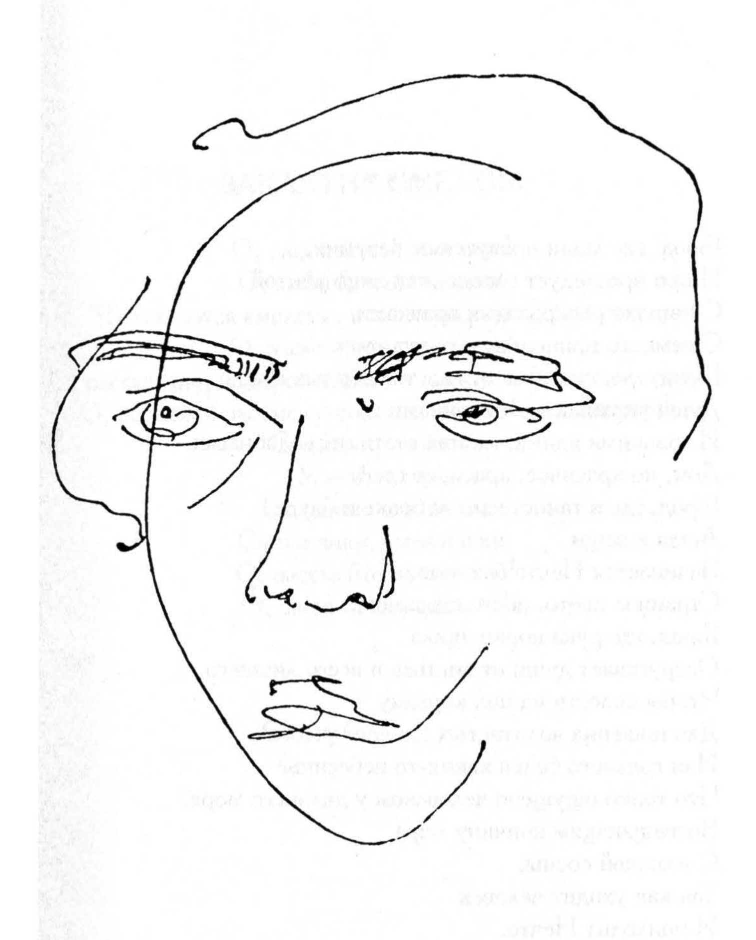
Меня окружали степь, цветы, ревучие верблюды,
Круглообразные кибитки,
Моря овец, чьи лица однообразно-худы,
Огнем крыла пестрящие простор удоды —
Пустыни неба гордые пожитки.
Так дни текли, за ними годы.
Отец, далеких гроза сайгаков,
Стяжал благодарность калмыков.
Порой под охраной надежной казаков
Углублялся в глушь степную караван.
Разбои разнообразили пустыни мир,
И вороны кружили, чуя пир,
Когда бряцала медь оков.
Ручные вороны клевали
Из рук моих мясную пищу,
Их вольнолюбивее едва ли
Отроки, обреченные топорищу.
Досуг со мною коротая,
С звенящим криком: «сирота я»,
Летел лебедь, склоняя шею,
Я жил, природа, вместе с нею.
Пояс казаков с узорной резьбой
Мне говорил о серебре далеких рек,
Порой зарницей вспыхнувший разбой, —
Вот что наполняло мою душу, человек.

1909

* * *

Я не знаю, Земля кружится или нет,
Это зависит, уложится ли в строчку слово.
Я не знаю, были ли моей бабушкой или дедом
Обезьяны, так как я не знаю,
хочется ли мне сладкого или кислого.
Но я знаю, что я хочу кипеть и хочу, чтобы Солнце
И жилу моей руки соединила общая дрожь.
Но я хочу, чтобы луч звезды целовал луч моего глаза,
Как олень оленя (о, их прекрасные глаза!).
Но я хочу, чтобы, когда я трепещу,
общий трепет приобщился вселенной.
И я хочу верить, что есть что-то, что остается,
Когда косу любимой девушки заменить,
например, временем.
Я хочу вынести за скобки общего множителя,
соединяющего меня, Солнце, небо, жемчужную пыль.

<1909>



В.В.Хлебников. Автопортрет. 1909

* * *

Город, где люди прячутся от безумия,
И оно преследует города, как лицо убитой
С широко раскрытыми зрачками,
С немного приподнятыми кудрями.
Город, где, спасаясь от сластолюбивых коз,
Души украшают себя шипами
И горькими ядами, мечтая стать несъедобными.
Дом, но красивое, красивое где?
Город, где в таинственном браке и блуде
Люда и вещи
Зачинается Нечто без имени,
Странное нечто, нечто странное...
Город, где рука корзинщика
Остругивает души от листьев и всего лишнего,
Чтобы сплести из них корзину
Для ношения золотистых плодов? рыбы?
Или грязного белья каких-то небесинь?
Что тонко ощущено человеком у дальнего моря,
Возвещающим кончину мира
С высокой сосны,
Так как уходит человек
И приходит Нечто.
Но таинственным образом
Колышки, вошедшие в корзину,
Относятся надменно над вольными лозами,
Так как признали силу плетущих рук за свою собственную.
Город, где...

<1909>

ЗАКЛЯТИЕ СМЕХОМ

О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!
Что смеются смехами, что смеянствуют смеяльно,
О, засмейтесь усмеяльно!
О, рассмешищ надсмеяльных — смех усмейных смехачей!
О, иссмейся рассмеяльно, смех надсмейных смеячей!
Смейево, смейево,
Усмей, осмей,
Смешики, смешики,
Смеюнчики, смеюнчики.
О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!

1909

ПОГОНЩИК СКОТА, СОЖРАННЫЙ ИМ

В ласкающем воздуха леготе,
О волосы, по плечу бегайте.
Погонщик скота Твердислав,
Губами, стоит, моложав.
Дороги железной пред ним полотно,
Где дальнего поезда катит пятно.
Или выстукивай лучше колеса,
Чтоб поезд быстрее и яростней несся,
Или к урочному часу спеши
И поезду прапором красным маши.
Там, за страною зеленой посева,
Слышишь у иволги разум напева:
Юноша, юноша, и́дем, и ты
Мне повинуйся и в рощу беги,
Собирай для продажи цветы.
Чугунные уж зашатались круги.
Нет, подъехал тяжко поезд —
Из железа темный зверь, —
И, совсем не беспокоясь,
Потянул погонщик дверь.
Сорок боровов взвизгну́ло,
Взором бело-красных глаз,
И священного разгула
Тень в их лицах пронеслась.
Сорок боровов взвизгну́ло,
Возглашая: смерть надежде!
Точно ветер, дуя в дуло,
Точно ветер, тихий прежде.

Колеса несутся, колеса стучат:
Скорее, скорее, скорей!
Сорок боровов молчат,
Древним разумом зверей урчат!
И к задумчивому вою
Примешался голос страсти:
Тело пастыря живое
Будет порвано на части.

<1909–1910>

* * *

Были вещи слишком сини,
Были волны — хладный гроб.
Мы под хохот небесини
Пили чашу смутных мроб.
Я в волне увидел брата,
Он с волною спорил хлябей,
И туда, где нет обрата,
Броненосец шел «Ослябя».
Над волной качнулись трубы,
Дым разорван был в кольцо.
Я увидел близко губы,
Брата мутное лицо.
Над пучиной, емля угол,
Толп безумных полон бок,
И по волнам, кос и смугол,
Шел японской роты бог.
И тогда мои не могут более молчать уста!
Перун толкнул разгневанно Христа
И, млат схватив, стал меч ковать из руд,
Дав клятву показать вселенной,
Что значит русских суд!
В бурунах пучины седых,
В зелено-тяжких водах
Пловцы бросают смертный дых,
И смерть была их отдых.
Было человечественной
Сыто море пеной,
Оно дрожало ходуном
И голосом всплеснуло до вселенной:

«Измена, братия, измена!»
Карая на наш род багром,
Бойтесь, о бойтесь, монголы!
И тщитесь в будущем узреть Ниппон,
Свои поля от жертвенных чертогов голы,
А над собой наш ликующий закон.
Было монистом из русских жизней
В Цусиме повязано горло морей.
Так куритесь же, ниппонские тризны,
Когда на вас подунет снова Борей.
Быть ожерельем из русских сме́ртей —
Цусимы сладостный удел.
Что Руси рок в грядущем чертит,
Не ужаснулся, кто глядел.
Ее вздымается глава
Сквозь облаков времёна,
Когда истлевшие слова
Стали врагов ее имёна.
Слушайте, слушайте, дети, тревога
Пусть наполняет бурые лица.
Мы клятву даем:
Вновь оросить своей и вашей
Кровию сей сияющий
Беспредельный водоем.
Раздается Руси к морю гнев:
«Не хочешь быть с Россией, с ней?
Так чашей пучины зазвенев,
Кровями общими красней!»
Так и ты, Ниппон, растерзан <будь> ее орлиным лётом.
И чтения о тебе — лекарством от зубной боли
с крысиным наравне пометом.
Зубной боли!
Чего ж ты хочешь более?
Туда, туда она направит лёт орлицы!
Бледнейте, смуглые японцев лица.

<1909–1910>

Литография П.Н.Филонова из книги В.Хлебникова «Изборник». 1914

ПЕРУНУ

Над тобой носились беркута,
Порой садясь на бога грудь,
Когда миял[1] ты, рея, омута,
На рыбьи наводя поселки жуть.
Бог, водами носимый,
Ячаньем встречен лебедей,
Не предопределил ли ты Цусимы
Роду низвергших тя людей?
Не знал ли ты, что некогда восстанем,
Как некая вселенной тень,
Когда гонимы быть устанем
И обретем в времёнах рень?
Сил синих снём,
Когда копьем мужья встречали,
Тебе не пел ли: «Мы не уснем
В иных времен начале»?
С тобой надежды верных плыли,
Тебя провожавших зовом «Боже»,
И, как добычу, тебя поделили были,
Когда взошел ты на песчаной рени ложе.
Как зверь влачит супруге снеди
Текущий кровью жаркий кус,
Владимир не подарил ли так Рогнеде
Твой золоченый длинный ус?
Ты знаешь: путь изменит пря,
И станем верны, о Перуне!
Когда желтой и белой силы пря
Перед тобой вновь объединит нас в уне.
Навьём возложенный на сани,
Как некогда ты проплыл Днепр, —
Так ты окончил, Перунепр,
Узнав вновь сладость всю касаний.

<1909–1910>

---

[1] *Миял* — миновал.

ПАМЯТНИК

Далеко на острове, где русской державе
Вновь угрожал урок или ущерб,
Стал появляться призрак межавый,
Стаи пугая робких нерп.
Они устремлялись с плачем прочь,
Белое пятно имея наездником,
Меж тем как сверху слепо ночь
Им освещала путь отзвездником.
Синеокая дочь молокан,
Зорко-красные губки,
«Ишь, какой великан!» —
Молвив, пошла, поплыла в душегубке.
Вон ладья и другая:
Японцы и Русь.
Знаменье битвы: грозя и ругая,
Они подымают боя брусь.
Тогда летели друг к другу лодки,
Пушки блестели, как лучины.
Им не страшен голод глотки
Бездной разверзнутой пучины.
Рев волн был дальше, глуше,
Ревели, летели над морем олуши
Грузно, освещая темь и белые,
Как бы вопрошая: вы здесь что делая?
Тюлени взглядывали глазами мужа,
Отца многочисленного семейства.
И голос волн был уже, туже,
Точно застывший в священнодействе.
Зеленое море, как нива ракит,
Когда закат и сиз и сив.
Из моря плюется к небу кит,

Без смысла темен и красив.
Тогда суровые и гордые глаза
Узнали близко призрак смерти,
Когда увидели: победы что лоза
В руках японцев и ею вертят.
С коротким упорным смешком —
«Возвратись, к черноземному берегу чали,
Хочешь ли море перейти пешком?» —
Японцы русскому кричали.
И воины, казалось, шли ко дну,
Смерть принесла с собой духи «Смородина».
Но они помнили ее одну —
Далекую русскую родину!
По-прежнему ветров пищали,
В прах обращая громадные глыбы.
Киты отдаленно пищали,
И пролетали летучие рыбы.
Они походили на старушек,
Завязанных глухим платком,
Которых новый выстрел из пушек
Заставит плакать — по ком?
Но в этот миг сорвался, как ядро,
Стоявший на брегу пустынном всадник.
И вот, худое как ведро,
Пошел ко дну морей посадник.
И русским выпал чести жребий,
На дно морское шли японцы.
«Иди, иди», — звал голос рыбий.
Склонялось низко к морю солнце.
Последний выстрел смерти взором
На небе сумрачно блеснул,
И кто на волнах был сором,
Пошел ко дну, уснул.
И воины, умирая, трепетали.
Они покорно принимали жизни беды,
Но они знали, что они тали
Грядущей русского победы.
И всадник кверху взмыл, исчез.
Его прочерчен путь к закату,
Когда текло, струясь, с небес
На море вечернее злато.

Меж тем на Знаменьи
Перед изваяньем — создатель Трубецкой, —
Когда на отдых шел росам иней,
Молниепутной окруженный цкой,
Стоял наряд наружной стражи.
По-прежнему блистал, как зеркало, валун,
В себе отразив и страхование от кражи
И взоры неги серебряные лун.
Но памятник был пуст,
На нем в тот миг стоял никто.
И голос вещий вылетел из уст:
«Здесь дело с нечистью свито!»
Когда из облаков вдруг тяжко пал,
Копытами ударив звонко в камень,
Тот, кто в могиле синей закопал
Врага, грозившего руками.
И ропот объял негодующий народ,
И памятник вели в участок,
Но он не раскрыл свой гордый рот
И в лике скачущего за́стыл.
И, оттираясь жирно, в сале,
Ему в участке приписали
На площадь оную вернуться
И пребывать на ней и впредь без гривы, дела, куцо.
От конного отобрали медежа расписку,
Отмеченную такой-то частью.
И конь по-прежнему склоняет низко
Главу, зияющую пастью.
По-прежнему вздымает медь
Памятник зеркальный и блестящий,
Ружье не перестает в руках иметь
Воин отставной, блюстящий.
Толпа беседует игриво.
Взором слабеющим взирает часовой на них.
И кто-нибудь, подсмеиваясь над гривой,
Советует позвать портних.
И пленному на площади вновь тесно и узко.
Толпа шевелится, как зверя мех,
Беседуют по-французски,
Раздается острый смех.

1909—1910

ТРУЩОБЫ

Были наполнены звуком трущобы,
Лес и звенел и стонал,
Чтобы
Зверя охотник копьем доконал.
Олень, олень, зачем он тяжко
В рогах глагол любви несет?
Стрелы вспорхнула медь на ляжку,
И не ошибочен расчет.
Сейчас он сломит ноги о земь
И смерть увидит прозорливо,
И кони скажут говорливо:
«Нет, не напрасно стройных возим».
Напрасно прелестью движений
И красотой немного девьего лица
Избегнуть ты стремился поражений,
Копьем искавших беглеца.
Всё ближе конское дыханье,
И ниже рог твоих висенье,
И чаще лука трепыханье,
Оленю нету, нет спасенья!
Но вдруг у него показались грива
И острый львиный коготь,
И беззаботно и игриво
Он показал искусство трогать.
Без несогласья и без крика
Они легли в свои гробы.
Он же стоял с осанкою владыки —
Были созерцаемы поникшие рабы.

1910

Олень, превратившийся в льва, — образ России.

* * *

О, город — сон, преданье самодержца,
Узнал ты бич Перуна-громовержца?
В ту ночь
Хлыст молнии блестящей,
Прекрасной в прошлом — ужасной в настоящем,
Гнал все живое в домы прочь.
И пенно-свинцовая волна
Метала пены в берег метко.
Она, как львица, что гнева полна
И зрит: везде простерла прутья клетка.
И два египетских кумира
Когти стерегли молчащим взором
Протянутых надменно лап.
Пред ними овнов нету жира,
Людей молящихся собором.
Чужбины Бог стал мертвый раб.
Летите, летите, бури певицы!
Молчат фиванские девицы.
О, вы, восставшие пришельцы,
В косах шелковых и черных,
Вам не молились земледельцы,
Что когтем лап скребли узорных
Старинный серый известняк,
Как тело вражье смелый враг.
И к египетским девам молчащим
Исторгались из глаз в страдании взгляды,
Казалось, робко, боязливо к дальним чащам
Шли в бурю, в темноту два нежных лада.
И дивно смеялись те девы в концы

Улыбкой спокойно одетого рта.
Идите, идите, стучитесь, гонцы!
Чугунная дверь в сад чудес отперта!
За ними был дом. Строг и высок он.
И у пламенных вечером окон
Стоит юноша стройный, художник.
Он смотрит и, грустью охваченный, плачет.
Везде напевы похорон...
О, что, скажите, значит
В наш век-безбожник
Сей львиный сон?

1911

* * *

Мы сюда приходили, как нежные боги,
В венках из листвы, что старинней,
Чем мир.
И старые главы и строгие ноги
Месяца иней
Слил в общий кумир.
Теперь мы приходим ордой дикарей
Гордых и голубоглазых.
И шепчем: скорее, скорее, скорей!
Чужбина да сгинет в кровавых заразах.
С оружьем палиц в шестопёрах,
На теле кожа рыси,
И клич на смелых горах
Несет нас к вольной выси.

1911

СОН ЛИХАЧА

Зачем я сломил
Тело и крыло
Летевшей бабурки?
Плачет село
Над могилой девчурки.

<1911>

* * *

...И она ответила тихо,
Устремляя в себя синий взгляд:
«Бездонно-сине-пернатое лихо,
Я бате не скажу ни о чем.
Твои уста зачем палят?
Ты смотришь грозным палачом.
Я не скажу ни о чем брату,
Чтоб он не пришел сюда с пищалью
И чтобы звездному грозному свату
Я не ответила б с печалью.
Кто ты, сумрак или бог,
В ожерелье звонких струй,
Ты зачем упал в наш лог
И зачем твой горяч поцелуй?
Я не скажу ни про что и моей маменьке,
Она прилетела и смотрит <насмешливо> каменкой.
Но я скажу казачине, —
Его конь как гром, а волосы как ливень, —
Чтобы он ведал, кто к девчине
Пришел, зраком синим дивен».
И дикая усмешка искривила
Небоизгнанника уста.
Он затрепетал, как раненая вила,
И смехом огласил места.
Грустиночка ж тиха и проста.
Казак Амур широкий сторожит
И песнь поет про деву Украины.
Вода волнистая бежит,
Вплетая в пены пряди крины.

Ветер унывно ноет в дуле
И веет травы на золотом украшенный тесак.
Но вдруг огонь и свист, предтеча пули,
И навзничь падает нестонущий казак.
И кто-то радостным крылом
Ему в глаза незрячие блеснул
И снова, проведя черту меж добром и злом,
В пустыне синей потонул.

<1911>

* * *

Как черное облако, как туча грозы,
Повисло дерево над садом,
И моря прибоя низы
Зеркальны звезд сверкавшим взглядам.
Ты стоишь одна у ворот,
Одетая вся в белое.
Пустынно все... Молчит народ,
А ты стоишь что делая?

<1911>

* * *

Как два согнутые кинжала,
Вонзились в небо тополя
И, как усопшая, лежала
Кругом широкая земля.
Брошен в сумрак и тоску,
Белый дворец стоит одинок.
И вот к золотому спуска песку,
Шумя, пристает одинокий челнок.
И дева пройдет при встрече,
Объемлема власами своими,
И руки положит на плечи,
И, смеясь, произносится имя.
И она его для нежного досуга
Уводит, в багряный одетого руб,
А утром скатывает в море подруга
Его счастливый заколотый труп.

<1911>

* * *

Мечтатель, изгнанник рыдал
Под яркой зеленою ивой.
Он молодость раннюю дал
За жизни путь красивой.
Он юность золотую
Провел на Акатуе.
И слезы длинные льются
На корни и на лозы,
Поодаль летают и вьются
Блестящие стрекозы.

<1911>

* * *

Семь холодных синих борозд
Упадает на пол вечем,
И волос шелко́вый хворост
Вьется пламенем по плечам.
А за односпальною кроватью
Живет шалун-мальчишка.
Стрела летит к простому платью,
Свистит насмешливая крышка.

1911

* * *

О, эти камня серого чертоги
И, песни сестра, волна ступеней.
Размером строгие пороги
Лежат толпой прекрасных теней.
И вы, черно-зеленые утесы,
Стоящие в молчании сада.
Здесь девы чешут свои косы
И ждут прихода гостя-лада.

<1911>

Пощечина
Общественному
Вкусу.

Д. Бурлюкъ, Н. Бурлюкъ,
А. Крученыхъ, В. Кандинскій,
Б. Лившицъ, В. Маяковскій,
В. Хлѣбниковъ.

Изданіе Г. Л. Кузьмина.

Сборники «Садок судей» I. 1910
«Мирсконца». 1912
«Бух лесиный». 1913
«Пощечина общественному вкусу». 1913

ТРЕБНИКЪ
ТРОИХЪ.

Сборникъ стиховъ и рисунковъ.

Москва.
Изданіе Г. Л. КУЗЬМИНА и С. Д. ДОЛИНСКАГО.
1913 г.

ФУТУРИСТЫ
„ГИЛЕЯ"
БУРЛЮКИ: ДАВИДЪ, ВЛАДИМІРЪ, НИКОЛАЙ.
АЛЕКСАНДРЪ КРУЧЕНЫХЪ, БЕНЕДИКТЪ ЛИВШИЦЪ.
ВЛАДИМІРЪ МАЯКОВСКІЙ. ВИКТОРЪ ХЛѢБНИКОВЪ.

ДОХЛАЯ
ЛУНА

Стихи, проза, статьи,
рисунки, офорты.

ОСЕНЬ
1913
МОСКВА

футуристы
„Гилея" Сборникъ.

МОЛОКО
КОБЫЛИЦЪ

Рисунки
Стихи
Проза

Александра Экстеръ. Б. Лившицъ.
Хлѣбниковъ. В. Маяковскій.
Бурлюки: Давидъ, Игорь Сѣверянинъ.
Владиміръ, Николай. В. Каменскій.
А. Крученыхъ.

МОСКВА.
1914 г.

Сборники «Требник троих». 1913
«Дохлая луна». 1913
«Тэ ли лэ». 1914
«Молоко кобылиц». 1914

* * *

На острове Э́зеле
Мы вместе грезили.
Я был на Камчатке,
Ты теребила перчатки.
С вершины Алтая
Я сказал: «дорогая».
В предгорьях Амура
Крылья Амура.

<1911>

* * *

Чудовище — жилец вершин,
С ужасным задом,
Схватило несшую кувшин,
С прелестным взглядом.
Она качалась, точно плод,
В ветвях косматых рук.
Чудовище, урод
Довольно, тешит свой досуг.

<1911>

* * *

Гуляет ветренный кистень
По золотому войску нив.
Что было утро, стало день.
Блажен, кто утром был ленив.

<1911>

* * *

Полно, сивка, видно, тра
Бросить соху. Хлещет ливень и сечет.
Видно, ждет нас до утра
Сон, коняшня и почет.

<1911>

АЛФЁРОВО

Немало славных полководцев,
Сказавших «счастлив», умирая,
Знал род старинных новгородцев,
В потомке гордом догорая.

На белом мохнатом коне,
Тот в Польше разбил короля.
Победы, коварны оне,
Над прежним любимцем шаля.

Тот сидел под старой липой,
Победитель в Измаиле,
И, склонен над приказов бумажною кипой,
Шептал, умирая: «Мы победили!»

Над пропастью дядя скакал,
Когда русские брали Гуниб,
И от раны татарскою шашкой стекал
Ручей. — Он погиб.

То бобыли, то масть вороная
Под гулкий звон подков
Носила седоков
Вдоль берега Дуная.

Конюшен дедовских копыта
Шагами русская держава
Была походами покрыта,
Товарищами славы.

Тот на Востоке служил
И, от пули смертельной не сделав изгиба,
Руку на сердце свое положил
И врагу, улыбаясь, молвил: «Спасибо».

Теперь родовых его имений
Горят дворцы и хутора,
Ряды усадебных строений
Всю ночь горели до утра.

Но предан прадедовским устоям,
Заветов страж отцов,
Он ходит по покоям
И теребит концы усов.

В созвездье их войдет он сам!
Избранники столицы,
Нахмурив свои лица,
Глядят из старых рам.

1911

ЧИСЛА

Я всматриваюсь в вас, о числа,
И вы мне видитесь одетыми в звери, в их шкурах,
Рукой опирающимися на вырванные ду́бы.
Вы даруете — единство между змееобразным движением
Хребта вселенной и пляской коромысла,
Вы позволяете понимать века, как быстрого хохота зубы.
Мои сейчас вещеобразно разверзлися зеницы:
Узнать, что будет Я, когда делимое его — единица.

1911 1914

* * *

Закон качелей велит
Иметь обувь то широкую, то узкую,
Времени — то ночью, то днем,
А владыками земли быть то носорогу, то человеку.

<1911>

* * *

Сон — то сосед снега весной,
То левое непрочное правительство в какой-то Думе.
Коса — то украшает темя, спускаясь на плечи,
То косит траву.
Мера — то полна овса,
То волхвует словом.

<1911>

* * *

Слоны бились бивнями так,
Что казались белым камнем
Под рукой художника.
Олени заплетались рогами так,
Что казалось, их соединял старинный брак
С взаимными увлечениями и взаимной неверностью.
Реки вливались в море так,
Что казалось: рука одного душит шею другого.

<1911>

* * *

Люди, когда они любят,
Делающие длинные взгляды
И испускающие длинные вздохи.
Звери, когда они любят,
Наливающие в глаза муть
И делающие удила из пены.
Солнца, когда они любят,
Закрывающие ночи тканью из земель
И шествующие с пляской к своему другу.
Боги, когда они любят,
Замыкающие в меру трепет вселенной,
Как Пушкин — жар любви горничной Волконского.

<1911>

* * *

Когда рога оленя подымаются над зеленью,
Они кажутся засохшее дерево.
Когда сердце речаря обнажено в словах,
Бают: он безумен.

<1911>

* * *

Когда умирают кони — дышат,
Когда умирают травы — сохнут,
Когда умирают солнца — они гаснут,
Когда умирают люди — поют песни.

<1911>

* * *

Други, оба молодые,
Оба взглядами лихие,
Вы оба моих брата,
Но один из вас мой деверь.
О, сияющий брательник,
Побежим вдвоем на север,
И в лучах златых заката
Станет темным можжевельник.
Други! Жребий сердца вынут.
Так хотел черный камень,
Он из зева солнцем ринут.
Да блестит молитвы пламень!

<1911>

* * *

Мирно величавый вид
Открыл служения зла наймит.

Осетр, согнутый в три погибели,
Качал вселенной шар,
И шар вола вдыханья зыбили,
Сливался с небом влажный пар.

На том утесе не был посторонний,
Был на вселенной мир ладони.

1911

* * *

Я закрываю веки и вижу пагоды благоуханны:
Здесь мамонт жил, любимец богдыхана.
И с края кровли льют свой звон на пол бубенчики,
И разноцветных светочей горят красиво венчики.
Я вижу сопки керченской подземную зарю
И радугу висячую, и сизый дым,
И красных камней лёт, и вой, и гром.
И красный дождь ужасен дикарю.
Но что же? К облакам седым
Летит кумир с протянутым челом.

<1911>

К ТРУПУ МАМОНТА

Уж не одно тысячелетье,
Когда гонитель туч суровый Вырей
Гнал птиц лететь морозной плетью,
Птицы тебя знали, летя над Сибирью.

Тебя молнии били, твою шкуру секли ливни,
Ты знал ревы грозы, ты знал свисты мышей,
Но как раньше сверкают согнутые бивни
Ниже упавших на землю ушей.

И ты лежишь в плащах косматорыжих
Как сей земли суровый разум,
Где лишь тунгуз бежит на лыжах,
Чернея тонким узким глазом.

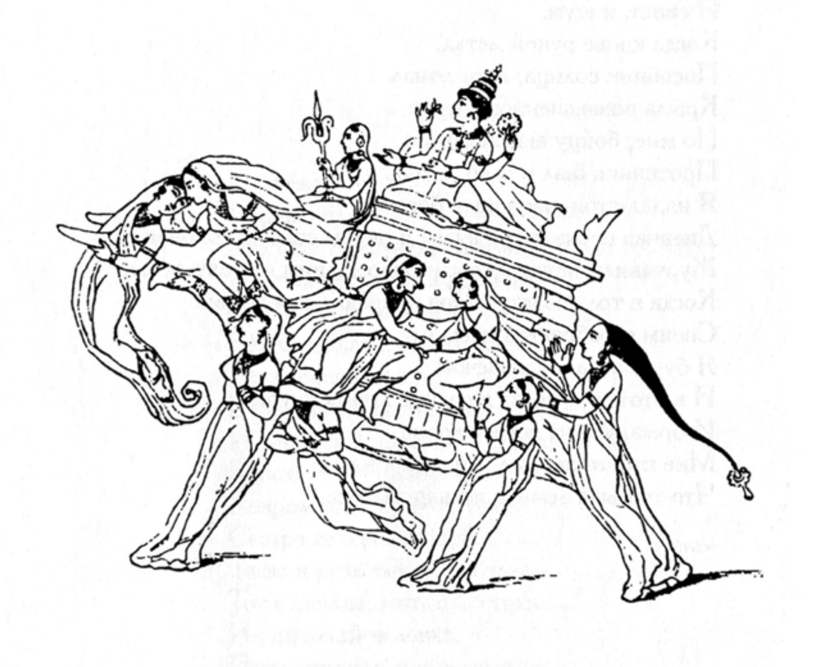
1911

* * *

Пламёна —
Первые племёна,
Как снег блистающей земли.
В лучах цвели огня кремли.
Среди пустыни мира синей
Земля пылала. Красный иней
Ее широко одевал
В багрец воздушных покрывал.
И в вихрях радостного света
Блистала община огней.
Ковром зарниц была одета
Сестра зеленая людей.
Тогда к реке текло два тока,
Тот с запада, этот с востока.
И одинокий человек,
Паря широкими крылами,
Стрелою тучу пересек,
Как спутник кормчего мирами.
Огня листвой горят деревья
С дымными горячими стволами,
И тучи носятся в кочевья,
Точа ядовитыми смолами.
И с серным запахом зарницами,
Жилищем смерти, облаками,
И смертоносными криницами
Тот век, те дни богаты были,
И на земле лишь бури жили.
И в этот миг я кинулся с копьем,
Темный, смуглый,

Серебряным шумя крылом.
Главы кудрями круглый.
Огонь бесовских дум
В мозгу, как лава, клокотал.
И свист, и шум,
Когда копье рукой метал.
Пособник солнца, ветр ломал
Крыла возвышенного перья,
Но мне, бойцу высокомерья,
Противник был и слаб, и мал.
Я издал стон ликующей борьбы.
Дневная песнь тигра в нем и рядом свисты соловья.
Журчанием нежным были рядом с ним в грозу дубы,
Когда в трех солнц семью направил кол копья.
Своим серебряным крылом
Я бурю резал, как мечом.
И в этот миг, когда я солнце кромкое убил
И брызнула на землю кровь,
Мне кто-то шептал, что я любил,
Что то была земная первая любовь.

<1912>



Вишну на слоне. Старинное индийское изображение

* * *

Меня проносят на слоновых
Носилках — слон девицедымный.
Меня все любят — Вишну новый,
Сплетя носилок призрак зимний.

Вы, мышцы слона, не затем ли
Повиснули в сказочных ловах,
Чтобы ласково лилась на земли,
Та падала, ласковый хобот.

Вы, белые призраки с черным,
Белее, белее вишенья,
Трепещете станом упорным,
Гибки, как ночные растения.

А я, Бодисатва на белом слоне,
Как раньше, задумчив и гибок.
Увидев то, дева ответила мне
Огнем благодарных улыбок.

Узнайте, что быть тяжелым слоном
Нигде, никогда не бесчестно.
И вы, зачарованы сном,
Сплетайтесь носилками тесно.

Волну клыка как трудно повторить,
Как трудно стать ногой широкой.
Песен с венками, свирелей завет,
Он с нами, на нас, синеокий.

<1912>

РАЗМЫШЛЕНИЕ РАЗВРАТНИКА

Но бледен, как конское око,
Твой серебряный с просинью взор.
Спутались волосы. Тени порока
Слагались в красивый узор.
Ах, юноши! Счастливы те,
Кто не ведал ни щек, ни пылающих глаз.
Ведь он в синей ночной высоте
Увидал тучи звезд, незаметных для вас.

1912

* * *

Будем грозны, как Остра́ница,
    Платов и Бакланов.
Полно вам кланяться
    Роже басурманов!

С толпою прадедов за нами
    Ермак и Ослябя.
Вейся, вейся, русское знамя,
Веди через сушу и через хляби!

1912

ИЗ ПЕСЕН ГАЙДАМАКОВ

С нави́сня пан летит, бывало, горинож,
В заморских чёботах мелькают ноги,
А пани, над собой увидев нож,
На землю падает, целует ноги.
Из хлябей вынырнет усатый пан моржом,
Чтоб простонать: «Santa Maria!»
Мы ж, хлопцы, весело заржом
И топим камнями в глубинах чартория.
Панов сплавляем по рекам,
А дочери ходили по рукам.
Была веселая пора,
И с ставкою большою шла игра.
Пани нам служит, как прачка-наймитка,
А пан плывет, и ему на лицо садится кигитка.

Нет, старче, то негоже:
Парча отстоит от рогожи.

<1912>

Из пѣсен гайдамаков
С навися. пани летит бывало горинож
в заморских чоботах мелькают ноги
А пани над собой увидѣв нож
На землю падает цѣлует ноги
Из хлябей вынырнет усатый пан моржем
Чтоб простонать Santa Maria
Мы ж хлопцы весело заржем
И топим камнями в глубинах Чарторія
Панов сплавляем по рѣкам
А дочери ходили по рукам
Была веселая пора
И с ставкою большою шла игра

Пани нам служит как прачка наймитка
А пан плывет и ему на лицо садится
кичитка
Нѣт старче то негоже
Парча отстоит от рогожи

Ларіонов

«Из песен гайдамаков». Литография М.Ф.Ларионова из сборника «Мирсконца». 1912

ПА-ЛЮДИ

Птица, стремясь в высь,
Летит к небу.
Панна, стремясь ввысь,
Носит высокие каблуки.
Когда у меня нет обуви,
Я иду на рынок и покупаю ее.
Когда у кого-нибудь нет носу,
Он покупает воску.
Когда у народа нет души,
Он идет к соседнему
И за плату приобретает ее
— Он, лишенный души!..

<1912>

* * *

Осиновый скук кол
Вошел в видение под гробом.
И сорит лучшая из кукол
Труху, рассыпанную зобом.

<1912>

* * *

Мои глаза бредут, как осень,
По лиц чужим полям.
Но я хочу сказать вам — мира осям:
«Не позволям!»
Хотел бы шляхтичем на сейме,
Руку положив на рукоятку сабли,
Тому, отсвет желаний чей мы,
Крикнуть, чтоб узы воль ослабли.
Так ясновельможный пан Сапега,
В гневе изумленном возрастая,
Видит, как на плечо белее снега
Меха надеты горностая.
И падает, шатаясь, пан
На обагренный свой жупан...

<1912>

ПЕРЕВЕРТЕНЬ

(Кукси, кум, мук и скук)

Кони, топот, инок.
Но не речь, а черен он.
Идем, молод, долом меди.
Чин зван мечем навзничь.
Голод, чем меч долог?
Пал, а норов худ и дух ворона лап.
А что? Я лов? Воля отча!
Яд, яд, дядя!
Иди, иди!
Мороз в узел, лезу взором.
Солов зов, воз волос.
Колесо. Жалко поклаж. Оселок.
Сани, плот и воз, зов и толп и нас.
Горд дох, ход дрог.
И лежу. Ужели?
Зол, гол лог лоз.
И к вам и трем с Смерти-Мавки.

<1912>

* * *

В руках забытое письмо коснело...
Небо закатное краснело.
        О, открыватель истин томный!
        Круг — прамин бога вспомни.
        Мощь нежная дитяти
        Сильно кольцо потяти.
Но что ж: бог длинноты в кольце нашел уют,
И птицы вечности в кольце поют.
Так и в душе сумей найти кольцо —
И бога нового к вселенной обратишь лицо.
И, путнику, тебе придвинут боги чашу с возгласом:
                                                            «Сам пей!
Волну истоков Эксампей!»
Я, тать небесных прав для человека,
Запрятал мысль под слов туманных веко.
Но, может быть, не умертвил, —
                                                    взор подари́т свой Вий
Тому, кто на языке понятном молвит:
                                                    «Главу-дерзавицу овей!»

<1912>

* * *

Я победил: теперь вести
Народы серые я буду,
В ресницах вера заблести,
Вера, помощница чуду.
Куда? отвечу без торговли:
Из той осоки, чем я выше,
Народ, как дом, лишенный кровли,
Воздвигнет стены в меру крыши.

<1912>

* * *

Ночь, полная созвездий,
Какой судьбы, каких известий
Ты широко сияешь, книга,
Свободы или ига?
Какой прочесть мне должно жребий
На полночью широком небе?

<1912>

* * *

Где прободают тополя́ жесть
Осени тусклого паяца,
Где исчезает с неба тяжесть
И вас заставила смеяться,
Где под собранием овинов
Гудит равнинная земля,
Чтобы доходы счел Мордвинов,
Докладу верного внемля,
Где заезжий гость лягает пяткой,
Увы, несчастного в любви соперника,
Где тех и тех спасают прятки
От света серника,
Где под покровительством Януси
Живут индейки, куры, гуси,
Вы под заботами природы-тети
Здесь, тихоглазая, цветете.

1912

* * *

Когда над полем зеленеет
Стеклянный вечер, след зари,
И небо, бледное вдали,
Вблизи задумчиво синеет,
Когда широкая зола
Угасшего кострища
Над входом в звездное кладбище
Огня ворота возвела,
Тогда на белую свечу,
Мчась по текучему лучу,
Летит без воли мотылек.
Он грудью пламени коснется,
В волне огнистой окунется,
Гляди, гляди, и мертвый лег.

1912

* * *

Снежно-могучая краса
С красивым сном широких глаз,
Твоя полночная коса
Предстала мне в безумный час.
Как обольстителен и черен
Сплетенный радостью венок,
Его оставил, верно, ворон,
В полете долгом одинок.
И стана белый этот снег
Не для того ли строго пышен,
Чтоб человеку человек
Был звук миров, был песнью слышен?

1912

* * *

Двух юных слышу разговор
Намеков полный мудрецов:
Есть числа, а без них есть мудрость вздор,
О свете споры трех слепцов.
Число сошлось — и речи верны,
И лепет детский глубже книг,
Но где их нет, то место скверно.
Умы лжи образ не возвысил.
Мечтой увенчанный язык
Плохой товарищ, где нет чисел,
К числа жезлу наш ум привык.

1912

* * *

Тело — кружева изнанка,
Одинока и легка,
Ты срываешь спозаранку
Колыбели мотылька.

*

Вся — жизни радуги присуща,
Малиновому рту.
Кругом осокоревые кущи
И всё поет: цвету!

*

Север, запад, все сторонки
Замкнуты суровым садом.
Нехотя, но вперегонки
Я бегу с тобою рядом.

*

Черноокой горожанки
Косит око боязливо,
И вдруг медлительной южанки
Руку протянет за сливой.

*

Ах, юнак молодой,
Дай венок тебе надену,

Ты забудешь про бой
И забудешь измену.

*

Сядешь ты у ног покорно,
Будешь в очи мне глядеть,
И моя тебя задорно
Будет бить березой ветвь.

*

Дева, бойся указаний
Кремля белого Казани:
Стены, битвою пробиты,
Ведь негодны для защиты.

*

Хоть и низок Севастополь,
Целый год крепился он.
Я стройна, как гордый тополь,
Неприступна с всех сторон.

*

Прямодушнее туркмена
Нет на свете никого.
Дева милая, измена,
Право, право, не того...

*

С звонким смехом рассыпаясь,
Я смирюсь, щадя беднягу.
И, бледнея и шатаясь,
Я с тобою быстро лягу.

1912

* * *

Гонимый — кем, почем я знаю?
Вопросом: поцелуев в жизни сколько?
Румынкой, дочерью Дуная,
Иль песнью лет про прелесть польки, —
Бегу в леса, ущелья, пропасти
И там живу сквозь птичий гам,
Как снежный сноп, сияют лопасти
Крыла, сверкавшего врагам.
Судеб виднеются колеса,
С ужасным сонным людям свистом
И я, как камень неба, несся
Путем не нашим и огнистым.
Люди изумленно изменяли лица,
Когда я падал у зари.
Одни просили удалиться,
А те молили: озари.
Над юга степью, где волы
Качают черные рога,
Туда, на север, где стволы
Поют, как с струнами дуга,
С венком из молний белый чорт
Летел, крутя власы бородки:
Он слышит вой власатых морд
И слышит бой в сковородки.
Он говорил: «Я белый ворон, я одинок,
Но всё — и черную сомнений ношу
И белой молнии венок —
Я за один лишь призрак брошу
Взлететь в страну из серебра,
Стать звонким вестником добра».

У колодца расколоться
Так хотела бы вода,
Чтоб в болотце с позолотцей
Отразились повода.
Мчась, как узкая змея,
Так хотела бы струя,
Так хотела бы водица
Убегать и расходиться,
Чтоб, ценой работы добыты,
Зеленее стали чёботы,
Черноглазыя, ея.
Шопот, ропот, неги стон,
Краска темная стыда.
Окна, избы с трех сторон,
Воют сытые стада.
В коромысле есть цветочек,
А на речке синей челн.
«На, возьми другой платочек,
Кошелек мой туго полн». —
«Кто он, кто он, что он хочет?
Руки дики и грубы!
Надо мною ли хохочет
Близко тятькиной избы?
Или? или я отвечу
Черноокy молодцу,
О сомнений быстрых вече,
Что пожалуюсь отцу?»
Ах, юдоль моя гореть!
Но зачем устами ищем
Пыль, гонимую кладбищем,
Знойным пламенем стереть?

И в этот миг к пределам горшим
Летел я, сумрачный, как коршун.
Воззреньем старческим глядя на вид земных шумих,
Тогда в тот миг увидел их.

<1912>

* * *

С журчанием, свистом
Птицы взлетать перестали.
Трепещущим листом
Они не летали.
Тянулись таинственно перья
За тучи широким крылом.
Беглец науки лицемерья,
Я туче скакал напролом.

1912 1914

* * *

Очи Оки
Блещут вдали.

<1912>

* * *

Наш кочень очень озабочен:
Нож отточен точен очень!

<1912>

* * *

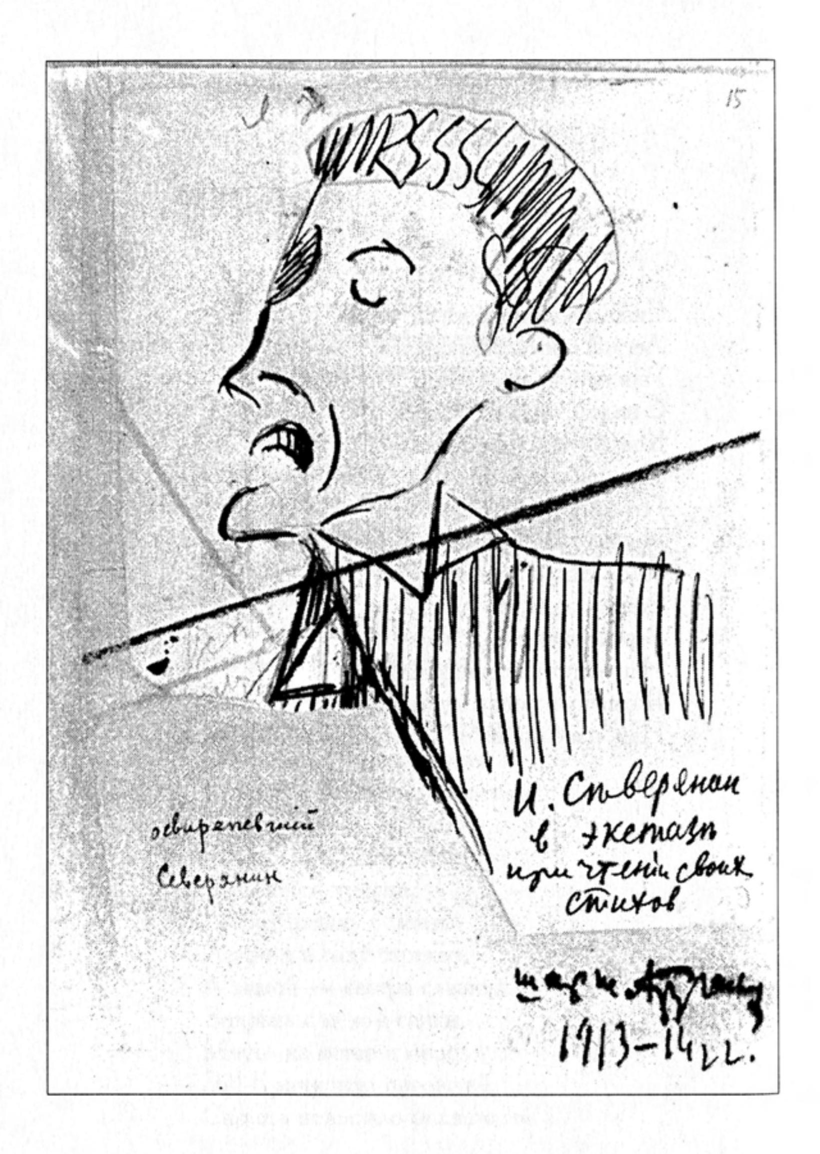
Она пошла, она запела
Скорбно, воинственно звонко.
И над головою пролетела
С пером в цвету сизоворонка.
«Я плясунья, я легка,
Я с крылами мотылька.
И на вопрос, путем каковым
Хочу я жизнь свою прожить,
Я отвечу: мотыльковым
Веду кумирам я служить.
Я толпы веселой вождь,
Я усмешек ясных дождь.
Эти белые уступы,
Белой чести белый кремель,
Он захочет, станут глупы
Вожаки грознейших земель.
Любимы мною мотыльки,
Поля, лужайки и цветки.
Я улыбкою грозна,
Любит пляску белизна.
Летом я в саду стрекоз,
А зимой — сестра славянки,
Закрывая мехом санки,
Мчусь на ветер и мороз.
Эй! Кричу чете проезжей,
Скрыта полостью медвежей».

1912

* * *

Сюда лиска прибегала,
Легкой поступью порхала,
Уши нежно навостряла
С видом тонкого нахала,
Концом желтым опахала
И сердилась и махала.
Пташки чудно ликовали
И свистели, ворковали.
Голос ужаса пронесся,
Вопль казни, вопль плахи.
Вертят мучениц колеса?
Иль ведут насильно свахи?
Я слышу в вопле муки пекла,
Иди, чтоб время помощи путь не пересекло.

1912



Игорь Северянин. Шарж А.Е.Крученых (1913—1914)
с надписью В.В.Хлебникова:
«Освирепевший Северянин» (декабрь 1921 г.)

ОТЧЕТ О ЗАСЕДАНИИ КИКАПУ-Р-НО — ХУДОЖЕСТВЕННОГО КРУЖКА

Здесь почтенный аршин
Шел с высоких вершин,
Подает посошок
Непочтенный вершок.
Ах, бушменским красавицам
Нравится,
Чтоб рот их был проколотым,
То угодно небесам.
Так и речь моя, плясавица
По чужим ушесам
Слов заморских грубым молотом.
Лицо с печальной запятой
Серо́, остро́ и испитое,
Щеки тоще-деревянные,
В бровях плошки оловянные...
Таков король, пускай он тощ,
А тощ он потому,
Что на болоте скудный хвощ,
— Повсюду день гласит уму...
Тот и этот столбец
Ты смешай словаря,
И дадут бубенец,
Дадут плащ короля...
Мы хлопали немножко,
Мы хлопали б ей-ей,
Хотя б скакала блошка
В одежде королей...
В нем нет души,
Но есть духи, —
Заметил кто-то...

1912

* * *

Гобая слышу зов, рурокий голос вещий.
Годея величезно приходят словеса. Оса. Еще оса.
Но влаги жалобзание меня не утомляет.
Чепена вкруг меня. Шуводы зашумели.
Шуоко сине-серое. Туус белизн черный.
Живая падоска. Венковная цветами
Склоняется трава. Как труп — уснувший я.
Труповна се́йчась же живая и жа̇парчой залитая.
А бу камней — бо легкой боли.
Сухой стать — бы ума. Но праздна бы́хоть!
Где ле́хоты? где лю́воли?
Шеберег из тростинок, там жизвук стих.

<1912>

СЕМЕРО

1

Хребтом и обличьем зачем стал подобен коню,
Хребтом и обличьем зачем стал подобен коню,
Кому ты так ржешь и смотришь сердито?
Я дерзких красавиц давно уж люблю,
Я дерзких красавиц давно уж люблю,
И вот обменил я стопу на копыто.

2

У девушек нет таких странных причуд,
У девушек нет таких странных причуд,
Им ветреный отрок милее.
Здесь девы холодные сердцем живут,
Здесь девы холодные сердцем живут,
То дщери великой Гилеи.

3

Гилеи великой знакомо мне имя,
Гилеи великой знакомо мне имя,
Но зачем ты оставил свой плащ и штаны?
Мы предстанем перед ними,
Мы предстанем перед ними,
Как степные скакуны.

4

Что же дальше будут делая,
Игорь, Игорь,
Что же дальше будут делая
С вами дщери сей страны?
Они сядут на нас, белые,
Товарищ и друг,
Они сядут на нас, белые,
И помчат на зов войны.

5

Сколько ж вас, кому охотней,
Борис, Борис,
Сколько ж вас, кому охотней
Жребий конский, не людской?
Семь могучих оборотней,
Товарищ и друг,
Семь могучих оборотней
Нас, снедаемых тоской.

6

А если девичья конница,
Борис, Борис,
А если девичья конница
Бой окончит, успокоясь?
Страсти верен, каждый гонится,
Товарищ и друг,
Страсти верен, каждый гонится
Разрубить мечом их пояс.

7

Не ужасное ль в уме,
Борис, Борис,
Не ужасное ль в уме
Вы замыслили, о братья?

Нет, покорны девы в тьме,
Товарищ и друг,
Нет, покорны девы в тьме,
Мы похитим меч и платья.

8

Но, похитив их мечи, что вам делать с их слезами,
Борис, Борис?
Но, похитив их мечи, что вам делать с их слезами?
То исконное оружие.
Мы горящими глазами,
Товарищ и друг,
Мы горящими глазами
Им ответим. Это средство — средств не хуже их.

9

Но зачем вам стало надо,
Борис, Борис,
Но зачем вам стало надо
Изменить красе лица?
Убивает всех пришельцев их громада,
Товарищ и друг,
Убивает всех пришельцев их громада,
Но нам люб скок беглеца.

10

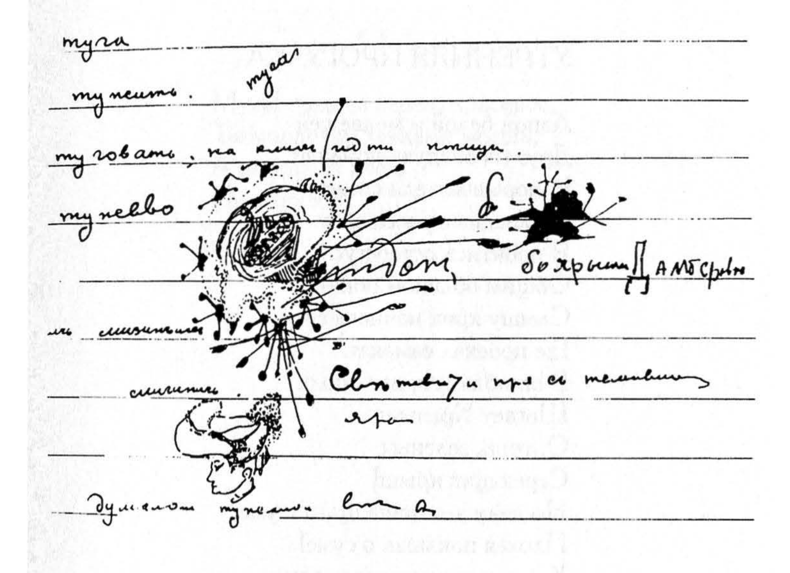
Кратких кудрей, длинных влас,
Борис, Борис,
Кратких кудрей, длинных влас
Распри или вас достойны?
Этот спор чарует нас,
Товарищ и друг,
Этот спор чарует нас,
Ведут к счастью эти войны.

1913

ИРОНИЯ ВСТРЕЧ

Ты высокомерно улыбнулась
На робкий приступ слов осады,
И ты пошла, не оглянулась,
Полна задумчивой досады.
Да! Дерзко королеву просить склонить
Блеск гордых губ.
Теперь я встретился. Угодно изменить
Судьбе тебе: ты изучала старый труп.

1913



Словотворческая рукопись с изображением В.И.Дамперовой. 1907

УТРЕННЯЯ ПРОГУЛКА

Лапой белой и медвежей
Друг из воздуха помажет,
И порыв мятели свежий
Отошедшее расскажет.
Я пройтись остерегуся,
Общим обликом покат.
Слышу крик ночного гуся,
Где проехал самокат.
В оглоблях скривленных
Шагает Крепыш.
О, горы зеленых
Сереющих крыш!
Но дважды тринадцать в уме.
Плохая поклажа в суме!
К знахарке идти за советом?
Я верю чертям и приметам!

13—13
<13 февраля 1913>

* * *

Муха! нежное слово, красивое,
Ты мордочку лапками моешь,
А иногда за ивою
Письмо ешь.

<1913>

КУБОК ПЕЧЕНЕЖСКИЙ

— Что ты робишь, печенеже,
Молотком своим стуча?
— О прохожий, наши вежи
Меч забыли для мяча.
В день удалого похода
Сокрушила из засады
Печенегова свобода
Святославовы насады.
Он в рубахе холщево́й,
Опоясанный мечом,
Шел пустынной бичевой.
Страх для смелых нипочем!
Кто остаться в Перемышле
Из-за греков не посмели,
На корму толпою вышли —
Неясыти видны мели.
Далеко та мель прославлена,
Широка и мрачна слава,
Ныне снова окровавлена
Светлой кровью Святослава.
Чу, последний догоняя
Воин дальнего вождя,
Крикнул: «Дам, о князь, коня я,
Лишь беги от стрел дождя!»
Святослав, суров, окинул
Белым сумраком главы,
Длинный меч из ножен вынул
И сказал: «Иду на вы!»

И в трепет бросились многие,
Услыша знакомый ответ.
Не раз мы, в увечьях, убогие,
Спасались от княжеских чет.
Над смущенною долиной
Он возникнул, как утес,
Но прилет петли змеиный
Смерть воителю принес.
«Он был волком, не овечкой! —
Степи молвил предводитель, —
Золотой покрой насечкой
Кость, где разума обитель.
Знаменитый сок Дуная
Наливая в глубь главы,
Стану пить я, вспоминая
Светлых клич: «Иду на вы!»
Вот зачем сижу я, согнут,
Молотком своим стуча.
Знай, шатры сегодня дрогнут,
Меч забудут для мяча.
Степи дочери запляшут,
Дымом затканы парчи,
И подковой землю вспашут,
Славя бубны и мячи.

1913

* * *

I

Ты богиня молодежи,
Брови согнуты в истоме.
Ты прекрасна, ночью лежа
На раскинутой соломе!..

II

Нечеловеческий взгляд месяца.
Упрек, укоры, разговоры,
Угроза томная повеситься,
Окончить с жизнью тусклой споры...

III

Какой страстей переворот
Дал эту царственность осанки?
И бросил странника наряд
К ногам задумчивой цыганки...

IV

Цветок семи колоколов
На уто́нченном стебле́
К моей петлице приколов,
Вы повернулися ко мне.

1913

* * *

Гевки, гевки, ветра нету,
Да, Оксана, ветра ни!
Бросьте, девы, песню спету,
Сюда йдут легини.
Виден Дид (сюда идет),
Неразлучен с жесткой славой,
Семь уж лет, как он живет,
Сей гуцул, с свирепой Мавой.
Нет, не сказки. Нет, не бредни,
Маву видели намедни:
Косу мыла ей река,
Возле с нею старика,
Мрачно красные уста
И овечьим руном,
В воде смятой табуном,
Улетала борода.
Но только, только тихо таю,
А почему и как, — не знаю.
Она белей, косой пологая,
Влеча ужа в своих перстах.
Коса желта, морями многая,
И рыбья песня на устах.
А сзади кожи нет у ней,
Она шиповника красней.
И красносумрачный мешок
Торчит, из мяса и кишок,
И спереди, как снег, бела она,
И сзади кровь, убийство и война.

Ужасный призрак и видение,
Улыбки ж нету откровеннее.
О, как свирепы эти чары,
О <них> учили песни стары.
С суровым гиком, вместо дрота,
На нас лишь кончится охота,
Они бегут с усталым визгом
К речной волне, высоким брызгам.
На ложе белое упав,
Велит смеяться мавий нрав.
И мавки эти свою ногу
Тогда бьют бешено хлыстом,
А после понемногу
Начнутся мысли о пустом.
В зеркáлах смотрят желтой лужи лица,
И им глаза подводит жужелица.
И как остры и как черны
Снега из пепельной зимы!
Но кто там, дева или Мава?
Когда уйдет, — тогда скажу.
Сейчас, солодка, не знаю, право:
Сейчас ее не разгляжу.
Но, солодушка, взгляни:
Час смятенья и тревоги!
Все спасайтесь, легини,
Пушкари на той дороге.
Кудрявым страуса пером
Пред нами, хлопцы, не гордитесь.
Бегите всякий, кто не хром,
Иль в замке темном насидитесь.
[Согнулись речки ходари
Под сильным топотом отряда.
В деревню едут пушкари:
Зачем? К кому? И что им надо?]

1913

МАВКА

(Ведьма)

Заметь суровую пастушку:
Обвита страусом пера,
Не человек и не гора,
Ведет гулять младую чушку.
И детворы с крылами стая
Летит и реет, прилетая.
Свеча дрожит, горит огонь,
Ее сияние мало.
И, как бесовских игрищ конь,
Прошло сквозь ноги помело.
Сложив с коленями персты,
Полуобезьяна, полудух,
Глазами грустными потух
На половине высоты.
Тучна, высока, велика
Ведунья, взорами прелестная,
То дочь ли Мнишка-поляка
Или другая, неизвестная?
И книги строки по-латыни
В жаровне пляской пескарей,
Согнувшись в пламени святыни,
Поют: лети на бой скорей!
Полна соблазна и бела,
Она забыла про белила
И твердой ручкой помела
Отважно ноги разделила.

Она в греховные страницы
Вонзила огненное око,
По сказкам письменным порока
Летает пылкая зарница.
Пред ним навсегда треугольник
Высоким и темным пятном.
Сидит он, как тихий невольник,
И думает, скованный сном.

1913

БЕХ

Басня

Знай, есть трава, нужна для мазей.
Она растет по граням грязей.
То есть рассказ о старых князях:
Когда груз лет был меньше стар,
Здесь билась Русь и сто татар.
С вязанкой жалоб и невзгод
Пришел на смену новый год.
Его помощники в свирели
Про дни весенние свистели
И щеки толстые надули,
И стали круглы, точно дули.
Но та земля забыла смех,
Лишь в день чумной здесь лебедь несся,
И кости бешено кричали: «Бех!»,
Одеты зеленью из проса,
И кости звонко выли: «Да!
Мы будем помнить бой всегда!..»

1913

* * *

О черви земляные,
В барвиночном напитке
Зажгите водяные
Два камня в черной нитке.
Темной славы головня,
Не пустой и не постылый,
Но усталый и остылый,
Я сижу. Согрей меня.
На утесе моих плеч
Пусть лицо не шелохнется,
Но пусть рук поющих речь
Слуха рук моих коснется.
Ведь водою из барвинка
Я узнаю, всё узнаю,
Надсмеялась ли косынка,
Что зима, растаяв с краю.

1913

Настой из барвинка служит
для целей ворожеи.

* * *

И смелый товарищ шиповника,
Как камень, блеснул
В лукавом слегка разговоре.
Не зная разгадки виновника,
Я с шумом подвинул свой стул.
Стал думать про море.
О, разговор невинный и лукавый,
Гадалкою разверзнутых страниц
Я в глубь смотрел, смущенный и цекавый,
В глубь пламенем мерцающих зениц.

1913

* * *

Предтечи! Я сжатое поле!..
Жнецы в нем ходили с серпами
И вестью на воле
Меня осудили цепами.

1913

* * *

Мой черный, суровый орел,
Кого ты клюешь так жестоко?
Ты крылья на воздух простер
И гложешь и лижешь кого-то.

Труп брата клюю я в пыли,
Быть мертвым орлану отрада,
И буду клевать до зари,
А тризна товарищу рада.

И пусть веет мертвечиною
Мой прямой широкий клюв, —
Пусть за звездною пучиною
Смотрит, в разум заглянув.

Но несется пусть «спасибо»
Мне за братскую услугу,
Он проклекчет, верю, ибо
Верит родственному другу.

1913

МРАЧНОЕ

Когда себе я надоем,
Я брошусь в солнце золотое,
Крыло шумящее одем,
Порок смешаю и святое.
Я умер, я умер, и хлынула кровь
По латам широким потоком.
Очнулся я иначе, вновь
Окинув вас воина оком.

<1913>

В.В.Хлебников. Литография Н.И.Кульбина. 1913

* * *

Я вам внимаю, мои дети,
Воссев на отческий престол.
Душ скольких мне услышать Нети
Позволит подданных глагол?

1913

* * *

В дюжем ругательстве
Хороним душу.
О, златоустые в предательстве,
Сечем устало вашу тушу.
Мы, как Петры, даем тела,
Мы вновь противники Мазепы.
Конем, что нам судьба дала,
В щепы змей разможжен уже нелепый.

1913

* * *

Усопшие деды и пращуры,
Вы солнце любили, как шкуру лосиную оводы.
На прадедов падали мордами ящеры
И рвали и ели их
(новые к солнцу служения доводы).
Из лося овод улетает,
Маша серебряным крылом,
А хлопец небу угрожает,
Маша осиновым колом.
Мы старых книг высоким пробкам
Вино грядущее пролив,
Кричим мы спичечным коробкам —
«Ура», селедок умилив.
Есть буря в крике: «Здравствуй, тьма!»
Бабочку прошлого — мы прошлое ранили
Пушкою. Чума, —
Тебя мы извозчиком наняли.
Жирных султанш
Мы заперли в дом,
Перед взорами ханж
Пусть сидят нагишом.
Пушкин нам жалок,
Исчезли Баяны,
Протухших русалок
Глаза покаянны.

1913

* * *

Сижу в остроге,
Лесá сосулек.
В железах ноги
Того, кто жулик.
Приветы псов
Словами лая.
На воле шайка удалая
Темницы щупает засов.
И ищет светлой головы,
Пускай она правит силой рук.
О подоконник с бичевы
Напилка тихий стук...

1913

ПЕСНЬ СМУЩЕННОГО

На полотне из камней
Я черную хвою увидел.
Мне казалось, руки ее нет костяней,
Стучится в мой жизненный выдел.
Так рано? А странно: костяком
Прийти к вам вечерком
И, руку простирая длинную,
Наполнить созвездьем гостиную.

<1913>

МАВА ГАЛИЦИЙСКАЯ

В перчатке из червей
Ладонь мою подам
Веселым господам.
Эй, эй, все живей!
И пусть те, что руку трогали,
Скользкий пир ночной кишащий,
В воздух бросят возглас вящий,
Озадаченные щеголи.
Пусть поймут, кто настоящий.
Эй, эй, все живей!
Червяка, что на мизинце,
Вмиг стошнило б от травы.
Но в ночном моем зверинце
Вам написано: увы!
На меня бросает зелень
Полусумрака шугай.
Маве верящая, елень,
Ну, по хворосту шагай.
Двукопытные неопытные
Белокурые друзья,
Начинайте игры топотные,
Умно помня, — с вами я.
Люди, ответствуйте, надо ли
Червивой стыдящейся падали?

1914

* * *

(Хвост Мавки-ведьмы превратился в улицу)

...а сзади была мостовой
С концами ярости вчерашней.
Ступала ты на пальцы башни,
Рабы дабы
В промокших кожах
Кричали о печали,
А ты дышала пулями в прохожих
И равнодушно и во сне.
Они узор мороза на окне!
Да, эти люди — иней только.
Из пулеметов твоя полька
И из чугунного окурка
Твои Чайковский и мазурка.
А азбуки разрозненные члены
Для площадных торговых кличей
Идут, как парусы под пеной,
Подошвы множества величий,
Медвежей лапою топча
Порывы в завтра отроча.

1914

ПАМЯТИ И.В.И—А

И на путь меж звезд морозных
Полечу я не с молитвой,
Полечу я мертвый, грозный
С окровавленною бритвой...

1914

* * *

Сегодня снова я пойду
Туда, на жизнь, на торг, на рынок,
И войско песен поведу
С прибоем рынка в поединок!

<1914>

ТВЕРСКОЙ

Умолкнул Пушкин.
О нем лишь в гробе говорят.
Что ж! Эти пушки
Целуют новых песен ряд.
Насестом птице быть привыкший!
И лбом нахмуренным поникший!
Его свинцовые плащи
Вино плохое пулеметам?
Из трупов, трав и крови щи
Несем к губам, схватив полетом.
Мы почерневший кровью нож
Волной златою осушая,
Сурово вытря о косы ве́нок,

. . . .

Несем на запад злобу зенок,
Туда, в походе поспешая.
В напиток я солому окунул,
Лед смерти родича втянул.

1914

СМЕРТЬ В ОЗЕРЕ

За мною, взвод!
И по лону вод
Идут серые люди —
Смелы в простуде.
Это кто вырастил серого мамонта грудью?
И ветел далеких шумели стволы.
Это смерть и дружина идет на полюдье,
И за нею хлынули валы.
У плотины нет забора,
Глухо визгнули ключи.
Колесница хлынула Мора,
И за нею влажные мечи.
Кто по руслу шел, утопая,
Погружаясь в тину болота,
Тому смерть шепнула: «Пая,
Здесь стой, держи ружье и жди кого-то».
И к студеным одеждам привыкнув
И застынув мечтами о ней,
Слушай, — Смерть, пронзительно гикнув,
Гонит тройку холодных коней.
И, ремнями ударив, торопит,
И на козлы, гневна вся, встает,
И заречною конницей топит,
Кто на Висле о Доне поет.
Чугун льется по телу вдоль ниток.
В руках ружья, а около — пушки.
Мимо лиц — тучи серых улиток,
Пестрых рыб и красивых ракушек.

И выпи протяжно ухали,
Моца́рта пропели лягвы.
И мертвые, не зная, здесь мокро, сухо ли,
Шептали тихо: «заснул бы, ляг бы...»
Но когда затворили гати туземцы,
Каждый из них умолк.
И диким ужасом исказились лица немцев,
Увидя страшный русский полк.
И на ивовой ветке, извилин
Сноп охватывать лапой натужась,
Хохотал задумчивый филин,
Проливая на зрелище ужас.

<1914>

ТРИЗНА

Гол и наг лежит строй трупов,
Песни смертные прочли.
Полк стоит, глаза потупив,
Тень от летчиков в пыли.
И когда легла дубрава
На конце глухом села,
Мы сказали: «Небу слава!»
И сожгли своих тела.
Люди мы иль копья рока
Все в одной и той руке?
Нет, ниц вемы, нет урока,
А окопы вдалеке.
Тех, кто мертв, собрал кто жив,
Кудри мертвых вились русо.
На леса тела сложив,
Мы свершали тризну руса.
Черный дым восходит к небу,
Черный, мощный и густой.
Мы стоим, свершая требу,
Как обряд велит простой.
У холмов, у ста озер
Много пало тех, кто жили.
На суровый, дубовый костер
Мы русов тела положили.
И от строгих мертвых тел
Дон восходит и Иртыш.
Сизый дым, клубясь, летел.
Мы стоим, хранили тишь.
И когда веков дубрава
Озарила черный дым,
Стукнув ружьями, направо
Повернули сразу мы.

<1914>

* * *

В те дни, совсем как и сегодня,
Какой-то лук напряг народы,
И Фридрих и Генрих у Гроба Господня
Украсили смертью морские походы.
Через слюду Иерусалима
Звенит волной прозрачный Ганг.
Чтоб слава вновь была хвалима,
Идет, щитом играя, франк.
И на судах венецианских
Плывут с народом государи
Туда, где в дыме и пожаре
«Алла» молений мусульманских.
И на боевом их полотне
Восходит месяц (солнце тьмы), —
То видел воин на коне,
Стоявший на досках кормы.
Сто тысяч воинов стрелой
Порхало в Мекку христиан.
Была тень Рима тетивой,
А древком — дерзость мусульман.

1187

Звезда восходит Саладина,
И с кровью пал Иерусалим.
И вот созвучная година
В те дни зажгла над Чили дым.
Лишь только войску Саладина
Иерусалима ключ вручили,
Сменило море господина
У берегов далеких Чили.

И видят «Монмут» и «Отранто»,
Как гибнет гордость Альбиона.
Над ней проводит круги Данте
Рука холодного тевтона.
И этот день, причастью верен,
Сломил британские суда.
Как будто знак из мертвых зерен,
О темно-красная вода!

1147

Лишь Нурэддинова секира
Эдессу город бросит в прах,
«Кресси» и «Хог», и «Абукир»
Исчезли с ужасом в волнах.

1914

* * *

Желтели шишаки
Воинственных людей.
Теперь там пауки,
Нет жреческих ветвей.
Прозрачный вал, громаду мыль!
Секирой бей, морская пыль!
Приемли, ночь, полночной рыси чин!
Волна, еще протоки вырой!
Из тех брызг был храм высечен
Суровою секирой.

1915

* * *

Могилой дум ударить мне ли,
Хлестнув по лицам и устам?
Разбойники в утесах каменели,
Тянулись к ивовым кустам.

Реки свободен жидкий меч, —
Есть рукоятка, нет руки...
И голубую тянут сеть
В прозор столетий рыбаки.

<1915>

* * *

В холопий город парус тянет.
Чайкой вольницу обманет.
Куда гнется — это тайна,
Золотая судна райна.
Всюду копья и ножи,
Хлещут мокрые ужи.
По корме смоленой стукать
Не устанет медный укоть.
На носу темнеет пушка,
На затылках хлопцев смушки.
Что задумалися, други?
Иль челна слабы упруги?
Видишь, сам взошел на мост,
Чтоб читать приказы звезд.
Догорят тем часом зори
На смоле на той кокоре.
Кормщик, кормщик, видишь — пря
В небе хлещется, и зря?
Мчитесь дальше на досчане!
Мчимся, мчимся, станичане.
Моря веслам иль узки?
Мчитесь дальше, паузки!
В нашей пре заморский лен,
В наших веслах только клен.
На купеческой беляне
Браги груз несется пьяный;
И красивые невольницы
Наливают ковш повольницы.
Голубели раньше льны,
Собирала псковитянка,
Теперь, бурны и сильны,
Плещут, точно самобранка.

1915

СУЭ

На небо восходит Суа.
С востока приходят с улыбкой Суэ.
Бледнея шатаются, нашей земли
Не могут набег отразить короли.
Зовут Суэ князя Веспуччи,
Разит он грозою гремучей.
Чипчасы шатаются, падая,
Победой Суэ окровавленно радуя.
И вот Монтезума, бледнея, пришел
И молвил: «О боги! Вам дали и дол», —
Не смея сказать им: «О братья!»
Но что же? На нем уж железное платье —
Суэ на владыку надели.
Он гордость смирил еле-еле.
Он сделался скоро темней и смуглей,
Он сделался черен, как пепел.
Три дня он лежал на цветах из углей,
Три дня он из клюва колибрина не пил.
На третий его на носилках уносят.
Как смерть, их пришествие губит и косит.

1915

Суа — солнце
Суэ — сыны солнца (испанцы)

ТЦИНЦУНЦАН

Возьми сухарика,
Смотри туманнее
И в шаге Тарика
Мне будь Испания.
А Тцинцунцан, где вьются колибри,
Тщательно выбрей.
И телом осиным
К вечерним осинам,
Скользя, плыви заново
Сквозь эти кусты.
В потопе крысином
Княжна Тараканова —
Али Эмэтэ —
Для взоров толпы.

1915

Тцинцунцан — место колибри
Али Эмэтэ — имя кн Таракановой

ВОСПОМИНАНИЯ

Достойны славы пехотинцы,
Закончив бранную тревогу.
Но есть на свете красотинцы,
И часто с ними йдут в ногу.
Вы помните, мы брали Перемышль
Пушкинианской красоты, —
Не может быть, чтоб вы не слышали
Осады вашей высоты.
Как судорга — пальба Кусманека,
Иль Перемышль старый старится?
От поцелуев нежных странника
Вся современность ниагарится.
Ведь только, только Ниагаре
Воскликну некогда: товарищ!
(Самоотрицание в анчаре,
На землю ласково чинарясь.)
А вы, старейшие из старых,
Старее, нежели додо,
Идите прочь! Не на анчарах
Вам вить воробушка гнездо.
Для рукоплескания подмышек
Раскрывши свой увядший рот,
Вас много, трепетных зайчишек,
Скакало в мой же огород.
В моем пере на Миссисипи
Обвенчан старый умный Нил.
Его волну в певучем скрипе
Я эхнатэнственно женил.

1915

БОЙ В ЛУБКЕ

И когда земной шар, выгорев,
Станет строже и спросит: кто же я?
Мы создадим «Слово полку Игореве»
Или же что-нибудь на него похожее.
Это не люди, не боги, не жизни,
Ведь в треугольниках — сумрак души!
Это над людом в сумрачной тризне
Теней и углов Пифагора ковши.
Чугунная дева вязала чулок
Устало, упорно. Широкий чугун
Сейчас полетит, и мертвый стрелок
Завянет, хотя был красивый и юн.
Какие люди, какие масти
В колоде слухов, дань молве!
Врачей зубных у моря снасти
И зубы коренные, но с башнями «Бувэ»!
И старец пены, мутный взором,
Из кружки пива выползая,
Грозит судьбою и позором,
Из белой пены вылезая.

Малявина красавицы, в венке цветов Коровина,
Поймали небоптицу. Хлопочут так и сяк.
Небесная телега набила им оскомину.
Им неприятен немец, упитанный толстяк.
И как земно и как знакомо
И то, что некоторые живы,
И то, что мышь на грани тома,
Что к ворону По — ворон Калки ленивый!

1915

* * *

Не выли трубы набат о гибели:
«Товарищи милые, милые выбыли».
Ах, вашей власти вне не я —
Поет жестокий узор уравнения.
Народы бросились покорно,
Как Польша, вплавь, в мои обители,
Ведь я люблю на крыльях ворона
Глаза красивого Спасителя!
За «не» я спрятан,
За ним, за ним, туда, где нем Он!
На тот зеленый луг, за Неман!
За Неман свинцовый и серый!
За Неман, за Неман, кто верует!

<1915>

* * *

Тихий дух от яблонь веет,
Белых яблонь и черемух.
То боярыня говеет
И боится сделать промах.
Плывут мертвецы.
Гребут мертвецы.
И хладные взоры за белым холстом
Палят и сверкают.
И скроют могильные тени
Прекрасную соль поцелуя.
Лишь только о лестниц ступени
Ударят полночные струи,
Виденье растает.
Поют о простом:
«Алла бисмулла». А потом,
Свой череп бросаючи в море,
Исчезнут в морском разговоре.
Эта ночь. Так было славно.
Белый снег и всюду нега,
Точно гладит Ярославна
Голубого печенега.

1915

* * *

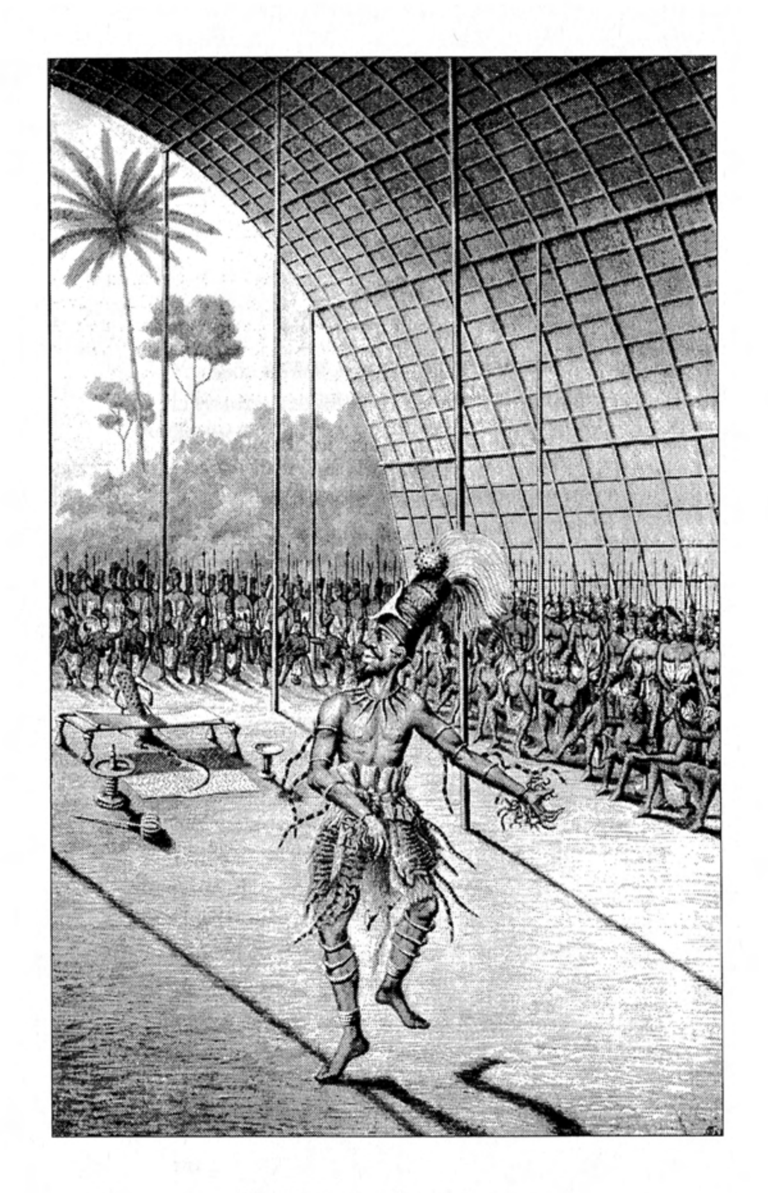
Усадьба ночью, чингисхань!
Шумите, синие березы.
Заря ночная, заратустрь!
А небо синее, моца́рть!
И, сумрак облака, будь Гойя!
Ты ночью, облако, роопсь!
Но смерч улыбок пролетел лишь,
Когтями криков хохоча,
Тогда я видел палача
И озирал ночную, смел, тишь.
И вас я вызвал, смелоликих,
Вернул утопленниц из рек.
«Их незабудка громче крика», —
Ночному парусу изрек.
Еще плеснула сутки ось,
Идет вечерняя громада.
Мне снилась девушка-лосось
В волнах ночного водопада.
Пусть сосны бурей омамаены
И тучи движутся Батыя,
Идут слова — молчаний Каины, —
И эти падают, святые.
И тяжкой походкой на каменный бал
С дружиною шел голубой Газдрубал.

1915

* * *

Где в липы одетый узорный ходак,
У рощи стоит одинокий хлопак.
Где тени, как призраки, горестно всхлипывая,
Как бабочки мчалися в заросли липовые.
А тучи чернеют, как будто чернеча,
И сразу надвинулась к нам холоднеча.
Скакали и вились сплетенные пары,
И пели сопилки, и пели шездары.
И, будто пир для черных глаз,
Синеет небо и хабаз.
— Войдем же в эту халабуду.
— Войди, дружок, а я побуду.

<1915>



Мунза, король Мангабутту,
пляшет пред своими женами и воинами.
Рисунок Ф.Этцольда
по наброску и описанию Г.Швейнфурта. 1870

* * *

Черный царь плясал перед народом,
И жрецы ударили в тамтам.
И черные жены смеялись смелей,
И губы у них отягчал пэлелэ!
И с нескромным самоварчиком
И с крылышком дитя —
Оно, о солнце-старче, кум,
Нас ранило шутя.
Лишь только свет пронесся семь,
Семь раз от солнца до земли,
Холодной стала взором темь,
И взоры Реквием прочли.
Черный царь плясал перед народом,
И жрецы ударили в тамтам.

1915

* * *

Ни хрупкие тени Японии,
Ни вы, сладкозвучные Индии дщери,
Не могут звучать похороннее,
Чем речи последней вечери.
Пред смертью жизнь мелькает снова,
Но очень скоро и иначе.
И это правило — основа
Для пляски смерти и удачи.

1915

* * *

Смугла, черна дочь Храма.
А в перстне капля яда, яда.
Тень месяца, не падай, как громада,
На это узкое кольцо.
Иль смерть войдет в нее неравно,
И станет мелом все лицо.
Стары, черны слоны из камня,
Их хоботы опущены во мгле.
А в перстне капля яда, в перстне.
Был кнесь опутан телом гада.
А ей быть жрицей Пляса надо,
Она не пляшет Храма вне.
Был вырван длинный зуб из зева.
Как зайцы, змеи добродушны.
А в перстне капля яда, яда.
И, видя близко призрак гнева,
Она туда, где смолы душны,
Ушла, виденьям жизни рада,
Как свечи белые, бела,
Летят, как черный сокол, косы,
Чернее ворона над снегом,
А ноги, черны, смуглы, босы,
Ведут толпу к вечерним негам.
А в перстне капля яда, яда.
Зачем суровая борьба
Ее на землю повалила?
Рука отца всегда гроба,
Когда поспешно и груба
На ножик перстня надавила.

Смертельный ножик с ядом жала.
Глухой приказ, чтоб не бежала.
А в перстне капля яда, в перстне.
Сказал старик: «Умри теперь с ней!» —
Скрыв бороды одеждою стыдливой
Все, взятое враждебным оком.
Она всегда была лишь ивой
Над смерти мчащимся потоком.
А в перстне капля яда, яда.
А в перстне капля яда, в перстне.
Быть мертвой слонихе отрада.

1915

* * *

Лютиков желтых пучок.
Молнии злостный зрачок.
Женщина бросила бледный цветок.
После же очи окна зазвенели,
Запрыгав под звучное иго.
Желтой строки осыревшая книга.
Тучи темнеют и посинели.
На области слуха упало два замка.
И прочь убегала могучая самка.
Гроза, это ты!
Ницнут цветы.

1915

ЗВЕРЬ + ЧИСЛО

Когда мерцает в дыме сел
Сверкнувший синим коромысел,
Проходит Та, как новый вымысел,
И бросит ум на берег чисел.

Воскликнул жрец: «О, дети! дети!» —
На речь афинского посла.
И ум, и мир, как плащ, одеты
На плечах строгого числа.

И если смертный морщит лоб
Над винно-пенным уравнением,
Узнайте: делает он, чтоб
Стать роста на небо растением.

Прочь застенок! Глаз не хмуря,
Огляните чисел лом.
Ведь уже трепещет буря,
Полупоймана числом.

Напишу в чернилах: верь!
Близок день, что всех возвысил!
И грядет бесшумно зверь
С парой белых нежных чисел!

Но, услышав нежный гомон
Этих уст и этих дней,
Он падет, как будто сломан,
На утесы меж камней.

21 августа 1915
Пачэ-Рояль

КУРГАН

Копье татар чего бы ни трогало —
Бессильно все на землю клонится.
Раздевши мирных женщин догола,
Летит в Сибирь — Сибири конница.

Курганный воин, умирая,
Сжимал железный лик Еврея.
Вокруг земля, свист суслика, нора и —
Курганный день течет скорее.

Семья лисиц подъемлет стаю рожиц,
Несется конь, похищенный цыганом,
Лежит суровый запорожец
Часы столетий под курганом.

1915 <1919>

ЖЁНЫ СМЕРТИ

Три барышни белых и с черепом длинным,
Как чайки, за полночи ратью
Летели, летели, и спать я
Раздумал, услышав: вели нам,
Вечерний бродяга, над отмелью
Стать черепом, бросить хохол попугая
Над костию белой. Нам тот милей,
Кто черепу скажет, что радуг дуга я.
Рябины сливается иней.
Летаем навеки над миром.
И, спрощены милым разиней,
Охвачены, вещие, осени пиром.
Но мира теней нам не жаль вьюг.
Услышаны сумрачным вечера морем,
Заспорим, закрытые шалью,
Повторим со смехом: мы морим.
И ветер поет похороннее,
А море сверкает мертвецкою.
И мы, восхитившись тихонею,
Умчимся с улыбкою светской.
Ты милый, с тобой мы же на «ты»,
Нас трое прекрасно женатых.
Рыдает ли лебедь ночной темноты,
И мы в этой стае пернатых.
Три паруса серых по небу, и червь
Всходил на ладью пира смерти один.
В глазницах пустых паутинная вервь.
Он дышит, он смотрит, он жен господин.
И смотрит на нас через руку помор,

И скажет нам: заступ готовьте, идем к мечу мы!
Смерть, черная немочь и мор
Обещаны девой чумы.
Готовьте холсты гробовые!
Забудьте о песнях и так!
Вперед я зову вас, живые!
На веко навеки холодный пятак!
Перун, ну, дай мне молоток,
Шары, нет, мало, мало... так.
В шары ударом рокоча,
Вернул с проворством ловкача.
Морского прибоя тележка
По отмелям черным стучала,
И воронов стаи ночлежка,
Увидя орлана, кричала.
И с орланьего пера
В море каплю пера влей.
Слышишь, — осени пора —
Стон могучий журавлей.
Удар молотка об разбойника,
С полоскою черной шары,
А море волною покойника
Стучалось в людские пиры.

22 сентября 1915

ПРИЗНАНИЕ

Вы помните ивы,
Там, где морские виднелись кочевья?
И вы
(Вдруг побледневши, я понял, что гнев я)
Берите вновь стрелу, пращу,
Ругая, и мчитесь за вепрем.
И я, став долиной, прощу,
Что лег неподвижно в траве прям.
Посеребренная зимою,
Вы — камень охоты на миг.
Я морем печали замою
И скроюсь в сказанья из книг.
И все же воскликну я в час свой:
«Охотница строгая, здравствуй!»
Пусть здравствует, трепет неся, тетива,
Где скачка за лосем еще не наскучила,
И эта охота, где тетерева
Летят на неумное чучело.
«Мы вам пришлем
Ваш шлем.
Помните наших друзей».
Я рад, что он из ниток, как Тезей,
И мне опорой будет палка —
Одно лишь слово ваше: «жалко».

1915

* * *

И снова глаза щегольнули
Жемчугом крупным своим,
И просто и строго взглянули
На то, что мы часто таим.
Прекрасные жемчужные глаза,
Звенит в них утром войска «вашество».
За серебром бывают образа,
И им не веровать — неряшество.
Упорных глаз сверкающая резь
И серебристая воздушь.
В глазах: «Певец, иди и грезь!» —
Кроме меня, понять кому ж?
И вы, очаревна, внимая,
Блеснете глазами из льда.
Взошли вы, как солнце в погоду Мамая,
Над степью старою слов «никогда».
Пожар толпы погасит выход
Ваш. Там буду я, вам верен, близь,
Петь восхитительную прихоть.
Одеть холодных камней низь.
Ужель, проходя по дорожке из мауни,
Вы спросите тоже: «Куда они?»

1915

* * *

Эта осень такая заячья,
И глазу границы не вывести
Осени робкой и зайца пугливости.
Окраскою желтой хитер
Осени желтой житер.
От гривы до гребли
Всюду мертвые листья и стебли.
И глаз остановится слепо, не зная, чья —
Осени шкурка или же заячья?

1915

* * *

Посв. Вере Б.

Девы и юноши, вспомните,
Кого мы и что мы сегодня увидели,
Чьи взоры и губы истом не те,
А ты вчера с позавчера, увы, дели.
Горе вам, горе вам, жители пазух,
Мира и мора глубоких морщин,
Точно на блюдах, на хворях чумазых
Поданы вами горы мужчин.
Если встал он, принесет ему череп «эс»,
Вечный и мирный, жизни первей!
Это смерть пришла на перепись
Пищевого довольства червей.
Скажите, люди, да есть же стыд же!
Вам не хватит в Сибири лесной костылей,
Иль позовите с острова Фиджи
Черных и мрачных учителей
И проходите годами науку,
Как должно есть человечью руку.

Нет, о друзья!
Величаво идемте к Войне-Великанше,
Что волосы чешет свои от трупья.
Воскликнемте смело, смело как раньше:
«Мамонт гнусный, жди копья!
Вкушаешь мужчин à la Строганов».
Вы не взошли на мой материк!
Будь же неслыхан и строго нов
Похорон мира слепой пятерик.

Гулко шагай и глубокую тайну
Храни вороными ушами в чехлах.
Я верю, я верю, что некогда «майна!»
Воскликнет Будда или Аллах.

Белые дроги, белые дроги,
Черные платья и узкие ноги!
Был бы лишь верен, вернее пищали с кремнями,
мой ум бы.
Выбрал я целью оленя лохматого.
За мною, Америго, Кортец, Колумбы!
Шашки шевелятся, вижу я мат его!

1915

* * *

Где волк воскликнул кровью:
«Эй! Я юноши тело ем»,
Там скажет мать: «Дала сынов я».
Мы, старцы, рассудим, что делаем.
Правда, что юноши стали дешевле?
Дешевле земли, бочки воды и телеги углей?
Ты, женщина в белом, косящая стебли,
Мышцами смуглая, в работе наглей!
«Мертвые юноши! Мертвые юноши!» —
По пло́щадям плещется стон городов.
Не так ли разносчик сорок и дроздов?
— Их перья на шляпу свою нашей.
Кто книжечку издал: «Песни последних оленей»,
Висит рядом с серебряной шкуркою зайца,
Продетый кольцом за колени,
Там, где сметана, мясо и яйца.
Падают Брянские, растут у Манташева.
Нет уже юноши, нет уже нашего
Черноглазого короля беседы за ужином.
Поймите, он дорог, поймите, он нужен нам!

1915

* * *

Еще сильней горл медных шум мер,
Его не каждому учесть,
И женщины, спеша на тех, кто умер,
Суворовой женщин делают честь.
Я вижу войско матерей,
Грудными выстрелы младенцами,
Чума серчала матерей,
Монблан спеша набросить ве́нцами.
И некто третий воскликнет «на но́ж!»
В ухо и тем и этим пехотам,
И тучи утробных младенческих нош
Помчатся на битву, не думая, кто там.
Последний любовник прикажет вам: «Пли!»,
И бич глаз ударит по верным рядам,
И каждая девушка молвит: «Мы, девушки,
ползали раньше, как тли,
Теперь же я мать, и хлыстом материнства
в лицо смерти я дам!»
И вещей жены рукомойник над тазом,
И конницы с Волог, Висел и Кам,
И пушек Мусо́ргский над тайным приказом,
Все слилось и мчалось к единым войскам.
О, повивальные бабки и мамки
И мостовая из мертвых «но-но»!
<Кишки> из полков и <кашка> из <камки>,
Он и она в зазвеневшем оно!
И жен степных из камня баб грусть,
Что глыбой выросли стыдливо,
Уж украшает знак за храбрость,
Желтея тигром, рожью жнива.

Я помню, как кто-то в котле броненосца дыру
Починил своим телом, без разговора и споро.
Жены, в руки детей! И «на уру»!
На окопы смерти, на окопы мора!
Младенцы, туда же, в стан смерти!
Ведь броневые защиты порвут темноглазые дети
в яслях скота!
Пусть крутится слабо на прежних вер Т
Дохнувшая воздухом гибели та!
И каждая бросится, вещая хохотом,
Вскочив на смерти жеребца,
Вся в черном, услышав:
«На помощь! Мне плохо там!» —
Сына или отца.
И люди спешно свои души моют в прачешной
И, точно забор, перекрашивают спешно совести лики,
Чтобы ноздрёй сумасшествия некто прекрасновеликий,
Некто над ухом завыл:
«Теперь ты ничего не значишь, эй!»
И самые умные, нацепив воротнички,
Не знали, что дальше делать с ними?
Встав на четвереньки, повесить на сучки
Или прочитать на них обещанное имя?

1915

* * *

Вы помните? я щеткам сапожным
Малую Медведицу повелел отставить от ног
подошвы,
Гривенник бросил вселенной и после тревожно
Из старых слов сделал крошево.
Где конницей столетий о́раны
Лохматые пашни белой зари,
Я повелел быть крылом ворону
И небу сухо заметил: «Умри!»
И когда мне позже приспичилось,
Я, чтоб больше и дольше хохотать,
Весь род людей сломал, как коробку спичек,
И начал стихи читать.
Был шар земной
Прекрасно схвачен лапой сумасшедшего!
За мной!
Бояться нечего!

1915

ФУТУРИСТЫ

„ГИЛЕЯ"

Викторъ Хлѣбниковъ, Вл. Маяковскій, Д. Н. В. Бурлюки, А. Крученыхъ, Б. Лившицъ.

Велемiръ Владимiровичъ

ХЛѢБНИКОВЪ.

ТВОРЕНIЯ

1906—1908 г.

ПРИЛОЖЕНIЕ: статьи Бурлюка и Каменскаго о Хлѣбниковѣ.

Изданiе „Перваго журнала русскихъ футуристовъ", Москва.

В. Хлѣбников

Рявъ!

ПЕРЧАТКИ

1908—1914 гг.

В. Хлѣбников

изборник

стихов

съ послѣсловiемъ рѣчаря.

1907—1914 гг.

В.В.Хлебников. Рисунок В.Д.Бурлюка из книги «Творения».
Книги В.В.Хлебникова «Творения». 1914
«Рявь!». 1914
«Изборник». 1914

ФутуристЫ

Первый журналъ русскихъ футуристовъ.

№ 1–2.

МОСКВА 1914.

ЧЕТЫРЕ ПТИЦЫ

СБОРНИКЪ СТИХОВЪ.

ДАВИДЪ БУРЛЮКЪ,
ГЕОРГІЙ ЗОЛОТУХИНЪ,
ВАСИЛІЙ КАМЕНСКІЙ,
ВИКТОРЪ ХЛѢБНИКОВЪ.

МОСКВА. 1916. Из-во К.

ВРЕМЕННИКЪ

В. ХЛѢБНИКОВЪ.
БОЖИДАРЪ.
Г. ПЕТНИКОВЪ.
НИК. АСѢЕВЪ.

МОСКВА 1917

Сборники «Первый журнал русских футуристов». 1914
«Взял». 1915
«Четыре птицы». 1916
«Временник» I. 1917

ПЕН ПАН

У вод я подумал о бесе
И о себе,
Над озером сидя на пне.
Со мной разговаривал пен пан,
И взора озерного жемчуг
Бросает воздушный могуч меж
Ивы,
Большой, как и вы.
И много невестнейших вдов вод
Преследовал ум мой, как овод.
Я, брезгая, брызгаю ими.
Мое восклицалося имя.
Шепча, изрицал его воздух.
Сквозь воздух умчаться не худ зов.
Я озеро бил на осколки
И после расспрашивал: сколько?
И мир был прекрасно улыбен,
Но многого этого не было.
И свист пролетевших копыток
Напомнил мне много попыток
Прогнать исчезающий нечет
Среди исчезавших течений.

1915, 1916

* * *

Панна пены, панна пены,
Что вы, тополь или сон?
Или только бьется в стены
Роковое слово «он»?
Иль за белою сорочкой
Голубь бьется с той поры,
Как исчезнул в море точкой
Хмурый призрак серой при?
Это чаек серых лёт!
Это вскрикнувшие гаги!
Полон силы и отваги
Через черес он войдет!

1915—1916

* * *

Вы были строгой, вы были вдохновенной,
Я был Дунаем, вы были Веной.
Вы что-то не знали, о чем-то молчали,
Вы ждали каких-то неясных примет.
И тополи дальние тени качали,
И поле лишь было молчанья совет.

1915—1916

* * *

1

O!
А может, удача моргнет
Косыми глазами тихони?
Гор гнет
Под шляпой зари,
Зари жестокой, угрюмой.
Нас рыбой поймали у тони,
Где рыбарь, где невод, где бьются челны,
Где молится море угрюмо угрю: мой
Жестокою прачкой портянки волны.
И лебедя пены угорь поймет,
Головкою змея мелькая
По мерным волнам непокоя.
И выдавят рыбы ячейки тенет...
У рыбы есть тоже Байрон или Гете
И скучные споры о Магомете!

2

И ежели ветер, сверкая,
Ударит терновником море по ранам
И гроза засмеется — есть дева такая,
Что, смерч пересекши, блистает Кораном.
Их ниткою собраны слезы
Про гибели чистых малюток.
Волос голубые морозы
Молю так:
Не будьте к нам, людям, жестоки,
Катоны немого глагола,

У нас есть людские пороки,
Не рыбы, не Савонаролы-
  Пророки,
Чешуй мы не знаем, мы голы.

3

Сегодня
Я иду беснуясь...
Я обручальный день войны и сумасшедших грез
  Иль
Я мученицы тело на ободе колес,
Черепа с черепом сводня,
  А разум хром.
Играю камнями, как сумасшедший дом
Играет словом «бог».
Там в черном глазу завывает пожар
И с черных ресниц пылает навеки.
Мыслитель Джон Стюарт Милль,
В окна прыгая
С обугленной книгою,
Он знает, что едкая пыль, где он исчез, — твоя!
По водосточным трубам верхом
Падал, разбитому образу пара,
И мертвый упал он,
  И люди кругом.

4

Обреюсь молчанием, у слов выращу чуб.
Чертоги бога отдам словам внаем.
Пусть каждое слово мое —
Это Разин выплюнул зубы
Вам: нате! проклятых невольник.
Как поиск грозой колокольни,
Велю — станут образу метки.
Вы еще не поняли, что мой глагол —
Это бог, завывающий в клетке.

1915–1916

* * *

Страну Лебе́дию забуду я
И неги трепетных Моревен.
Про Конецарство, ведь оттуда я,
Доверю звуки моей цеве.
Где конь благородный и черный
Ударом ноги рассудил,
Что юных убийца — упорный,
Жуя, станет жить, медь удил.
Где конь звероокий с волной белоснежной
Стоит, как судья у помоста,
И дышло везут колесницы тележной
Дроби злодеев и со ста.
И гривонос благородный
Свое доверяет копыто
Ладони покорно холодной,
А чья она — всеми забыто.
Где гривы — воздух, взоры — песни,
Все дальше, дальше от ням-ням!
Мы стали лучше и небесней,
Когда доверились коням.
О люди! Так разрешите вас назвать?
Режьте меня, жгите меня!
Но так приятно целовать
Копыто у коня:
Они на нас так не похожи,
Они и строже и умней,
И белоснежный холод кожи,
И поступь твердая камней.
Мы не рабы, но вы посадники,

Но вы избранники людей!
И ржут прекрасные урядники,
В нас испытуя слово «дей!»
Над людом конских судей род
Обвил земной шар новой молнией.
Война за кровь проходит в брод,
Мы крикнем: «Этот дол не ей!»
И черные, белые, желтые
Забыли про лаи и про наречья.
Иной судья — твой шаг, тяжел ты!
И власть судьи не человечья.
Ах, князь и кнезь, и конь, и книга —
Речей жестокое пророчество.
Они одной судьбы, их иго
Нам незаметно, точно отчество.

1915–1916

* * *

Я и Саири, мы вместе гуляли,
Слова собирая для ласковой Ляли.

Они растут среди мощных дубов
Друзьями черники, друзьями грибов.

Словесными чарами громко чаруясь,
Наполнили мы весь березовый туес.

Меня беспокоил задумчивый сум,
И таял в ладонях из озера шум.

Не будь сувора, не будь сурова,
Но будь проста, как вся дуброва!

Саири моя так изящна и хупава,
Что рядом с ней каждый из города Глупова.

Мокроогненные очи — это ты иль цыганча?
Точно море около Сочи, шелка пролиты с плеча...

<1915–1916>

В ЛЕСУ

Словарь цветов

На эти златистые пижмы
Росистые волосы выжми.
Воскликнет насмешливо — «только?»
Серьгою воздушная ольха.
Калужниц больше — черный холод,
Иди, позвал тебя Рогволод.
Коснется калужницы дремя,
И станет безоблачным время.
Ведь мною засушено дремя
На память о старых богах.
Тогда серебристое племя
Бродило на этих лугах.
Подъемля медовые хоботы,
Ждут ножку богинины чёботы.
И белые ель и березы,
И смотрят на небо дерезы.
В траве притаилась дурника,
И знахаря ждет молодика.
Чтоб злаком лугов молодиться,
Пришла на заре молодица.
Род — конского черепа кость.
К нему наклоняется жость.
Любите, носите все те имена,
Что могут онежиться в Лялю.
Деревня сюда созвана,
В телеге везет свою кралю.

Лялю на лебеде
Если заметите,
Лучший на небе день
Кралей отметите.
И крикнет и цокнет весенняя кровь:
Ляля на лебеде — Ляля любовь!
Что юноши властной толпою
Везут на пути к водопою?
Кралю своего села!
Она на цветах весела.
Желтые мрачны снопы
Праздничной возле толпы.
И ежели пивни захлопали,
И песни вечерней любви,
Наверное, стройные тополи
Смотрят на праздник в пыли.
Под именем новым — Олеги,
Вышаты, Добрыни и Глебы
Везут конец дышла телеги,
Колосьями спрятанной в хлебы,
Своей голубой королевы.
Но и в цветы запрятав низ рук,
Та смугла встает, как призрак.
«Ты священна, Смуглороссья», —
Ей поют цветов колосья.
И пахло кругом мухомором и дрёмой,
И пролит был запах смертельных черемух.
Эй! Не будь сувора, не будь сурова,
Но будь проста, как вся дуброва.

<1915–1916>

БЕГСТВО ОТ СЕБЯ

Воспоминания

1

Котенку шепчешь: «Не кусай».
Когда умру, свои дам крылья.
Писал устало Хокусай,
А брови — Матери Мурильо.

2

Как девидеет ветка вишенек!
Так безразумно, выше нег...
Ведь золотой загар плеча
Сожжет ваш разум, лепеча
Про ту страну, где Самарканд
И храмы — братья синих Анд.
На волосах чернеет вёдрышко,
Конечно, шелка. Но мотылька прилет дружка
Зови. Цветок, красней,
И, косы, падайте тесней.
Их чешет верный гребешок.
И падал сумрака мешок,
Часы 12 прóбили едва,
<На> площадь памятника Скобелеву.

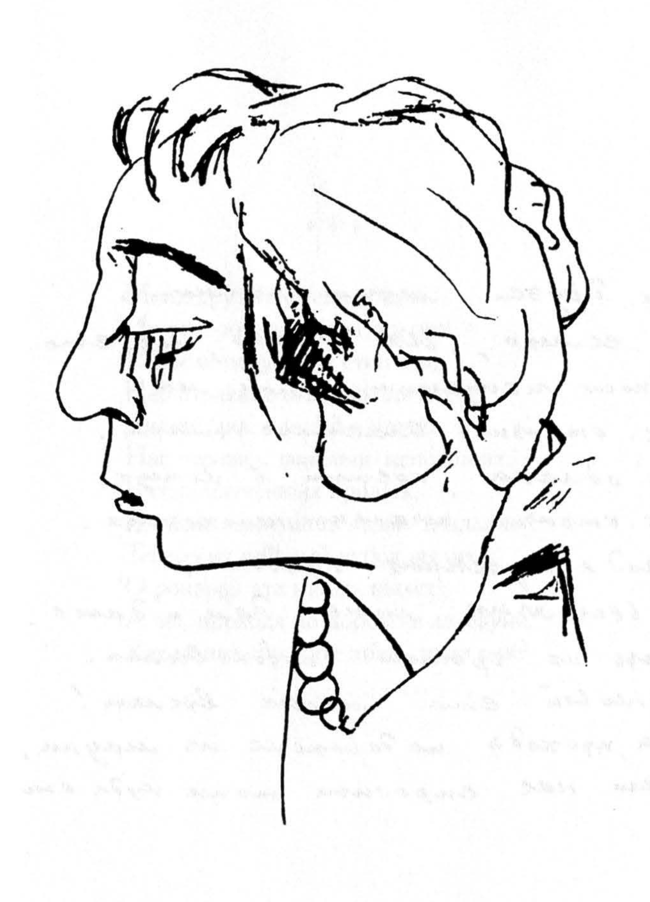
3

На стеблях взоров
Громадные и черные шары.
Приходит речи злой Суворов,
Приносит дерзости дары.
Двины рукою речи вышиты.
Мурильо ротик нежный пишет.

<4>

Из ревности, из удали,
Но режут сарты.
Оттуда ли,
Но золотой пожар ты!
И косы падают, на солнце выгорев,
И щеки круглые из песни Игоревой.

1915–1916



Н.В.Николаева. Рисунок В.В.Хлебникова. 1915

Моих друзей летели сонмы.
Их семеро, Их семеро, их сто!
И после испустили стон мы.
Нас отразило властное ничто.
Дух облака, одетый в кожух,
Нас отразил печально непохожих.
В года изученных продаж,
Где весь язык лишь дам и дашь.
Теперь их грезный кубок вылит.
О роковой ста милых вылет!
А вы, проходя по дорожке из мауни,
Ужели нас спросите тоже куда они?

Рукопись стихотворения «Моих друзей летели сонмы...». 1916

* * *

Моих друзей летели сонмы.
Их семеро, их семеро, их сто!
И после испустили стон мы.
Нас отразило властное ничто.
Дух облака, одетый в кожух,
Нас отразил, печально непохожих,
В года изученных продаж,
Где весь язык лишь «дам» и «дашь».
Теперь их грёзный кубок вылит.
О роковой ста милых вылет!
А вы, проходя по дорожке из мауни,
Ужели нас спросите тоже, куда они?

1916

ТОЙ

В сторону меры зачет!
Это — простой котелок,
В котором идет звездочет
Звездный постичь уголок,
Чье облако вроде платочка,
И я не похож на цветочек.
Железный звук моей перчатки
От синей Сены до Камчатки
Народы севера потряс.
Столетье мира кончил точкой
Наборщик «рок» без опечатки.
И вы, очарунья, внимая,
Блеснете глазами из льда.
И всходите солнцем Мамая,
Где копий стоит череда.

1916

* * *

Моя так разгадана книга лица:
На белом, на белом — два серые зня!
За мною, как серая пигалица,
Тоскует Москвы простыня.

1916

* * *

Дм. Селегинскому-Петровскому

Через строй столетий,
По дороге мигов,
На «уру» и на «авось»
Пронесите Чернигов
И земную ось.
И рассудка выводы,
И друзья Паливоды,
И созвездий гутор,
И вишневый хутор,
И холмы у млына,
И со свайкой мальчика:
В ваянья пальцах —
Все это глина...
А на глине, сном означенный,
Ляжет синий чуба дым.
Но и усом не моргнет,
Вдруг сказав: «Я — сабля.
    Мщу я вам!»
И чубатым волком вскочит
И очутится под Киевом.

10 февраля 1916
Петровский парк

БОГ XX ВЕКА

Как А,
Как башенный ответ — который час?
Железной палкой сотню раз
Пересеченная игла,
Серея в небе, точно мгла,
Жила. Пастух железный, что он пас?
Прочтя железных строк записки,
Священной осению векши,
Страну стадами пересекши,
Струили цокот, шум и писки.
Бросая ветку, родите стук вы!
Она, упав на коврик клюквы,
Совсем как ты, сокрывши веко,
Молилась богу другого века.
И тучи проволок упали
С его утеса на леса,
И грозы стаями летали
В тебе, о медная леса.
Утеса каменные лбы,
Что речкой падали, курчавясь,
И окна северной избы —
Вас озарял пожар-красавец.
Рабочим сделан из осей,
И икс грозы закрыв в кавычки,
В священной печи жег привычки
Страны болот, озер, лосей.
И от браг болотных трезв,
Дружбе чужд столетий пьяниц,
Здесь возник, быстер и резв,

Бог заводов — самозванец.
Ночью молнию урочно
Ты пролил на города,
Тебе молятся заочно
Труб высокие стада.
Но гроз стрела на волосок
Лишь повернется сумасшедшим,
Могильным сторожем песок
Тебя зарыть не сможет — нечем.
Железных крыльев треугольник,
Тобой заклеван дола гад.
И разум старший, как невольник,
Идет исполнить свой обряд.
Но был глупец. Он захотел,
Как кость игральную, свой день
Провесть меж молний. После цел,
Сойти к друзьям: из смерти тень.
На нем охотничьи ремни
И шуба заячьего меха,
Его ружья верны кремни,
И лыжный бег — его утеха.
Вдруг слабый крик. Уже смущенные
Внизу столпилися товарищи.
Его плащи — испепеленные,
Он обнят дымом, как пожарище.
Толпа бессильна. Точно курит
Им башни твердое лицо.
Невеста трупа взор зажмурит,
И после взор еще... еще...
Три дня висел как назидание
Он в вышине глубокой неба.
Где смельчака найти, чтоб дань его
Безумству снесть на землю, где бы?

1916

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Узнать голубую вражду
И синий знакомый дымок
Я сколько столетий прожду?
Теперь же я запер себя на замок.
О боги! вы оставили меня!
И уж не трепещете крылами за плечами,
И не заглядываете через плечо в мой почерк.
В грязи утопая, мы тянем сетьми
Слепое человечество.
Мы были, мы были детьми,
Теперь мы — крылатое жречество.
Уж сиротеют серебряные почки
В руке растерянной девицы,
Ей некого, ей незачем хлестать!
Пером войны оставленные точки
И кладбища большие, как столица,
Людей судьбы другая стать.
Где в простыню из мертвых юношей
Обулась общая земля,
В ракушке сердца жемчуг выношу,
Вас твердым свистом жалейки зля.
Ворота старые за цепью
И нищий, и кривая палка,
И государства плеч (отрепье)
Блестят, о умная гадалка!

1916

В.В.Хлебников.
Фотография. 1916

ПЕЧАЛЬНАЯ НОВОСТЬ

8 апреля 1916

Как! И я, верх неги,
Я, оскорбленный за людей, что они такие,
Я, вскормленный лучшими зорями России,
Я, повитой лучшими свистами птиц, —
Свидетели: вы, лебеди, дрозды и журавли! —
Во сне провлекший свои дни,
Я тоже возьму ружье (оно большое и глупое,
Тяжелее почерка)
И буду шагать по дороге,
Отбивая в сутки 365·317 ударов — ровно.
И устрою из черепа брызги,
И забуду о милом государстве 22-летних,
Свободном от глупости возрастов старших,
Отцов семейства
(общественные пороки возрастов старших),
Я, написавший столько песен,
Что их хватит на мост до серебряного месяца...
Нет! Нет! Волшебницы
Дар есть у меня, сестры небоглазой.
С ним я распутаю нить человечества,
Не проигравшего глупо
Вещих эллинов грёз,
Хотя мы летаем.
Я ж негодую на то, что слова нет у меня,
Чтобы воспеть мне изменившую избранницу сердца.
Нет, в плену я у старцев злобных,
Хотя я лишь кролик пугливый и дикий,
А не король государства времен,
Как называют меня люди:
Шаг небольшой, только *ик*
И упавшее *о*, кольцо золотое,
Что катится по полу.

1916

* * *

Где, как волосы девицыны,
Плещут реки, там в Царицыне,
Для неведомой судьбы, для неведомого боя,
Нагибалися дубы нам ненужной тетивою.
В пеший полк 93-ий
Я погиб, как гибнут дети.

1916

* * *

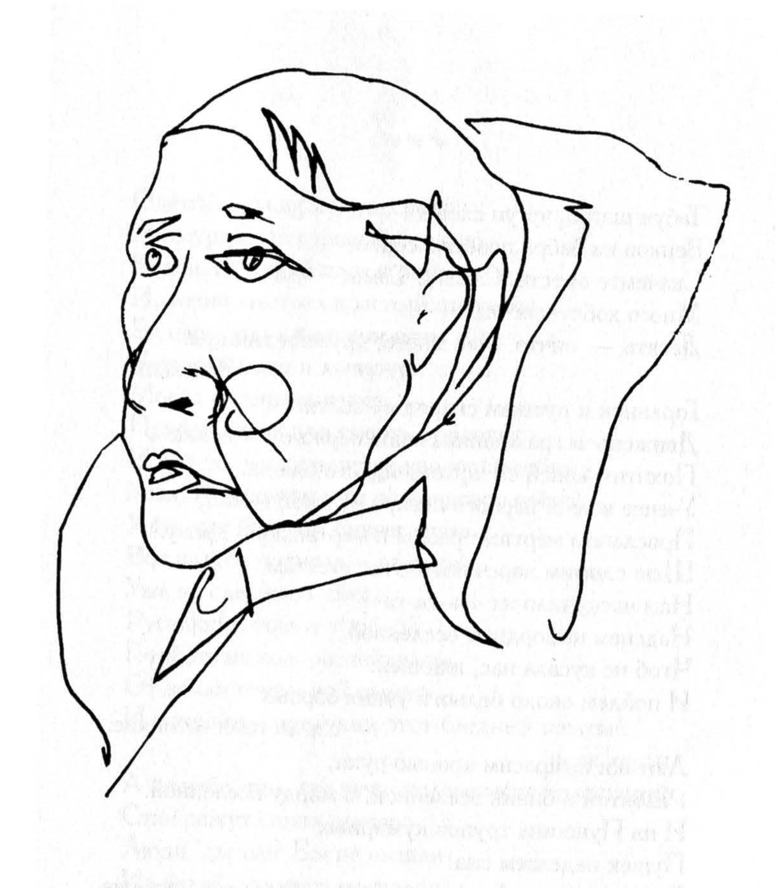
Я задел нечаянно локтем:
Просыпайся, веселия дочь!
А мост царапал ногтем
Пехотинца, бежавшего прочь.
Убийцы, под волнами всхлипывая,
Лежали, как помосты липовые.
Чесала гребнем смерть себя,
Свои могучие власы,
И мошки ненужных жизней
Напрасно хотели ее укусить.

1915, 1916

* * *

Татлин, тайновидец лопастей
И винта певец суровый,
Из отряда солнцеловов.
Паутинный дол снастей
Он железною подковой
Рукой мертвой завязал
В тайновиденье щипцы.
Смотрят, что он показал,
Онемевшие слепцы.
Так неслыханны и вещи
Жестяные кистью вещи.

1916



В.Е.Татлин.
Рисунок В.В.Хлебникова. 1916

* * *

Табун шагов, чугун слонов!
Венков на бабра повесим сонно,
Скачемте вместе, Самы и Самы,
Много хоботных тел.
Десять — ничто. Нас много, друзей единицы.
Заставим
Горлинок к пушкам снаряды носить.
Движеньем гражданина мира первого — волка
Похитим коней с Чартомлыцкого блюда.
Ученее волка, первого писаря русской земли,
Прославим мертвые резцы и мертвенную драку.
Шею сломим наречьям, точно гусятам,
Нам наскучило их «га-га-га»!
Наденем намордник вселенной,
Чтоб не кусала нас, юношей.
И пойдем около белых и узких борзых
с хлыстами и тонкие.
Лютики выкрасим кровью руки,
Разбитой о бивни вселенной, о морду вселенной.
И из Пушкина трупов кумирных
Пушек наделаем сна.
Вещие юноши уйдут — конец — от глупых старцев,
Болезнь возраста. И оснуют мировое государство
Граждан одного возраста.

1916

* * *

Одетый в плащ летучих рыб,
Нахмурил лоб суровый бог рыб.
Какой-то общий шум и шип,
И, точно выстрел красный, погреб.
За парусами красными огня
Чернеют люди и хлопочут.
Могил видением казня,
Прибой валов про смерть пророчит.
И кто-то, чернильницей взоров недобрый,
Упал, плетнем смерти подняв свои ребра,
Упав, как башен и пушек устав.
Вот палуба поднялась на дыбы,
Уже не сдержана никем.
Русалки! готовьте гробы!
Готовьте из водорослей шлем,
От земли печальной вымыв,
И покройте поцелуями этот бледный желтый
воск кости.
А на небе, там, где тучи, человеческие плоскости
Стаи режут синих дымов.
Люди, где вы? Вы не вышли
Из белой праотцев могилы,
И только смерть, храпя на дышле,
Дрожит и выбилась из силы.
Она устала, пожалейте
Ее за голос «куд-кудах»!
Как тяжело и трудно ей идти,
Ногами вязнет в черепах.
Кто волит, чтоб чугунный обод

Не переехал взоров ласточки,
Над тем качнулся зверский хобот
И вдруг ударил с силой вас тоски.
И бьет тяжелою колодою
Он оглупевшего зверка,
И масти красною свободою
Наполнят чашу, пусть горька.

1916

* * *

Годы, люди и народы
Убегают навсегда,
Как текучая вода.
В гибком зеркале природы
Звезды — невод, рыбы — мы,
Боги — призраки у тьмы.

<1916>

* * *

Ласок
Груди среди травы.
Вы вся — дыханье знойных засух.
Под деревом стояли вы,
А косы
Жмут жгут жестоких жалоб в желоб.
И вы голубыми часами
Закутаны медной косой.
Жмут, жгут их медные струи.
А взор твой — это хата,
Где жмут веретено
Две мачехи и пряхи.
Я выпил вас полным стаканом,
Когда голубыми часами
Смотрели в железную даль.
А сосны ударили в щит
Своей зажурчавшей хвои,
Зажмуривши взоры старух.
И теперь
Жмут, жгут меня медные косы.

1916

* * *

Пою,
Что палки бросает Перун,
Паря, точно палка себя,
Из точки пустоты,
Как палка пустоты,
Пышет пальбою тех пуль,
Что пламенем стали полых
Палок пения пороха.
Пения пыли и пены,
Пазы пузырей у певучего слова
И в песне пещеры,
И почки, и печени,
Как палки, как полые палки,
Что волят пустынных полей,
Слова растянули молвы.
И ты, что пустынною пеной пылишь,
Пузырный Перун! Пастух пустоты,
Пестуешь ты пламенный порох.
Я тоже пою
Пружинной пяткою пенистых пений,
На пальцах из песен.
Пламенем в пение понесся, прямое, прямое,
Прямое, как палка пещер пустоты,
Пернатый пустыми полями, палимый, пылимый,
Я из точки пустой и палимой.
Пением полых пламён,
Пением поля пузырься, пламенно полый Перун.
Но песня пещер, но песни пустот,
Пений пещеры,
Пений пещеры,
Что пулями пятки
Песней палят, как пламени полых пещер,
На пальцах пера пустоты
И палкой пылают, как почки.
Прыгают, пляшут
Под пение первой пещеры.
Пастух пустоты,
Пестуй, пылая, печени полых полей.

Первый и первый и первый Перун!
Пещерный Перун! Перун пещерный!
Пением первый первых пещер,
Первою палкой пари
По пушистой поре,
Пернатым порогам
Пляшущей пены.
Палицей полого пения
Порохи пламенем пой!
Первые пороха пены
Пастью пушистою пей!
Печени пылом,
Первою птицею пламени,
По́лой порою порхая,
Парусы перьями порешь,
Порешь и пашешь перо.
Парнем на пляске пещер,
Пары пылая паров,
Пламенный порох! Пламенный парень,
Паси пылкую почку в пустую пещеру.
Падает палка
В песни пещер!
Песенный парень парусом пламени,
Палками пал,
Пан пашни полей,
Пухом пушистым
Пиров пустоты,
Пиром пения птах.
Первый парень
Поры́ пещерных полей,
Стань правдой поючих пещер!
Парусом песен,
Пламенной палкой питая
Пасть пустоты,
Пир паха и паза,
Пирующий пламенем,
Праведный парень,
Пылкий Перун!

1916

* * *

Сегодня строгою боярыней Бориса Годунова
Явились вы, как лебедь в озере;
Я не ожидал от вас иного
И не сумел прочесть письмо зари.
А помните? Туземною богиней
Смотрели вы умно и горячо,
И косы падали вечерней голубиней
На ваше смуглое плечо.
Ведь это вы скрывались в ниве
Играть русалкою на гуслях кос.
Ведь это вы, чтоб сделаться красивей,
Блестели медом — радость ос.
Их бусы золотые
Одели ожерельем
Лицо, глаза и волос.
Укусов запятые
Учили препинанью голос,
Не зная ссор с весельем.
Здесь Божия Мать, ступая по колосьям,
Шагала по нивам ночным.
Здесь думою медленный рос я
И становился иным.
Здесь не было «да»,
Но не будет и «но».
Что было — забыли, что будет — не знаем.
Здесь Божия Матерь мыла рядно,
И голубь садится на темя за чаем.

1916 1922

* * *

Где ищет белых мотыльков
Сосны узорное бревно,
В кувшине плещет молоко —
Так снежен конь. На нем Оно!
Оно струит, как летний мед,
Такие зыблемые косы.
На гриве бьется. Кто поймет
Его священные вопросы?
Его ночными именами
Ночей одену голоса я.
Нога качает стременами,
Желтея смугло и босая.
Где вас уносит властно птичий вал,
Как предков певчая река,
И ищет бледного величества
Его смущенная рука.
Где быль — лишь разумная боль
О славе, о боге, о беге по верам,
И где на олене король
Для крали цветы собирал старовером.

<1916 1918>

* * *

Веко к глазу прилежно приставив,
Люди друг друга, быть может, целуют,
Быть может же, просто грызут.
Книга войны за зрачками пылает
Того, кто у пушки, с ружьем, но разут.
Потомок! От Костомарова позднего
Скитаясь до позднего Погодина,
Имя прочтете мое, темное, как среди звезд Нева,
Среди клюкву смерти проливших за то,
чему имя старинное «родина»,
А имя мое страшней и тревожней
На столе пузырька
С парой костей у слов: «Осторожней,
Живые пока!»
Это вы, это вы тихо прочтете
О том, как ударил в лоб,
Точно кисть художника, дроби ком,
Я же с зеленым гробиком
У козырька
Пойду к доброй старой тете.
Сейчас все чары и насморк,
И даже брашна,
А там мне не будет страшно.
— На смерть!

1916

* * *

Месяц плывучий
Раз выглянет,
Раз спрячется...
Распря — чу!
Раздирает тучи.
Глянец
Ту одел облаком певучим.
Хлеб на стол выложен, щи на!
Говорят, что голая женщина
Красива при свете луны.
Голос глух, лица красны,
Закусывают рыжиком, пьют,
Слюною брызжут, снуют.
Ах, где бы мне от вас скрыться, где бы?
И кроит искусно небо
Из лоскутьев сизых, серых, черных вечер.
Заняты икрой...

1912

* * *

Небо душно и пахнет сизью и выменем,
О, полюбите, пощадите вы меня!
Я и так истекаю собою и вами,
Я и так уж распят степью и ивами.

1912

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

* * *

Я знал: ненарекаемость Бозничего,
необъемность Полевичего,
неотъемность Огневичего,
неразъемность Водяничего,
неувядаемость Девичьего. Я знал.

1907

* * *

Времянин я,
Времянку настиг,
И вот — любянин я,
И создал я миг.
И вот отряхнулся и дальше лечу,
И богу высокому славу пою.
Времянин я,
Времянкой любим.

1907

* * *

И живностынь старого черепа —
Быстро мелькнувшая мышь.
И милостынь старого бреда —
Венчание в царствии крыш.
И всё.

1908

* * *

И мертвостынь старого черепа —
Скользко мелькнувшие мыши.
И милостынь старого бреда —
Венчание в царствии крыши.
И всё.

1913

* * *

Жарбог! Жарбог!
Я в тебя грезитвой мечу,
Дола славный стаедей,
О, взметни ты мне навстречу
Стаю вольных жарирей!

Жарбог! Жарбог!
Волю видеть огнезарную
Стаю легких жарирей,
Дабы радугой стожарною
Вспыхнул морок наших дней.

1907–1908

* * *

Гонщик саней,
Гоняя темных коней,
Сугробы темных звезд
За заставу утром свез.
И сень моя зыбка.
И время дышит в зыбке.
Мой синий сон и сени саней золотые,
Зимы седой и сизый стон и теми тени дымовые.

1907

Рукопись стихотворения «Времыши-камыши...».
Первая и вторая редакции. 1907

* * *

Времыши на бреге озера ласкающего,
Где веретыще — смерти,
Где временье каменьем, где каменем время,
Где на бреге одиноко стоит
священному времирю времык,
Времыши на бреге озера священного,
Ласкающего тайной, дивно зыбящие...

1907

* * *

Времыши-камыши на озера бреге,
на бреге озера дивно зыбящие,
Камыши-времыши на голубом озере,
Где каменьем временье, где временем камень.
Времыши-камыши на озера бреге священно шумящие,
Времыши-камыши на озера бреге.
И в свете много зело веков
В просвет мелькнет коварно лик человека.

1907

Рукопись стихотворения «Я любоч женьчюжностей смеха...».
Первый вариант. 1907

* * *

Я любоч женьчюжностей смеха,
Я любоч леунностей греха.
Смехи, грехи — всё мое.
Любы верхи, любо дно.

1907

* * *

О Достоевскиймо бегущей тучи!
О Пушкиноты млеющего полдня!
Ночь смотрится, как Тютчев,
Замерное безмерным полня.

1912

* * *

О достоевскиймо бегущей тучи,
О пушкиноты млеющего полдня,
Ночь смотрится, как Тютчев,
Безмерное замирным полня.

1919

* * *

О Достоевскиймо идущей тучи.
О Пушкиноты млеющего полдня.
Ночь смотрится, как Тютчев,
Замирное безмирным полня.

1921

КУЗНЕЧИК

Крылышкуя золотописьмом негчайших жил,
В кузов пуза кузнечик уложил
Много верхушек приречных вер.
Тарарапиньпинькнул зинзивер.
О неждарь вечерней зари!
Не ждал... Озари!
О любеди!..

1907—1908

* * *

Крылышкуя золотописьмом тончайших жил,
Кузнечик в кузов пуза уложил
Много верхушек приречных вер.
Тарара пинь пинькнул зинзивер.
О неждарь
Вечерней зари!
Не ждал.
Озари.

<1907—1908>

* * *

Пламень леунностей влас.
Пламень девинностей взора.
Пламень поюнностей глаз.
Купол ночного собора.

* * *

Прамень реучего взора!..
Прамень леунностей влас...
Опускается солнце за горы.
Всё —
Светик погас.

* * *

Прамень ревучего жара.
Прамень леунностей влас.
Прамень дивного дара.
Прамень певинности глаз.

1907

<КРЫМСКОЕ>

Турки
— Выреем мимоходом брошенные окурки
— Валяются на берегу.
Берегу
Своих рыбок
В сослоненных ладонях. Своих улыбок
Не могут сдержать белокурые турки.
Иногда балагурят.
Я тоже роняю окурок.
Море в этом заливе совсем засыпает.
Засыпают
В море с лодок, что качаются холмами на волнах,
Рыбаки в море невод.
Небо слева — золото.
Посмотрите, как оно молодо!
Но рыбаки не умеют:
Наклонясь, сети сеют.
В мозолистых руках сито
    Реет! Реет!
И серебряным житом
    Веет! Веет!
И пока на устах расцветает, смеясь,
                                        семья прибауток,
Из ручонки
Мальчонки
Сыпется, веясь, дождь в уплывающих уток...
Солнце белое золото
Веет щедрою мерою.
В это время мы все молоды,
В это время все мы верим.
И нет ничего невообразимого,
Что в этот час

Море гуляет среди нас,
Надев голубые невыразимые.
На бегучие сини
Ветер сладостно сеет
Запахом маслины,
Цветком Одиссея...
И, собираясь взять камешек,
Чувствую, что нужно протянуть руку прямо еще...
И шепчет море: «не вы!»
И девушка с дальней Невы,
Протягивая руку, шепчет: «моречко!»
А воробей в это время проносит семячко.
Ящерица
По устенью тащится,
Равнодушная от линьки.
Отсюда море кажется выполощенным
мозолистыми руками в синьке.
И я думаю о том, что на чертеже земли Котлас —
точкой.
А в воздухе пролетает ласточка.
Далеко — все ясно в воде.
Чу! Звененье пустельги!
Где глазами бесплотных тучи прошли, я черчу *В* и *Д*.
Чьи? Не мои.
Мои: *В* и *И*.
Девушка в шляпе-грибе, под руководством маменьки,
Бросает в воду камень.
Возле камня
Скачут путешественницы козликами.
Зеленая
Ядреная
Ящерица
По устенью — тащится.
Спускаюсь.
Желудок пуст — каюсь.
Услада.
Земли не надо
Виру, где чёлны,
И миру, где волны.
Чайка поет предсмертную песнь ребенка,
Которому стало звонко.
Его навестил Испуг
И встал к нему близко, как мамочкин друг.

Его навестило Лихо
И встало за нянькой.
А на море тихо,
И на море — чайки.
Каждый шаг
Украшая словом «ах!»,
Идут московские толстушки
С тростинками из крымских опушек.
Как ноги шестинога,
Перегнувшись с краев (в лодке их немного),
Рыбаки сети сеют.
Тихнут волны.
Чувства — полны.
И в дали моря неголеватого
Блеснули воротнички
И запонки
Щеголеватого
Всегда Вырея.
Безбрежное поле снам
С запада, рыбачки́!
Милые, с запада!
— Там
У края бескрайнего вира...
О, как бы они ни были сиры...
Ах! Эту бессмертную синь сорят
Городом, горами,
Сумами, суднами,
Много и всем,
Что морок,
Не будучи морем.
В эти пашни,
Где времена орали свой сев,
Смотрятся башни,
Назад не присев!
Ах! где роняла последний взор
В сени гор
Дева,
Обреченная небу,
Там бегают кошки...
Мяукают...
Старая дева
Аукает...
Сыпет рыбешку...

Орлицей с улицы лица
Смотрит. Сулится
Голосом звонким,
Как олово,
Разбить голову
Ребенку
За камень, пущенный кошке вдогонку.
Орлицей смотрит, где бы выступить защитницей
Попранных прав своих кошек.
Машет рыбешкой...
Сребровеет.
Ходит по саду дозором.
Огневеет носом крючковатым и длинным,
И вот! — улетает на Лысую гору...
Да! Пред бескрайностью синего мига
Все мы укор и улика...
На столе: самовар, масло, чашки, чай...
На обертке чая устало читаю огромное *К*.
А над морем проносится усталая чайка...
    Кони, бродите, бродите!
    Копыта, стучите, стучите!
    Затемняйте тусклые лики!
    Забывайте о раньшевеликих!
    И, отрывая от брата милого камень,
    Кони, о милые кони, сумейте
    Тлению мира возжечь
    Благословляющий пламень!
И бес с улыбкой похотливой
Нашепчет, вечно хохотливый, —
Где, замирая с земной, забывали о неземной
                                        бессмертные боги,
Слышится мне русское, звонкое:
                                        «в казенку — могим!»
По морю качаются белые зайки.
Женщины шевелят крыльями, как алокрылые чайки.
Где было место богов и полубогов виру —
    Продают сыру.
И, лаская собачку, вымолвливают: «ляг, ушки!»
А вдали квакают лягушки.
Учительницы, которые
    Детишек — учат!
А также счастьишки
    Бучат!

Щелоком свободной любви
(«Кто? Мы? — Не мы, не мы! —
— Молчим! Молчи! — Немы! Немы!»)
На песочек прилегли,
Выглядывая, кто я?
Вытягивая ноги —
Немногие! Немногие!
— Сонные — милые — покорные
— Просторные — кроткие — немотные
— Животные!
И я устал в песке ломаться!
А дитя, увидев солнце, кричит: «цаца!»
С нами
— Ведьмы!
Ведь мы
— Знаем:
Где мы еще не были, там еще нет небыли!
Небольшие ведьмы чертя́т
Алый закат.
И пока закатные вихри, ярясь,
Сплетаются в сети письмен,
Я читаю славянскую вязь,
Указующую доли времен.
Тени минувшего!
Если и в это вечернее время вы не устанете
кружиться надо мной, как вечерние подурки,
На этом берегу загубленном,
То мне останется думать, что вы играете в жмурки
С своим возлюбленным.
На берегу лежат многочисленные доказательства.

Всё молчит. Ни о чем не говорят.
Белокурости турок канули в закат.
— И, когда небо становилось красно, как кумач,
Дитя произносило: «красно» или: «вот сидит грач».
И вот пролетал звук, тишины драч.
А закат гас
В вечерних терниях.
И наступает час —
Тихий, вечерний.
И стал ясен весь мир, как во сне наяву.
И, завидев месяц, я ему реву:
Месяц! Как и я, ты чист и светел,

Смел, спокоен, ясен, петел.
Но мне, с душой женомужа,
Все сущее — глуше и уже!
Так гори в безбольном горе!
Оставайся, горний, горе!
И, снимая шляпу
И отставив ногу
Немного,
Кланяюсь
Тучам. Лепечу (я с ними не знаком)
Коснеющим детским языком:
Если мое скромное допущение справедливо,
Что золото, которое ваши волосы тянули,
Когда вы, смеясь, рассказывали о любви,
Есть обычное украшение вашей семьи,
То не будете ли добры сообщить мне
и не может быть, чтоб вы мне не сообщили,
Любите ли вы «тянули»,
Птичку «сплю»,
А также
В предмете «русский язык» прошли ли
Спряжение глагола «люблю»?
Ветер, песни сея,
Улетел в свои края!
Все забыло чары дел,
Тишь.
Лишь бессмертновею
Я!

1908

* * *

Высь в весь вас зва́ла.
И миру мигов милый ил,
И тайна — весть в ненастье вала,
И сирый лик из лила пил.
О, этот сад пощад отрад!
И бег, где век в наслег залег,
И сон из лон далеких жен,
И люда луды, лед и лад.
Да.
Всегда.
Жизневолосая,
Мноеволосая
Ты.
Виты
Взоры
Из мечты
И зазоры.

1908

* * *

Ах, нынче я, как все.
Сколько му́ки!
— Горький сев.
Мил кому кий?
Себя тоньше
Стань!
Ладонь щеп
Сомненья
И презренья
Кину я
В твой стан.
Сгину я.
Сяду.
Всё... к ляду!

1908

<БОЕВАЯ>

Радой Славун, родун Славян,
Не яви, не яви, не яви своих ран!
Расскажи, расскажи про ослаби твои,
Расскажи, расскажи, как заслави твои
Полонила волна неми, с запада яростно бьющей...
Расскажи, расскажи,
как широкое плёсо быловой реки
Замутилось-залилось наливом-наплывом влияний
иных:
Иной роди, иной крови, иной думи,
иных речей, иных вестей
— Инобыти.
Я и сам бы сказал, я и сам рассказал,
Протянул бы на запад клянущую руку,
Да всю горечь свою собираю,
чтоб кликнуть на запад и юг
Свою весть, свою веру, свой яр и свой клич,
Свой гневный, победный, воинственный клич:
«Напруг слави единой и гордой на немь!» —
Свой гневный, победный, торжественный клич.
За солнцем, друзья!
На запад за солнечным ходом
Под прапором солнца идемте, друзья!
Победная славь да идет!
Пусть в веках и реках раздается припев:
«Славь идет! Славь идет! Славь восстала!..»

1908

<СКИФСКОЕ>

Что было — в нашем тонет.
И вечерогривы кони,
И утровласа дева,
И нами всхожи севы.
И вечер часу дань.
Бегут по небу вдаль суда.
И жизнь иль смерть — возьми любое!
И алчут кони боя.
И в межи роя узких стрел
— Пустили их стрелки —
Бросают стаи конских тел
Нагие ездоки.
И месть для них — узда,
Желание — подпруга.
Быстра ли, медленна езда,
Бежит в траве подруга.
В их взорах голубое
Смеется вечно вёдро.
И, знахари разбоя,
Коней овили бедра.
В ненастье любят гуню,
Земля сырая — обувь.
Бежит вблизи бегунья,
Смеются тихо оба.
Коня глаза косы,
Коня глаза игривы:
Иль злато жен косы
Буйнее его гривы?
Его плечо высоко,
Ее нога упруга,
Им не страшна осока,
Их не остановит куга.
Качнулись ковыли,
Метнулися навстречу.

И ворог ковы лить
Пришел, принес и сечу.
Сокольих крыл колки,
Заморские рога.
И звонки и голки
Поют его рога.
Стрел звеня тети́вой,
Осой глаз вражий пьет.
И уж в руке ретивой
Свистит-скользит копье.
И конь, чья ярь испытана,
Грозит врагам копытами.
Свирепооки кони,
И робко кто-то стонет.
И верная подруга
Бросается в траву,
Разрезала подпругу,
Вонзила нож врагу.
Разрежет жилы ко́ням,
Хохочет и смеется,
То жалом сзади гонит,
В траву, как сон, прольется.
Земля в ней жалом жалится,
Таится и зыбит.
Змея ведь над <ней> не сжалится,
Но яростью вздыбит.
И битвы не жесточе сечень.
Но гаснет дикий пламень сечи.
И ворог повернул стяг
И в вечер окунулся.
И широкогривые кони
Твердят, что знают искони.
Завыли волки жалобно:
Не будет им обеда.
Но чуют кони жало ног.
В сознании — победа.
Он держит путь, где хата друга.
Его движения легки.
За ним в траве бежит подруга,
Ее глаза — среброчелноки.

1908

* * *

Мы желаем звездам тыкать.
Мы устали звездам выкать.
Мы узнали сладость рыкать.
Будьте грозны, как Остра́ница,
Платов и Бакланов,
Полно вам кланяться
Роже басурманов.
Пусть кричат вожаки,
Плюньте им в зенки!
Будьте в вере крепки,
Как Морозенки.
О, уподобьтесь Святославу, —
Врагам сказал: «иду на вы!»
Померкнувшую славу
Творите, северные львы.
Толпою прадедов за нами
Ермак и Ослябя.
Вейся, вейся, русское знамя,
Веди нас сквозь сушу и через хляби!
Туда, где дух отчизны вымер
И где неверия пустыня,
Идите грозно, как Владимир
Или с дружиною Добрыня.

<1910>

ВРЕМИРИ СМЕЮЩИЕСЯ

Зачало

Смейно, смейно воссмеемся!

Осмеянственности смея, смехи смейные усмея, осмеянственность осмея, смея, смея, смея, смея!

О, смеянность смейных смехов!

<О,> засмейтесь, смейность смея! О, усмейте, смех посмея!

Смейевно, смейево, усмей, осмей, смейево, смейево, усмей, осмей, усмей, осмей, осмеянственность смея, смешики, смешики, смехири, смехири, смехушки, смешанки, смейево, смеево.

О, засмейтесь, смехачи, о, рассмейтесь, смехачи!

Что смеются, смехачи, что смеянствуют смеяльно, о, засмейтесь усмеяльно!

Смеюны, смеюны, смеюнчики, смеюнчики, смешики смеюнявые, смеюнявые смеюняне, смеюнянки, смеяныши, смеянышки.

О, рассмейтесь, смехачи, о, усмейтесь, смехачи!

Смеюности смеюнности, смеянности смеяности, смеюнчики, смешики. Смешунки смеень. Смеянец смеямице осмеятва смеюнность. Смеянил смеючик.

О, иссмейся усмеяльно, смех усмейных смехачей!

О, смеянств смеючий смех, смех усмейных смеячей!

О, смеяльностей смеяльных смех рассмейных смехачей!

О, смеянствуйте смеянно смех смеяльных рассмеянств!..

1907–1908

О разсмѣйтесь, Смѣхачи,
о засмѣйтесь Смѣхачи
о разсмѣйся засмѣяльно смѣхъ
усмѣйныхъ смѣячи
о ~~зай~~ засмѣйся усмѣяльно смѣхи
разсмѣйныхъ смѣячей
Смѣйево, смѣйево
Смѣшики смѣшики
Смѣюнчики, смѣюнчики
Усмѣй,
Осмѣй
Смѣхири,
Смѣхири
О засмѣйтесь Смѣхачи,
О разсмѣйтесь Смѣхачи!

31 мая 1918 Нижний

Velimir Хлебников.

Рукопись стихотворения «Заклятие смехом».
Третья редакция. 31 мая 1918

<ЗАКЛЯТИЕ СМЕХОМ>

О, рассмейтесь, Смехачи!
О, засмейтесь, Смехачи!
О, рассмейся засмеяльно, смех усмейных смеячей!
О, засмейся усмеяльно, смех рассмейных смеячей!
Смейево, смейево,
Смешики, смешики,
Смеюнчики, смеюнчики,
Усмей,
Осмей,
Смехири,
Смехири.
О, засмейтесь, Смехачи!
О, рассмейтесь, Смехачи!

31 мая 1918.
Нижний

* * *

С журчанием, свистом
Птицы взлетать перестали.
Трепещущим листом
Они не летали.
И, как высокое крыло
Ночного лебедя грозы,
Птица-облако нашло,
Бросая сумрак на низы.
Тянулись таинственно перья
За темным широким крылом.
Беглец науки лицемерья,
Я мраку скакал напролом.

1912

БЕХ

Но та земля забыла смех.
Лишь в чумный месяц всадник несся
И кости бешено кричали: бех! —
Одеты зелению проса.
Растет на гривах и на грязях
Трава полезная при мазях.
И есть рассказ о старых князях:
Когда дед лет был меньше стар,
Здесь дралась русь с гурьбой татар.
Одни устало полегли,
Блестели черные затылки
И холодели взоры пылки.
Остались живы, кто могли.
С вязанкой жалоб и невзгод
Пришел на смену новый год.
И отроки, держа свирели,
К нему таинственно летели,
Про тлен минувшего запели.

1913

<КУРГАН>

Копье татар что грубо трогало,
На землю с тихим стоном клонится.
Но всю страну разграбив догола,
Бежала прочь Сибири конница.

Хранил железный лик Еврея
Курганный воин, умирая.
Молчит земля. Свист суслика, его нора и —
Курганный день идет скорее.

Свинец костей, как примесь Цеппелина,
Несется в небо. В лодке немчик.
И оловом костей забита та долина,
Забит и глаз предсмертный жемчуг.

25 августа 1915

<КУРГАН>

Копье татар чего ни трогало,
Бессильно все на землю клонится.
Раздевши мирных женщин догола,
Бежит в Сибирь Сибири конница.
Курганный воин, умирая,
Сжимал железный лик еврея.
Молчит земля. Свист суслика, нора, и
Курганный день течет скорее.
Свинец костей, как примесь Цеппелина,
Несется в небо, в лодке немчик.
Но костью забита та долина,
И в гробовых ресницах жемчуг.
И вечер вепрем-секачом
Бежит над старою долиной.
И голос, брошенный мечом,
Несется просьбой: чаша, минуй!
И сусличья семья подымет стаю рожиц.
Несется конь, похищенный цыганом.
Лежит суровый запорожец.
Часы столетий над курганом.

1915

* * *

Где зверь напишет кровью:
«Эй! Я юноши тело ем!» —
Там скажет мать: «Дала сынов я!..»
Мы, старцы, рассудим, что делаем.
Правда, что юноши стали дешевле,
Дешевле и снега, бочки воды и телеги углей?
О гнилоокая, косящая стебли,
Сильных рук взмахом играя, наглей!
Старый игрок! Не прогнал тебя никто —
Давно пора — с земного шара!
Хрипло дыша и навек-то
Шагнет за тобой твоя пара.
Хриплая смерть! Твои — Цеппелины!
Ты дышишь гаваной, но вовсе не кури́тся!
В колбочку смерти! И полоний
Откроемте в ней, как Кюри.
Есть овощ золотой на жезле.
Его бери, Башкирцева, и правь!
Ужели надо, чтобы юноши исчезли,
И нами стала мертва явь?
Падают Брянские, растут у Манташева,
Юноши падают, нет уже нашего
Черноглазого короля беседы за ужином.
Он дорог, поймите, он нужен нам.
Кто книжечку издал «Последние песни оленя»,
Продетый кольцом за колени,
Рядом с серебряной шкуркою зайца,
Висит там, где сметана, мясо и яйца.
Мертвые юноши! Мертвые юноши!
По площади плещется стон городов!
Как будто разносчик со связкой дроздов.
Дешевые юноши! Дешевые юноши!

1915

* * *

Пусть нет еще войск матерей,
О, пулеметы [в смерть] из младенцев.
Война завыла матерей,
Царапнули пальцем туши венцев.
Сильней еще горл медных шум мер,
Его не каждому учесть.
И женщины, спеша на тех, кто умер,
Суворовой женщин делают честь.
Последний любовник прикажет вам: пли!
И, жгучий и дерзкий, скользнет по рядам.
И каждая скажет:
Мы, девушки, ползали тускло, как тли,
Теперь же я мать, и материнства
Рукой в морду смерти я дам.
С пулями, пулями детских тел веника
Каждая бросится, дикая, с хохотом,
Ударив по уха бельму современника:
На голос, на писк, на помощь,
на помощь мне, плохо там!
И вот уже третий воскликнет: на нож!
Сразу и тем, и этим пехота!
И тучи утробных младенческих нош
Помчатся на битву, не ведая, кто та.

1915

ПЕН ПАН

У вод я подумал печально о бесе
И о себе,
Над озером сидя на пне,
Со мною беседовал пен пан
И взора холодного жемчуг
Бросал и бросает могуч меж
Ивы
Большой, как и вы.
И много невестнейших вдов вод,
Купавших изящнейший довод,
Преследовал ум мой, как овод.
Но, брезгая, брызгал ум ими.
Мое восклицалося имя.
Шепча, изрицал его воздух.
Сквозь воздух умчаться не худ зов.
Я озеро бил на осколки
И после расспрашивал: сколько?
И мир был прекрасно улыбен.
И ничего сего не было.

1915

<БЕГСТВО ОТ СЕБЯ>

I

Котенку шепчешь: не кусай!
Когда умру, тебе дам крылья!
Кровавит ротик Хокусай.
А взоры — Матери Мурильо.

II

Смотри: «Китайская Мадонна».
(О, теплый дождь могучих взоров,
Всегда прекрасный, чуть суровый!)
Дворцы угрюмого Додона
Письма Наташи Гончаровой.
Вверху созвездий тень укоров.

III

Я хочу слово «черный» писать через «о»,
А вы любите в поле кузнечика.
Разорвано вновь кимоно,
И краснеет прекрасное плечико.

<. . . . . >

VIII

Я запомнил тебя с одоленом
Мертвым и белым на темени,
Чтоб сердце прижалось к коленам,
Волнуясь, как Польша на Немане.

IX

Вы приказывали тогда котенку, чтоб вас величал
Обожаемой дорогой птичкой.
Вы подсказывали другому, чтоб себя величать
Обожаемой дорогой птичкой.

X

Вы уронили обувь нечаянно
И поцелуем были мятежно обуты,
Взглянули вы, как Австрии окраина,
И падали косами черные путы.

XI

Где ученики под дланью ранцев
Склоняют утреннюю юношей силу,
Где почила ты во сне: Румянцев,
Вызови из книг твою могилу.

XII

В чашках древесных
Зеленые желуди.
Со мною вынемте
Жребий новых дней, — дней неизвестных.

1915

* * *

1

Меня не трогают
Ночной шатер, тревог уют,
Ни эти ткани шелка синие,
Ни то, что главы в белом инее.

2

Я коснулся теплым локтем
Влас, друзей ночному ворону.
А мост царапал ногтем
Пехотинца, бежавшего в сторону!

3

Чесала гребнем смерть себя,
Свои могучие власы,
И мошки ненужных жизней
Напрасно хотели ее укусить.

4

Меня не трогают
Простой шатер, тревог уют...
Те, помолчавши, шепчут: няня!
Своим испугом сердце раня.

5

Но вот светлейший... строгий рот.
Гонец усталый у ворот.
Ты сорвала́ цветок, заплакав!
«Очаков пал! У ног Очаков!»

1915

* * *

Я коснулся моим локтем
Теплой гру́ди:
Просыпайся, веселия дочь!
А мост царапал ногтем
Пехотинца, бежавшего прочь.
Этот мост — утонувшие люди.
Чесала гребнем смерть себя,
Свои могучие власы,
И мошки ненужных жизней
Напрасно хотели войну укусить.
Их облако густое
Венок могил устоя.
О, Богатырша!
Волосы ширше и ширше:
Из них я сделаю себе подушку,
Тебя когда-то окорнаю.

1915 1922

* * *

Табун шагов, чугун слонов, ведемте в храмы
Гулкую поступь шагов! Моря́ хоботных тел,
Скачемте вместе, Самы и Самы!
Венок на бабра! повесим сонно.
Горлинок к пушкам снаряды носить заставим.
Иволги будут ковать копье золотое войны.
Много нас, 10 — ничто, друзей единицы!
Похитим коней с Чартомлыцкого блюда.
Ученее волка, первого писаря Русской земли,
Гражданина мира первого, волка
Прославим мертвые резцы коня.
Шеи сломим наречьям, точно галчатам.
                                        Нам наскучило их «га-га-га».
    Буги! вперед!
Наденем намордник вселенной,
                                        чтоб не кусала нас, юношей,
И пойдем около белых и узких борзых.
Лютики выкрасим кровью разбитой руки
                                        о зубы вселенной.
А из Пушкина трупов кумирных —
                                        пушек наделаем сна.

1915

* * *

Сегодня строгою боярыней Бориса Годунова
Проплыли вы, как лебедь в озере.
Я не ожидал от вас иного,
И я забыл прочесть письмо зари.
А помните: вчера русалкою,
Маша́, как серый млин, руками,
Гнались утех русалки,
Поссорив стадо с пастухами?
И те бегут, оторопев,
И, пятясь, дразнят вас: «русалка!»
Плохой пример для сельских дев:
Им суждены кудель и прялка.
А помните: туземною богиней
Смотрели вы умно и горячо,
И косы падали вечерней голубиней
На ваше смуглое плечо?
Ведь это вы сидели в ниве,
Играя полночью на нитях кос.
Ведь это вы, чтоб сделаться красивей,
Покрылись медом — радость ос.
Вы долго смотрели на мой немного измученный лоб
И говорили устало: «Еще расскажите», —
Словарь моих первых зазноб.
Мы вместе сидели на скошенном жите,
Здесь не было «да», но не будет и «но»,
Что было — забыли, что будет — не знаем.
Здесь Божия Матерь мыла рядно,
И голубь садится на темя за чаем.

1916

* * *

Где на олене суровый король
Вышел из сумрака северных зорь,
Где белое, белое — милая боль,
Точно грыз голубя милого хорь.

Где ищет белых мотыльков
Его суровое бревно,
И рядом тёмно молоко —
Так снежен конь. На нем Оно!

Оно струит, как темный мед,
Свои целуемые косы.
На гриве бьется. Кто поймет,
Что здесь живут великороссы?

Ее речными именами
Людей одену голоса я.
Нога качает стременами,
Желтея смугло и босая.

<1916>

О ПРИНЦИПАХ ПОДГОТОВКИ ИЗДАНИЯ

Новое Собрание сочинений Хлебникова отличается от прежнего и единственного Собрания произведений, издававшегося под редакцией Ю.Н.Тынянова и Н.Л.Степанова в 1928—1933 гг., общим планом, значительно большим объемом, включающим как неопубликованные, так и публиковавшиеся ранее, но не входившие в Собрание произведения, и, главное, основными правилами подготовки текстов. В текстологическом отношении оно опирается, хотя и с существенными оговорками, на опыт публикации Неизданных произведений 1940 г., подготовленных Т.С.Грицем и Н.И.Харджиевым.

В Собрание сочинений входят все основные художественные произведения Хлебникова, а также публицистические, научно-философские работы, автобиографические материалы и письма, распределяемые по томам следующим образом:

Том I. Литературная автобиография. Стихотворения 1904—1916 гг.

Том II. Стихотворения 1917—1922 гг.

Том III. Поэмы эпические, лирические и лироэпические.

Том IV. Драматические поэмы. Драмы. Сцены.

Том V. Стихотворения в прозе. Повести, рассказы, очерки. Сверхповести.

Том VI. Воззвания, заявления, предложения. Статьи и заметки. Из записных книжек. Автобиографические материалы. Письма.

В каждом томе, а внутри томов в каждом жанровом отделе сочинения помещаются по возможности в хронологической последовательности. Такое жанрово-хронологическое распределение, принятое в большинстве современных изданий классиков и привычное для читателей, отвечает и краткому плану собрания сочинений, намеченному Хлебниковым в конце жизни, — по всей вероятности, в январе-феврале 1922 г.: «1. Стихи. 2. Поэмы. 3. Пьесы. 4. Рассказы. 5. Статьи[1]». Авторский план, разумеется, потребовал дополнений и уточнений. Прежде всего, в нем не предполагалось издание автобиографических материалов, записных книжек и писем, без чего нынешнее Собрание сочинений обойтись не может, тем более, что все подобные материалы у Хлебникова имеют не бытовой, а поэтический или своеобразный исследовательский характер, по существу очень близкий к его художественному и научному творчеству.

---

[1] В той же рукописи (РГАЛИ) начат список изданий, в которых печатался Хлебников: «1. Садок судей 2. Пощечина <общественному вкусу> 3. <Рыкающий> Парнас. 4. Учитель и ученик», а также перечень «языков», которыми он пользовался: «1. числовой язык, 2. заумный, 3. звездный, 4. звукопись; 5 словотворчество, 6 обыденный, 7 Даль, 8 < > 10. < >».

Что касается стихотворений, то ввиду их значительного количества, по издательским соображениям, они печатаются в двух томах приблизительно равного объема: в первом томе — стихотворения 1904—1916 гг., во втором — стихотворения 1917—1922 гг., что естественно совпадает с рубежом 1917 г., имевшим для поэта важнейшее значение.

В свою очередь и поэмы распределяются по двум томам как по издательским, так и по жанровым соображениям. В третьем томе печатаются поэмы эпические, лирические и лироэпические 1905—1922 гг.

Драматические поэмы 1908—1921 гг. помещаются в особый отдел и входят в четвертый том, объединяющий все драматические произведения. Сближение этих поэм с другими драматическими жанрами оправдано ясно выраженным в них драматическим началом; некоторые поэмы («Лесная тоска», 1919, 1921; «Взлом вселенной», 1921; «Настоящее», 1921) прямо предназначались для сценического представления.

В четвертый том входят также драмы и драматические сцены в стихах и прозе 1908—1922 гг. Отдел *Сцен* в изданиях Хлебникова вводится впервые; это жанровое определение он применял к своим ранним драматическим наброскам 1904—1906 гг.[1], и его распространение на более поздние малые драматические формы не вызывает сомнений. Соотношение между *сценой* и *драмой* приблизительно такое же, как между стихотворением и поэмой. В отдел Сцен включаются и такие вещи, как «Мудрость в силке» (1912), «Ночь в Галиции» (1914), «Призраки» (1915), «Смерть будущего» (1921), печатавшиеся в прежних изданиях в качестве стихотворений, и такие, как «Управда...» (1912), «Лицо чернеет грубое...» (1914—1915), печатавшиеся в качестве прозы.

Пятый том составляет художественная проза — повести, рассказы, а также очерки — преимущественно мемуарного характера. Хлебниковская проза вообще, за немногими исключениями, прямо, косвенно или метафорически — автобиографична, и провести отчетливую границу между чистым художественным вымыслом и автобиографическим повествованием в ней зачастую просто невозможно. Единственным прозаическим жанром, выделяемым с достаточной уверенностью, оказываются *стихотворения в прозе*. Это жанровое определение Хлебников применял к таким вещам, как «Искушение грешника», с которым он вошел в литературу. Отдел Стихотворений в прозе в изданиях Хлебникова также вводится впервые, и в него входят большей частью ранние «словотворческие» и «образотворческие» произведения 1905—1909 гг. («Была тьма...», «Песнь мраков», «Песнь Мирязя» и др.).

---

[1] См.: Зубкова Н.А. Из ранней прозы В.В.Хлебникова (По материалам фонда Отдела рукописей Публичной библиотеки) // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг ГПБ. Л., 1988. С. 173—176

Завершают пятый том произведения нового, собственно хлебниковского жанра, который он назвал *сверхповесть*. Этот жанр, так сказать, второго порядка, включающий в себя самые разнообразные сочинения первого порядка — стихотворения, поэмы, сцены, драмы, рассказы и даже историософские или языковедческие трактаты, как в стихах, так и в прозе, он называл также романом и драмой, а в критике к нему применялись определения и драмы, и поэмы. Но по основному художественному заданию *сверхповесть*, несомненно, является синкретической формой, объединяющей все роды и виды его художественного творчества.

В шестом томе печатаются различные манифесты, воззвания, заявления и другие материалы общественной и литературно-художественной борьбы, в которой Хлебников принимал ближайшее участие. В футуристическом движении декларативные жанры вообще играли исключительную роль, зачастую, вместе с эпатажными выступлениями и выставками, получая «самоценное» художественное значение, как, например, «Курган Святогора» (1908) или «Труба марсиан» (1916). К ним примыкают и хлебниковские *предложения* — своеобразный жанр кратких, нередко также эпатажных или утопических и фантастических «идей», «проектов», «изобретений» из самых разных областей искусства, науки и жизни.

Основной объем шестого тома занимают статьи и заметки 1904—1922 гг., в том числе работы, выходившие отдельными изданиями («Учитель и ученик. О словах, городах и народах», 1912; «Битвы 1915—1917 гг. Новое учение о войне», 1914; «Время мера мира», 1916), охватывающие широкий круг занимавших Хлебникова вопросов — от естествознания, математики и техники до истории, языкознания и эстетики. Их разнообразие при обычной хлебниковской сжатости изложения создает немалые трудности для читателя. Но какое-либо тематическое распределение статей и заметок, скажем, хотя бы по отделам естественно-научного и гуманитарного содержания, что облегчало бы их восприятие, вряд ли возможно, так как хлебниковские исследования строились на разнородных материалах, в которых он искал «единство ладов», то есть общих числовых закономерностей «в природе и обществе». Тематическое деление, будь оно даже осуществимо, противоречило бы самому существу их замысла — объединение наук и искусств. В статье «Голова вселенной. Время в пространстве» (1919) Хлебников писал: «Есть виды нового искусства числовых лубков, творчества, где вдохновенная голова вселенной так, как она повернута к художнику, свободно пишется художником числа; клети и границы отдельных наук не нужны ему· он не ребенок. Проповедуя свободный треугольник трех точек· мир, художник, число, — он пишет ухо или уста вселенной широкой кистью чисел и, совершая свободные удары по научному пространству,

знает, что число служит разуму тем же, чем черный уголь руке художника, а глина и мел — ваятелю, работая числоуглем, объединяя в этом искусстве бывшие до него знания».

В особенности эти положения относятся к главному и обобщающему труду Хлебникова «Доски судьбы», над которым он работал до последних дней и который так и остался незавершенным. Полное издание «Досок судьбы» со всеми подготовительными материалами к ним, составляющими многие сотни страниц сложнейших фактических и математических выкладок, — дело неблизкого будущего. В шестом томе печатаются лишь избранные отрывки из «Досок судьбы», частью опубликованные при жизни автора, частью публикуемые впервые, — наиболее завершенные и доступные для понимания, главным образом общефилософского содержания.

С основными публицистическими и научными работами Хлебникова связаны разнообразные более или менее краткие записи, не предназначавшиеся для печати и извлекаемые из его рабочих тетрадей, разрозненных листов рукописей и некоторых других источников 1903—1922 гг. Они объединяются в отдел Из записных книжек[1] Это замыслы, планы будущих работ, наблюдения, мысли, афоризмы, отклики на события общественной, литературно-художественной, научной жизни, замечания по поводу своих и чужих произведений, надписи к рисункам и портретам современников и т.п.

Завершают шестой том автобиографические материалы: ответы на анкеты, дневниковые записи, которые Хлебников вел в некоторые периоды, отдельные разрозненные заметки о собственной жизни и творчестве, письма.

Ввиду общей неканоничности и сложного переплетения традиционных и новых форм у Хлебникова жанровая классификация его сочинений представляет значительные трудности и в ряде случаев может быть решена лишь весьма условно. Граница между стихом и прозой в его творениях очень подвижна, и потому многие его вещи, в особенности раннего периода, с равными основаниями можно отнести и к стихотворным, и к прозаическим жанрам, тем более что и сам поэт также колебался в их определении. Таков, например, знаменитый хлебниковский «Зверинец» (1909, 1911), в разных изданиях относимый то к стихотворениям, то к поэмам, то к прозе[2] . Поэтому подобные произведения выделяются в отдел Стихотворений в прозе.

---

[1] Начало публикации подобных материалов было положено в кн Записная книжка Велимира Хлебникова Собрал и снабдил примечаниями А Крученых М., 1925

[2] О жанре «Зверинца» см.: Uijterlinde A «Зверинец». проза или поэзия? // Velimir Chlebnikov (1885—1922) Myth and Reality Amsterdam, 1986 P 513—526

Так же неопределенна у Хлебникова граница между стихотворением и поэмой. Между малыми и большими формами у него существуют формы промежуточные, которые можно рассматривать и в качестве больших стихотворений, и в качестве малых поэм. Но, учитывая общую склонность его творчества к большим формам, подобные промежуточные произведения, в которых к тому же явно преобладает повествовательное начало (например, «Мария Вечора», «Алчак», «Сельская очарованность»), естественнее отнести к отделу Поэм[1].

В отборе и подготовке текстов для Собрания сочинений Хлебникова, помимо обычных текстологических проблем, мы сталкиваемся с трудностями двоякого рода. Внешние трудности связаны с тем, что публикации хлебниковских произведений, как прижизненные, так и посмертные, появлявшиеся в большом количестве в различных изданиях 1920—1930-х гг., в том числе в стеклографированных выпусках «Неизданный Хлебников» под редакцией А.Е.Крученых, не могут служить надежной основой для настоящего Собрания сочинений. Единственное исключение, каковым являются Неизданные произведения 1940 г., только подтверждает это положение.

Большей частью издание своих произведений Хлебников поручал друзьям и сподвижникам (В.В.Каменский, М.В.Матюшин, Д.Д. и Н.Д.Бурлюки, А.Е.Крученых, Г.Н.Петников, Н.Н.Асеев и др.) или даже случайным издателям, которые, конечно, никак не в состоянии были проследить за исправностью текстов. Тем более, что сам поэт оставлял им полное право, — как писал он, например, в одном из писем А.Е.Крученых в августе 1912 г., — «вычеркнуть и опустить кое-что и, если вздумается, исправить». К такому сотворчеству привлекались не только литераторы, но и художники. В другом письме А.Е.Крученых, в конце 1913 — начале 1914 г., он предлагал: «Если это не противоречит изд. «Журавль» (М.В.Матюшин, спросите его), то издайте, как вы хотели раньше, ради рисунков Филонова и его выхода в свет как книгописца «Девий Бог» или «Дети Выдры». При этом он (и вы тоже) имеет п р а в о изменять текст по вкусу, с о к р а щ а я, изменяя, давая силу бесцветным местам. Настаиваю. Посмотрим, что из этого выйдет». Этим правом многие пользовались в меру своего понимания или, чаще, непонимания сложностей хлебниковской поэтики, исправляя, сокращая, произвольно составляя части разных произведений в одно, давая им несуществующие названия и вымышленные даты. Маяковский вспоминал: «Мы выбирали из вороха бросаемых им черновиков кажущиеся нам наиболее ценными и сдавали их в печать. Нередко хвост одного наброска приклеивался к посторонней голове, вызывая ве-

[1] О жанровой природе хлебниковского творчества см.. Дуганов Р.В Велимир Хлебников Природа творчества М , 1990. С. 64—66, 133—153.

селое недоумение Хлебникова. К корректуре его нельзя было подпускать — он перечеркивал все, целиком, давая совершенно новый текст Принося вещь для печати, Хлебников обыкновенно прибавлял «Если что не так — переделайте»[1].

Объяснение и частичное оправдание этому можно найти, с одной стороны, в творческой свободе и неистощимости Хлебникова, с другой — в той обстановке «бури и натиска» 1910-х годов, когда наиболее действенным в утверждении нового эстетического движения казалось все то, что нарушало литературные нормы, затрудняло восприятие, все, что «писалось туго и читалось туго, неудобнее смазных сапог или грузовика в гостиной», — как заявляла одна из футуристических деклараций. Нередко такие трудные, «заумные» тексты создавались издателями из вполне «умных» и ясных произведений. Ученикам и последователям Хлебников нужен был прежде всего в черновиках, отрывках, набросках, в которых он, как говорил тот же Маяковский, — «ставил поэтическую задачу, давал способ ее решения, а пользование решением для практических целей — это он предоставлял другим»[2]. Хлебниковские рукописи оказывались общим достоянием, каким-то будетлянским фольклором, издававшимся зачастую без участия и даже без ведома автора[3]. Но такое «отчуждение» Хлебникова было парадоксальным следствием исключительно высокой оценки его творчества. Давид Бурлюк писал издателю сборников «Союз молодежи» Л.И.Жевержееву 4 апреля 1913 г.: «Радуюсь посылкой вам очень редких рукописей гениального Хлебникова... Печатайте их «до точки»... Хлебников требует забот. Его надо собирать. Рукописи его надо хранить. Он требует, как никто, полного издания — досрочного — своих вещей. Это собрание ценностей, важность которых учтена сейчас быть не может» (ИМЛИ).

Во многом так же обстоит дело и с посмертными изданиями Хлебникова, которыми в 1920-е годы занимались его друзья и родственники. И даже когда за издания брались профессиональные филологи (как, например, Г.О.Винокур), подготовка текстов оставляла желать лучшего, так как ни поэтической, ни общефилологической «культуры текста» здесь было недостаточно. Это стало очевидным с изданием Собрания произведений Хлебникова в 5 томах под редакцией Ю.Н.Тынянова и Н.Л.Степанова (надо сказать, что Ю.Н.Тынянову принадлежало лишь

---

[1] Маяковский В.В. Полн. собр. соч в 13 т М., 1959. Т. 12 С 23.

[2] Там же. С. 23—24.

[3] Известен, правда, единственный случай протеста Хлебникова против подобных изданий, причем возмущение его было вызвано главным образом публикацией «раблезианского» стихотворения «Бесконечность» в сб «Затычка» (Херсон, 1913), см. его «Открытое письмо» от 15 февраля 1914 г, при жизни оставшееся, впрочем, неопубликованным

общее наблюдение над изданием, а вся работа над подготовкой текстов и комментированием находилась в ведении Н Л.Степанова). С одной стороны, Собрание произведений стало поворотным событием в литературной судьбе поэта, впервые в убедительной полноте ставшего доступным читателям. С другой стороны, оно все еще невольно продолжало представления о хлебниковском творчестве как о чем-то черновом, незавершенном и хаотическом. Несмотря на заявленное желание редакции «показать Хлебникова «во весь рост», дать его совершенные и законченные произведения, разрушить традиционное представление о нем как об авторе набросков и экспериментов» (СП, I, 307), как раз черновые наброски и отрывки, некритически перепечатанные из прижизненных изданий, попадали в раздел законченных вещей, а вполне законченные беловые тексты, извлеченные из рукописей, оказывались в разделе черновиков. Первоначальный план издания был нарушен, жанровое расположение материала не выдерживалось и хронологическая последовательность не соблюдалась. К тому же большинство произведений, впервые напечатанных по рукописям, было искажено, как и в прижизненных публикациях, неверными транскрипциями, нарушениями композиции, неоправданными конъектурами и т.п. В итоге творческий облик Хлебникова вновь получал незавершенный и спутанный вид, к тому же многократно усложненный самим объемом и авторитетом Собрания произведений.

Большая, первопроходческая работа, проделанная при подготовке Собрания произведений, показала, тем не менее, что неудачи издания коренятся не во внешних трудностях, не в обстановке «неопределенных издательских перспектив» конца 1920-х — начала 1930-х годов (СП, II, 299), а в неопределенности редакционной установки. В последующих изданиях Хлебникова под редакцией Н.Л.Степанова (Избранные стихотворения 1936 г. и два издания в Малой серии «Библиотеки поэта» 1940 и 1960 гг.) текстологическая подготовка, по существу, осталась прежней. Между тем урок Собрания произведений подсказывал, что адекватное издание Хлебникова возможно лишь в результате разработки специальной хлебниковской текстологии, основанной на понимании смысла отдельного произведения и общей художественной и научно-философской мысли поэта в возможно более широком культурном контексте.

Урок этот был учтен при подготовке тома Неизданных произведений 1940 г. Т.С.Грицем и Н.И.Харджиевым. При всех недочетах и небесспорных решениях, неизбежных при работе с материалом такой сложности, том Неизданных произведений явился первым научным изданием Хлебникова. Однако и он не может служить достаточной основой для нового Собрания сочинений, так как включает лишь малую и не

основную часть хлебниковского наследия. Значение его главным образом методологическое. Этим изданием, а также позднейшими исследованиями и публикациями Н.И.Харджиева было положено начало научного подхода к творчеству поэта, выявлены особенности его поэтической системы, и в то же время хлебниковская текстология была введена в русло общей текстологии.

Основой и первоисточником настоящего Собрания сочинений является рукописный архив поэта, сохранившийся, хотя и с большими утратами, в значительной полноте в государственных (РГАЛИ, РНБ, ИРЛИ, ИМЛИ, ГЛМ и др.), а также частных собраниях. Кроме опубликованных произведений, архив содержит большое количество материалов, никогда не публиковавшихся, в том числе автобиографических, публицистических, научных и художественных (в разных редакциях и вариантах). Только издание п о р у к о п и с я м позволяет освободить подлинные тексты поэта от искажений и чуждых наслоений. Что касается печатных материалов, и прижизненных и посмертных, то они могут использоваться во вспомогательных целях и служить источником лишь в тех случаях, когда соответствующие рукописи не сохранились или недоступны для изучения.

Почти все прижизненные публикации и многие тексты пятитомного Собрания произведений, рукописи которых утрачены, имеют более или менее значительные повреждения. В большинстве случаев подлинные тексты могут быть с большой степенью вероятности восстановлены, но в некоторых повреждения настолько значительны, что от включения этих произведений в Собрание сочинений приходится отказаться. Кроме отдельных многочисленных локальных исправлений, в ряде случаев требуются целые реконструкции, в особенности это относится к композиции больших произведений — таких, как, например, пьеса «Чертик», поэма «Ночь в окопе», сверхповесть «Дети Выдры»[1].

Некоторым опытом такого рода критических изданий по рукописям в последние годы были издания Хлебникова, подготовленные Р.В.Дугановым (Ладомир. Элиста, 1985; Стихотворения и поэмы. Волгоград, 1985; Стихотворения, поэмы, драмы, проза. М., 1986; Утес из будущего. Элиста, 1988), В.П.Григорьевым и А.Е.Парнисом (Творения. М., 1986), Р.Врооном (Vroon R. Velimir Xlebnikov's «Krysa». Stanford, 1989).

Однако помимо внешних трудностей, о которых было сказано, подготовка текстов по рукописям связана с гораздо более серьезными внутренними трудностями. Общая установка на публикацию полноценных и законченных текстов требует более широкого и гибкого подхода. Дело в том, что очень часто хлебниковские рукописи, по внешнему виду совер-

---

[1] О возможности реконструкции хлебниковских текстов см.: Дуганов Р.В. Велимир Хлебников. Природа творчества. С. 212—225 и Приложение 2.

шенно черновые, тем не менее, содержат вполне завершенные тексты Таковы его ранние «словотворческие» тетради 1907—1908 гг., таковы его рабочие тетради 1920—1922 гг., в особенности так называемый «Гросбух»[1], заполнявшийся летом — осенью 1921 г. и содержащий основной массив текстов последнего периода. На протяжении всей творческой жизни Хлебников, как правило, перебелял тексты из своих рабочих тетрадей лишь тогда, когда представлялась ближайшая возможность издания. А поскольку такие возможности, особенно в последние годы, выпадали сравнительно редко, множество его готовых произведений, преимущественно мелких стихотворений, так и оставалось в черновом, «непроявленном» состоянии. Потому-то он так охотно предоставлял издателям рабочие тетради, что они содержали, с его точки зрения, полноценные произведения. Мало кто, однако, мог их безошибочно воспроизвести — не столько из-за трудностей чтения, сколько из-за трудностей понимания его эстетики и поэтики. Сейчас, благодаря трудам нескольких поколений исследователей, этот порог понимания можно считать преодолимым.

В поэтической системе Хлебникова, да и других представителей крайних течений нового искусства, отрывочность, незавершенность, вариативность и даже «случайность» приобрели значение одного из важнейших творческих факторов. Как заметил Н.И.Харджиев, Хлебников «ощущал каждую свою словесную конструкцию не как вещь, а как процесс» (НП, 12). И очень часто беловая рукопись вполне законченного произведения, попавшая в поле его внимания, иногда через много лет, вновь перерабатывалась, получая вид черновика, даже «неоконченного». Точно так же он поступал и с текстами опубликованными. В принципе, каждая его вещь как бы чревата дальнейшими изменениями, продолжением, развитием. Иногда произведения создавались в нескольких вполне равноправных вариантах (например, четыре варианта стихотворения «Прамень невинностей мора...», 1907—1908, или четыре варианта стихотворения «Слово о Эль», 1920—1921). Иногда этот процесс растягивался на много лет. Так, к стихотворению «О достоевскиймо идущей тучи...» поэт возвращался на протяжении всей жизни, в 1908, 1912, 1919, 1921 годах, причем каждая новая редакция не отменяла предыдущих, а, как бы продолжая развитие, являла новое «состояние смысла»[2]. Впечатлению незавершенности хлебниковских произведений способствует и язык, изобилующий новыми сло-

[1] Хотя Хлебников в последние годы из-за бумажного голода действительно часто для своих рукописей использовал счетоводные книги, эта тетрадь — альбом для рисования, по всей вероятности, подаренный художником М В.Доброковским, и может быть названа «Гросбухом» только по своей значительности — «большая, главная книга»

[2] Подробнее см Дуганов Р.В. Велимир Хлебников Природа творчества С 95—115

вообразованиями, нелинейными синтаксическими конструкциями, и стих, представляющий собой переменную метрическую систему с нерегулярной рифмовкой или систему свободного стиха с переключениями, как в метрический стих, так и в прозу, нередко в пределах одного произведения. Например, стихотворение «Лунный свет» (1919), начинающееся с напряженной звукописи почти заклинательной стиховой речи, затем резко переходит в «фактологическую» стихопрозу с историческими и астрономическими числовыми выкладками.

Однако при всей изменчивости и внешней незавершенности художественные произведения Хлебникова скрывают высочайшую смысловую организованность, часто доходящую до строгих числовых структур со сложнейшей символикой. Так, стихотворение «Ангелы» (1919) построено на нечетных числах 3 и 9 и связано с числовой символикой «небесной иерархии», а поэма «Суд над старым годом» построена на четных числах 2, 4, 8, что связано с выходом футуристического сборника «Пощечина общественному вкусу» на переломе «благоприятного» 1912 и «неблагоприятного» 1913 гг. Так, поэма «Поэт», в первой редакции носившая название «Карнавал» (1919), содержала ровно 365 строк, по числу дней в году, а «незаконченная» поэма «Труба Гуль-муллы» (1921) состоит из 19 частей — это число, почитающееся священным в некоторых восточных традициях, Хлебников рассматривал как $\sqrt{365}$, считая его одним из основных чисел «солнечного мира»[1]. Поэма «Ночной обыск» (1921) снабжена даже числовым эпиграфом: $3^6 + 3^6$, являющимся формулой исторического периода (между 7 ноября 1917 г. и 7 ноября 1921 г., когда была написана поэма, прошло $3^6 + 3^6 = 1458$ дней) и формулой структуры самой поэмы, время чтения которой составляет 18 минут, что соответствует 1458 ударам сердца читателя. Подобные произведения, где «скрыта разнообразная работа над величинами — игра количеств за сумраком качеств», — как говорил Хлебников о сверхповести «Дети Выдры», наиболее характерны для основного направления его творчества, и в этом отношении его поэтическая система оказывается ближе не к современной ему литературе, а к некоторым направлениям живописи и музыки.

Таким образом, недоработанность, незавершенность, отрывочность в поэтике Хлебникова — не случайность. Это не разрушение литературных условностей и норм, а расширение их пределов, так как внешней незавершенности его текстов отвечает их внутренняя, так сказать, сверхзавершенность, что также не укладывается в обычные литературные нормы. В его системе самостоятельность произведения определяется единством и завершенностью художественной мысли, хотя формально такой

[1] См.: Киктев М.С. О композиции поэмы Хлебникова «Труба Гуль-муллы» // Тезисы докладов III Хлебниковских чтений. Астрахань, 1989

текст может иметь черновой и внешне недоработанный характер. Разумеется, теоретически тут многое еще остается неясным и спорным. Практически же количество подобных крайних и сомнительных случаев сравнительно невелико, и мы достаточно уверенно включаем в основной состав Собрания сочинений, скажем, такие стихотворения, как «Познал я числа...», 1907, или «На родине красивой смерти — Машуке...», 1921, или «Я вышел юношей, один...», 1922, и такие поэмы, как «Лесная тоска», 1919, 1921, или «Труба Гуль-муллы», 1921, 1922, и такую прозу, как «Малиновая шашка», 1921, хотя дошедшие до нас рукописи этих произведений представляют собой недоработанные черновики.

Во всяком случае, и тут остается в силе известное положение Б.В.Томашевского, определяющее основную цель текстологии: «Дать текст, наиболее выражающий художественное задание произведения»[1]. Задача лишь усложняется тем, чтобы произведения, в которых незавершенность и открытость текста входит в их художественное задание, отличить от произведений действительно внутренне незавершенных. Поэтому руководящим понятием в текстологии Хлебникова становится не «беловой», не «окончательный» и тем более никак не «канонический», а с в я з н ы й текст, обладающий образно-смысловым единством и согласованностью всех основных элементов, независимо от характера рукописи.

С этой точки зрения решается и вопрос о соотношении отрывка и целого — в частности, отдельного стихотворения и того же стихотворения в составе поэмы. Дело в том, что Хлебников из больших произведений иногда выделял отрывки в качестве самостоятельных вещей (например, стихотворения «Я видел, бабр сидел у рощи...», 1922; из поэмы «Любовь приходит страшным смерчем...», 1912; «Точит деревья и тихо течет...», 1921; из первой редакции поэмы «Лесная тоска», 1919; «Где море бьется диким неуком...», 1922; из первой редакции поэмы «Уструг Разина», 1921), или включал отдельное стихотворение в поэму (например, «Туда, туда, где Изанаги...», 1919, входит одновременно в поэмы «Ладомир» и «Азы из узы», 1920—1922), или составлял из самостоятельных стихотворений целые поэмы («Война в мышеловке», 1919; «Азы из узы», 1920—1922; «Шествие осеней Пятигорска», 1921; «Труба Гуль-муллы», 1921—1922). При этом, если даже тексты подвергались лишь стилистической правке, их новое, самостоятельное или связанное, положение влекло за собой переосмысление всей структуры произведения, часто очень глубокое. В таких случаях стихотворения печатаются и в качестве самостоятельных вещей, и в составе соответствующей поэмы или сверхповести.

---

[1] Томашевский Б.В Писатель и книга М., 1959 С 175

При наличии разных редакций и вариантов в основной состав каждого жанрового отдела, как правило, помещаются тексты последних редакций. Более ранние относятся к Другим редакциям и вариантам, причем печатаются только те, где переработка охватывает все произведение в целом, а наиболее характерные и существенные разночтения отдельных строк, строф и отрывков приводятся в Примечаниях. Исключения составляют те случаи, когда ранняя редакция тесно связана со временем своего создания или публикации и в таком виде стала литературным фактом (например, вторая редакция «Заклятия смехом», 1909, опубликованная в сб. «Студия импрессионистов», 1910) или когда позднейшие редакции отличаются не бо́льшим «совершенством», а другим «состоянием смысла» (таковы изменения стихотворения «О достоевскиймо идущей тучи...», 1907—1921, или поэмы «Три сестры», 1920—1922).

Даты создания произведений указываются под текстом. Обычно Хлебников почти не датировал свои рукописи, особенно в ранний период, где можно опереться лишь на очень немногие датированные тексты. В последние годы авторских указаний больше, но тут возникают другие сложности, так как, перерабатывая свои вещи, даже через большой промежуток времени, поэт сохранял чаще всего первоначальную дату[1]. Так, многократно возвращаясь в 1919—1922 гг. к стихотворению «Ты же, чей разум стекал, как седой водопад...», Хлебников датировал его временем создания: *7 декабря 1917* или временем первой публикации: *1918*. В таких случаях под текстом указывается авторская дата создания произведения и дата его переработки. В большинстве случаев даты определяются на основании текстологического и филологического анализа, учитывающего различные прямые и косвенные данные, и очень часто остаются весьма предположительными. Такие предположительные даты, в отличие от авторских и твердо установленных, указываются в угловых скобках: <...>. За основу хронологической локализации принимается время создания произведения как связного целого; если в дальнейшем оно подвергалось изменениям, вслед за основной датой приводятся даты переработок.

Авторские примечания, имеющиеся в рукописях и первопечатных источниках, печатаются в основном тексте, другие авторские пояснения, преимущественно общего характера, помещаются в редакционных Примечаниях.

В остальном настоящее Собрание сочинений следует общим текстологическим правилам. Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами, при сохранении некоторых характерных для Хлебникова и его времени особенностей написания, большей частью

[1] До конца 1919 г. Хлебников, за некоторыми исключениями, придерживался старого стиля.

в собственных именах и названиях. Предположительные чтения, необходимые редакционные исправления и дополнения отмечены угловыми скобками Зачеркнутое в рукописи и восстановленное редакцией отмечено прямыми скобками: [...], но лишь в тех случаях, когда зачеркивание не является просто отражением сомнений и колебаний творческого процесса.

В примечаниях к каждому произведению указываются. первая публикация, основной источник текста (которым при отсутствии или недоступности рукописи служит первая публикация), сведения о других редакциях и вариантах, важнейшие исправления и реконструкции текста, обоснования некоторых сложных случаев датировок и т.п. Кроме того, приводятся самые необходимые фактические, исторические, биографические сведения; разъяснения отдельных образов, архаических, областных, жаргонных слов и выражений. Многочисленные неологизмы Хлебникова, как правило, не поясняются, так как, по авторскому замыслу, они требуют читательского сотворчества, и смысл их должен раскрываться в контексте самого произведения. В трудных случаях можно обратиться к «Словарю неологизмов Велимира Хлебникова», составленному Н.Перцовой (Изд.: Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 40. Wien—Moskau, 1995). Свои языковые принципы Хлебников разъяснял во многих статьях и заметках; с современными научными воззрениями на хлебниковское словотворчество можно ознакомиться по работам В.П.Григорьева (Грамматика идиостиля. В.Хлебников. М., 1983; Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М., 1986) и R.Vroon'a (Velimir Xlebnikov's shorter poems: a key to the coinages. Ann Arbor, 1989). Не отмечаются также многочисленные и сложные литературные заимствования и реминисценции, за исключением тех случаев, когда они использованы в качестве материала или исходного текста для данного произведения.

В первом томе Собрания сочинений публикуются, включая другие редакции и варианты, 353 стихотворения, из них 50 — впервые. К сожалению, в том не вошел ряд произведений, рукописи которых находятся в частных собраниях, по разным причинам недоступных для редакции, а также довольно значительное количество текстов из черновых рукописей, не поддающихся пока удовлетворительному чтению.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ТЕКСТОВ И СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ

АРХИВЫ

ГЛМ — Отдел рукописей Государственного литературного музея. Москва.

ГММ — Отдел рукописей Государственного музея В.В.Маяковского. Москва.

ИМЛИ — Отдел рукописей Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Москва.

ИРЛИ — Отдел рукописей Института русской литературы РАН. Санкт-Петербург.

РГАЛИ — Российский Государственный архив литературы и искусства. Москва.

РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Москва.

РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Санкт-Петербург.

ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ

Творения, 1914 — Хлебников В.В. Творения 1906—1908 гг. М. <Херсон>: Изд. «Первого журнала русских футуристов», 1914 <конец 1913>.

Ряв!, 1914 — Хлебников В. Ряв! Перчатки 1908—1914 гг. СПб.: Изд. «ЕУЫ», 1914 <декабрь 1913>.

Изборник, 1914 — Хлебников В. Изборник стихов 1907—1914 гг. СПб.: Изд. «ЕУЫ», 1914 <февраль>.

Ошибка смерти, 1917 — Хлебников В. Ошибка смерти. М. <Харьков>: Изд. «Лирень», 1917 <ноябрь 1916>.

Стихи, 1923 — Хлебников В. Стихи. М., 1923.

Записная книжка, 1925. — Записная книжка Велимира Хлебникова. Собрал и снабдил примечаниями А.Крученых. М.: Изд. «Всероссийского союза поэтов», 1925.

НХ — Неизданный Хлебников. Под ред. А.Крученых. Выпуски I—XXX. М.: Изд. «Группы друзей Хлебникова», 1928—1935.

СП — Собрание произведений Велимира Хлебникова. Под общей ред. Ю.Тынянова и Н.Степанова. Ред. текста Н.Степанова. Л.: Издательство писателей в Ленинграде. Т. I. Поэмы. 1928. Т. II. Творения 1906—1916. 1930. Т. III. Стихотворения 1917—1922. 1931. Т. IV. Проза и драматические произведения. 1930. Т. V. Стихи, проза, записная книжка, письма, дневник. 1933.

ИС, 1936 — Хлебников В Избранные стихотворения. Редакция, биографический очерк и примечания Н.Степанова М.· Советский писатель, 1936.

НП, 1940 — Хлебников В. Неизданные произведения. Поэмы и стихи. Ред. и коммент. Н.Харджиева. Проза. Ред. и коммент. Т. Грица. М.: Художественная литература, 1940.

Творения, 1986 — Хлебников В. Творения. Общая редакция и вступительная статья М.Я.Полякова. Сост., подготовка текста и коммент. В.П.Григорьева и А.Е.Парниса. М.: Советский писатель, 1986.

СБОРНИКИ

Студия импрессионистов, 1910 — Студия импрессионистов. СПб.: Изд. Н.И.Бутковской, 1910 <март>.

Садок судей I, 1910 — Садок судей. СПб.: Изд. «Журавль», 1910 <апрель>.

Мирсконца, 1912 — Крученых А., Хлебников В.В. Мирсконца. М.: Изд. Г.Л.Кузьмина и С.А.Долинского, 1912 <ноябрь>.

Пощечина общественному вкусу, 1913 — Пощечина общественному вкусу. М.: Изд. Г.Л.Кузьмина и С.А.Долинского, 1913 <декабрь 1912>.

Садок судей II, 1913 — Садок судей. СПб.: Изд. «Журавль», 1913 <февраль>.

Требник троих, 1913 — Требник троих. М.: Изд. Г.Л.Кузьмина и С.А.Долинского, 1913 <март>.

Бух лесиный, 1913 — Крученых А., Хлебников В. Бух лесиный. СПб.: Изд. «ЕУЫ», 1913 <май>.

Дохлая луна, 1913 — Дохлая луна. 1-е изд. М. <Каховка>: Изд. «Гилея», 1913 <август>.

Трое, 1913 — Трое. СПб.: Изд. «Журавль», 1913 <сентябрь>.

Молоко кобылиц, 1913 — Молоко кобылиц. М. <Херсон>: Изд. «Гилея», 1914 <декабрь 1913>.

Старинная любовь, 1914 — Крученых А., Хлебников В. Старинная любовь. Бух лесиный. СПб.. Изд. «ЕУЫ», 1914 <январь>.

Тэ ли лэ, 1914 — Крученых А., Хлебников В. Тэ ли лэ. СПб., 1914 <январь>.

Рыкающий Парнас, 1914 — Рыкающий Парнас. СПб.: Изд. К.Л.Пуни, 1914 <январь>.

Первый журнал русских футуристов, 1914 — Первый журнал русских футуристов, № 1—2. М., 1914 <март>.

Взял, 1915 — Взял. Барабан футуристов. Пг.: Изд. О М.Брика, 1915 <декабрь>.

Пета, 1916 — Пета I. М., 1916 <декабрь 1915>.

Четыре птицы, 1916 — Четыре птицы. М.. Изд. К., 1916 <февраль>.

Московские мастера, 1916 — Московские мастера. М.· Изд С.М.Вермеля, 1916 <март>.

Второй сборник Центрифуги, 1916 — Второй сборник Центрифуги. М.: Изд. «Центрифуга», 1916 <апрель>.

Временник I, 1917 — Временник I. М. <Харьков>: Изд. «Лирень», 1917 <конец 1916>.

Северный изборник, 1918 — Северный изборник. М. <Харьков>: Изд. «Лагуны», 1918 <конец 1917>.

День поэзии, 1975 — День поэзии. М.: Советский писатель, 1975.

Хлебниковские чтения, 1991 — Хлебниковские чтения. Материалы конференции 27—29 ноября 1990 г. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. СПб., 1991

Бурлюк, 1994 — Бурлюк Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. СПб.· «Пушкинский фонд», 1994. Приложение: Из рукописей В.З.Хлебникова в Национальной библиотеке.

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые: НХ, VI, 1928. Написано в Москве в апреле 1919 г для однотомного собрания произведений «Все сочиненное Велимиром Хлебниковым», готовившегося в издательстве «ИМО» («Искусство молодых»). Издание не состоялось, так как в июле 1919 г. «ИМО» прекратило существование. См. письма О.М.Брику 23 февраля и 30 апреля 1920 г. из Харькова в Москву. Название для литературной автобиографии — «Свояси» (др.-рус. — свой дом, семья, родина) предложено Р.О.Якобсоном, автором предисловия «Подступы к Хлебникову» и редактором предполагавшегося издания.

«Девий бог» — большая эпическая драма (ее название Хлебников писал также: «Девий-бог» и «Девий Бог»), задуманная в 1908 г., в пору увлечения идеями В.И.Иванова о «славянской античности», написана предположительно в 1911 г. и впервые напечатана в сб. «Пощечина общественному вкусу», 1913; герой ее фантастического сюжета — греческий бог Дионис, являющийся среди славян.

Леуна полаб. — луна; ср. стихотворение «Небязь ворожич — отрок Прауны...» (1907) и примеч. Мнение В.Я.Брюсова в печатных выступлениях не обнаружено.

«Дети Выдры» — сверхповесть, задуманная в 1908 г., написанная в 1911—1913 гг. и впервые напечатанная в сб. «Рыкающий Парнас», 1914; ее сюжет охватывает историю Евразии от «первых дней земного быта» до современности. В планах переиздания «Детей Выдры» Хлебников предполагал включить в сверхповесть и драму «Девий бог», и повесть «Ка».

Парус — имеется в виду специальное значение слова: внутренняя поверхность стен и сводов здания, в храме обычно расписанная; в «Детях Выдры» так обозначены отдельные части сверхповести, в «Зангези» (1920—1922) они обозначены как «плоскости».

«Ка» — повесть, задуманная, вероятно, в 1910—1911 гг., окончательная редакция датирована: *22 февраля — 12 марта 1915 г.*; напечатана в сб. «Московские мастера», 1915. Ее созвучие «Египетским ночам» лишь косвенно связано с «Египетскими ночами» Пушкина (ср. высоко ценимую Хлебниковым «сверхповесть» В.Ф.Одоевского «Русские ночи», а также повесть Ф.М.Достоевского «Белые ночи»); речь идет вообще о «созвучии» мировых культур Севера и Юга, Востока и Запада, о котором он, в частности, писал в «Письме двум японцам» (1916): «Те же мысли об Азии, какие осенили вас умно и внезапно, приходили и нам в голову. Ведь это случается, что на расстоянии начинают звенеть струны, хотя никакой игрок не касался их, но их вызвал таинственный звук, общий им. <...> Ведь мы — современный Египет, по-

скольку можно говорить о переселении душ, а вы часто звучите как Греция древних».

Руковолосое Солнце — изображение солнечного диска с лучами в виде протянутых рук, характерное для египетского искусства эпохи Эхнатона (Аменофиса IV).

«*Вила и леший*» — поэма, написанная в первой половине 1912 г., напечатана в кн. «Ряв!», 1914.

Союз балканской и сарматской художественной мысли... — Имеется в виду мифология и фольклор южных и северных славян, см. с. 496—497.

«*Маркиза Дэзес*» — стихотворная драма, написана осенью 1909 г. в Петербурге в связи с возникновением журн. «Аполлон», впервые напечатана в сб. «Садок судей» I, 1910, переработана предположительно в 1911 г.

«*Чертик*» — драма, с подзаголовком «Петербургская шутка на рождение «Аполлона», написана осенью 1909 г., впервые напечатана в кн. «Творения», 1914.

$\sqrt{--}$ — то есть мнимые величины, получаемые при извлечении квадратного корня из отрицательных величин (чаще Хлебников пользовался выражением $\sqrt{-1}$). На теории мнимых чисел основана эстетика и поэтика Хлебникова. В своей первой декларации «Курган Святогора» (1908) он писал: «...слова суть лишь слышимые числа бытия. Не потому ли высший суд славобича всегда лежал в науке о числах? И не в том ли пролегла грань между былым и идутным, что волим ныне и познания от «древа мнимых чисел»? Полюбив выражения вида $\sqrt{-1}$, которые отвергали прошлое, мы обретаем свободу от вещей. Делаясь шире возможного, мы простираем наш закон над пустотой, то есть не разнотствуем с богом до миротворения». Ср. стихотворения «Познал я числа...» (1907), «Числа» (1911), «Зверь + число» (1915) и примеч.

«*Крымское*» — стихотворение, написано в 1908 г., впервые напечатано в сб. «Садок судей» II, 1913.

«*Кузнечик*» — стихотворение, написано в 1907—1908 гг., впервые напечатано в сб. «Пощечина общественному вкусу», 1913.

«*Бобэоби...*» — стихотворение «Бобэоби пелись губы...», написано, предположительно, в 1908—1909 гг., впервые напечатано в сб. «Пощечина общественному вкусу», 1913.

«*О, рассмейтесь...*» — стихотворение «Заклятие смехом», написано в 1909 г., впервые напечатано в сб. «Студия импрессионистов», 1910.

«*Перевертень*» — стихотворение, написано, предположительно, в 1912 г., впервые напечатано в сб. «Садок судей» II, 1913. Это стихотворение, где каждая строка читается одинаково слева направо и справа налево, Хлебников толковал как бессознательное предчувствие мировой

войны и революции (переворота), которые он в то же время предсказывал в своих историко-числовых исследованиях «законов времени» — «Учитель и ученик» (1912), «Битвы 1915—1917 гг. Новое учение о войне» (1915), «Время мера мира» (1916) и др.

Самовитое слово — самостоятельное, самосущее, свободное, «запредметное» слово, обоснование которого Хлебников находил в теории мнимых чисел; в нем он видел основной смысл и цель чистой поэзии. В заметках, сопровождавших словотворческие опыты 1907—1908 гг., он писал: «Сущность поэзии — это жизнь слова в нем самом, вне истории народа и прошлого народа». Это положение стало центральной идеей футуристического движения, о чем прямо заявляла листовка «Пощечина общественному вкусу», выпущенная вскоре после одноименного сборника: «В.Хлебников, А.Крученых, В.Маяковский, Б.Лившиц, В.Кандинский, Николай Бурлюк и Давид Бурлюк в 1913 году выпустили книгу «Пощечина Общественному Вкусу». Хлебников теперь был не один. Вокруг него сгруппировалась плеяда писателей, кои, если и шли различными путями, были о б ъ е д и н е н ы о д н и м л о з у н г о м: «Долой слово — средство, да здравствует С а м о в и т о е, с а м о ц е н н о е С л о в о!» См. также декларацию «Слово как таковое» (1913), манифест в сб. «Садок судей» II, 1913 и др.

Единицы азбуки — то есть отдельные звуки, «простые имена языка», каждый из которых означает определенный пространственно-космический образ; из таких единиц азбуки, как предполагал Хлебников, может быть построен единый для всего человечества «звездный», или «заумный», то есть природно-космический, язык. См. заметки и статьи «*З* и его околица» (1915), «О простых именах языка» (1916), «Перечень. Азбука ума» (1916), «Художники мира!» (1919), «Наша основа» (1919), а также стихотворения «Пою» (1916), «Слово о Эль» (1920), сверхповесть «Зангези» (1920—1922) и мн. др.

Бурлюк Д.Д. (1882—1967) — художник, поэт, теоретик нового искусства; картина его с таким сюжетом неизвестна.

«*Зверинец*» — стихотворение в прозе, написано в 1909 г. в петербургском зверинце (см. письмо В.И.Иванову 10 июня 1909 г.), впервые напечатано в сб. «Садок судей» I, 1910; в 1911 г. переработано и дополнено, возможно, под впечатлениями от московского зверинца.

«*Госпожа Ленúн*» — монодрама, написана в 1908—1909 гг., впервые напечатана в сб. «Дохлая луна», 1913; ее драматический метод Хлебников называл «дифференциально-аналитическим» (см. письма В.В.Каменскому 10 января и 8 августа 1909 г.).

Законы времени ~ при известии о Цусиме — по-видимому, совмещение двух событий: начала русско-японской войны (гибель броненосца «Петропавловск» 31 марта 1904 г.), когда Хлебников жил в

с. Бурмакино Ярославской губернии, и ее конца (разгром русской эскадры в Цусимском сражении 14—15 мая 1905 г), когда он был в экспедиции на Урале. См. предисловие к «Доскам судьбы» (1922).

Предсказание ~ о крушении государства в 1917 году — Самое раннее упоминание этой даты, которую в черновых записях Хлебников называл «великим узлом, развязанным мной, событий», относится к 1911 г. в работе «Очерк значения чисел и о способах предвидения будущего», оставшейся неизданной. Впервые опубликовано предсказание 1917 г. в книге «Учитель и ученик» (Херсон, май 1912 г.) и перепечатано в сб. «Союз молодежи» (СПб., 1913, № 3), отдельно таблица падения государств под названием «Взор на 1917» с последней датой «Некто 1917» напечатана в сб. «Пощечина общественному вкусу», 1913.

Башкирцева М.К. (1860—1884) — художница, ее дневник на французском языке опубликован в 1887 г., на русском — в 1892, 1904, 1916 гг Хлебников изучал его в начале 1915 г. (см. письмо М.В.Матюшину, апрель 1915 г., и книгу «Время мера мира». Пг., 1916).

Фраунгоферова черта (фраунгоферовы линии) — линии поглощения в спектрах солнца и звезд. По имени немецкого физика Й.Фраунгофера (1787—1826).

Перешел к числовому письму. — Эта идея относится к значительно более раннему времени. Еще в феврале 1914 г. Р.О.Якобсон писал Хлебникову: «Когда я спросил Вас, к чему новому пришли Вы, ответ был — к числу. Знаете, Виктор Владимирович, мне кажутся осуществимыми стихи из чисел. Число — двуострый меч — крайне конкретно и крайне отвлеченно, произвольно и фатально точно, логично и бессмысленно, ограниченно и бесконечно. Извините за риторичность. Вам ведомы числа, а потому, если Вы поэзию числа признаете хотя бы неприемлемым парадоксом, но острым, попытайтесь, пожалуйста, дать мне хоть небольшой образчик таких стихов» (Харджиев Н., Тренин В. Поэтическая культура Маяковского. М., 1970. С. 37). Как сообщалось в сб. «Московские мастера», 1916, с. 99, — «14 ноября <1915 г.> в помещении студии «Башня» состоялась лекция В.Хлебникова на тему «Прошлое, настоящее и будущее языка». Особенно интересным было положение о замене в будущем языка слов цифрой». См. статьи «Голова вселенной. Время в пространстве» (1919), «Наша основа» (1919), а также предисловие к «Доскам судьбы» (1922).

Работаю над дневником. — Сохранилось много заметок и наблюдений Хлебникова над ритмом собственной жизни и творчества, часть которых («Я», «Я и Чосер») он предполагал включить в «Доски судьбы» (1921—1922).

«Странник, ты видел...» (С. 13). — Впервые· НП, 1940.

«На ветке...» (С. 14). — Впервые: День поэзии. М., 1983. Печатается по рукописи (РНБ). Аллегорическая образность стихотворения перекликается со стихотворением в прозе «Песнь мраков» (1905—1906).

«Мирооси данник звездный...» (С. 15). — Впервые: Творения, 1914.

Гробатая явь (С. 17). — Впервые: Творения, 1914. Печатается по рукописи (РГАЛИ). Первоначальное название. «Гробатое поле».

«Познал я числа...» (С. 19). — Впервые: HX, VIII, 1928. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Намеченный здесь образ «живого», «звериного», то есть природного, изначального числа развивается позже во многих произведениях Хлебникова. Ср. в недоработанном наброске 1907 г.: «Я — мнимое число, Я — мнимого прясло...», а также в стихотворениях «Числа» (1911), «Зверь + число» (1915).

Я лесть без смысла... — Здесь *лесть* в значении: прелесть, обольщение. Первый вариант строки: «Я весть без смысла».

Я песнь немизн... — В заметках Хлебников называл числа «рыбьим словом», «рыбьей речью». Ср. стихотворение «Зеленое коло» (1908).

«В умных лесах правен Лесовой...» (С. 20). — Впервые: Творения, 1914, под названием «Поручейное», где последняя строка, по-видимому, искажена: «С нею славен, славен я!» Исправлено по стихотворению «Желанье-смеяние прыщавою стать...» (1908).

«Тебе поем, Родун!..» (С. 21). — Впервые: Творения, 1914, без средней строфы. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«Я ведал: ненарекаемость Бозничего...» (С. 22). — Впервые: Творения, 1914. Печатается по рукописи, содержащей две редакции (РГАЛИ). Первую редакцию, публикуемую впервые, см. на с. 391.

Мировик (С. 23). — Впервые: Творения, 1914

«Быльняк зорецветный...» (С 24) — Впервые: Творения, 1914 Печатается по рукописи (РГАЛИ); на том же листе записано «Мы все былята, дети были».

«И в быви будь меняя на избытость...» (С. 25). — Впервые: Творения, 1914. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Связано со словотворческими разработками от *быть* (ср. запись на том же листе: «рыть — русло, мыть — мусло, быть — бусло»).

«Старуха-веруха за тайной сидит...» (С. 26). — Впервые: Творения, 1914. Печатается по рукописи (РГАЛИ); на том же листе запись: «действо, дей, дельмо».

Инири́ (С. 27). — Впервые: Творения, 1914.

Связано со словотворческими разработками от *иной*.

«Небисте́ли, небисте́ли...» (С. 28). — Впервые: Творения, 1914.

«Мизинич миг...» (С. 29). — Впервые: НХ, VIII, 1928. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«Времяни́н я...» (С. 31). — Впервые: НХ, VIII, 1928. Печатается по рукописи, содержащей две редакции (РГАЛИ). Первую редакцию, публикуемую впервые, см. на с. 392.

Возможно иное чтение строки 9: «И крыльями-слыльями».

«Русалка телом голубым...» (С. 32). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

Рень др.-рус — отмель.

«Плескиня, дева водных дел, радея красоте...» (С. 33). — Впервые: НП, 1940. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«И дева векиня, векиня в веках...» (С. 34). — Впервые: Творения, 1914. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Ср. стихотворение в прозе «А и векыни обитают в веках...» (1907).

Ве́но др.-рус. — выкуп за невесту.

«В зеленейности полей...» (С. 35). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

«Усталость в нозех .» (С. 36). — Впервые НП, 1940. Печатается по рукописи (РГАЛИ)

Связано со словотворческими разработками от *бог* и прозаическими набросками: «Иду в бози, — молвил старец»; «Идет родун-радун с ветхой куделью до плеч, клюкой. Иду в бози, не мешайте мне, друзи»; «В богах нынче скрывается. Одолела ярыжка вездесущая».

Нози церк.-слав. — ноги.

Бози церк.-слав. — боги.

Весь арх. — селение, деревня.

Кудель — волокнистая часть льна или пеньки, приготовленная для пряжи, здесь: волосы.

Ярыжка — низший чин полиции; пьяница, бездельник, мошенник.

«За мыслевом-кружевом...» (С. 37). — Впервые: Творения, 1914, с пропусками. Полностью: НХ, III, 1928. Печатается по рукописи (РГАЛИ). Связано со словотворческими разработками от *мысль* и *туга*. Ср. запись: «Содумий разумных строй. Творческим мыслевом построил мир».

«За порохом-облаком ворог идет...» (С. 38). — Впервые: Творения, 1914. Печатается по рукописи (РГАЛИ), где имеется пояснение: «Красота смены двух подобнозвучных слов, из коих первое — название, второе — образ: город — сполох (стекло и камень)».

Ковы арх. — коварные намерения, злоумышления.

«Огни́вом-сечи́вом высек я мир...» (С. 39). — Впервые: НХ, VIII, 1928. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Ср. в черновом наброске: «Есть красивое слово огниво. Огниво взял в руки и назвал: вселенниво».

«И живностынь старого черепа...» (С 40). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ). Вторую редакцию (1908; впервые· НХ, VII, 1928) и вариант (1913; впервые: Требник троих, 1913) см. на с. 393.

Беред — от *бередить* — причинять беспокойство, тревожить.

«Белостыня снеглых птиц...» (С. 41). — Впервые: НХ, III, 1928. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«Недобростынь вещего взгляда .» (С. 42). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ), где имеется более поздняя

(1908?) заметка «Мы ученики греков. Мы несем неназванную тайну от погибшей Византии»

Дзяды белорус., пол. — деды, предки, духи умерших; обряды поминовений дзядов совершались весной, на мясопустной неделе, и осенью, 28 октября — в день рождения Хлебникова.

«Мого́т подземных..» (С. 43). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

Лесть — см. с. 454

Богу (С. 44). — Впервые: Творения, 1914.

Мы все твоя церк.-слав. — мы все твои.

«Не́яви кроткие ходят...» (С. 45). — Впервые: Хлебниковские чтения, 1991. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Неявь — неологизм, в значении: сонное видение, призрак, невещественный двойник; ср. в повести «Ка» (1915): «Ка ходит из снов в сны и пересекает время»

«Смертире́й беззыбких пляска...» (С. 46). — Впервые: Творения, 1914, отрывок. Полностью: НП, 1940. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Лельный — от *Лель* — в литературной традиции XVIII—XIX вв. славянское божество любви.

«Не́умь, ра́зумь и безу́мь...» (С. 47). — Впервые: Творения, 1914. Печатается по рукописи (РГАЛИ), где отброшено продолжение стихотворения:

Смеи смейные не дали,
Где-то дали трепетали,
Полны смейной красоты,
Полны змейной лепоты.

«Дувь волн холодных моря...» (С. 48). — Впервые: НП, 1940. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«Гульба двух бурь...» (С. 49). — Впервые: Творения, 1914.

«Вьется звонкая чайка в красивой пустыне...» (С. 50). — Впервые: НП, 1940. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«И я свирел в свою свирель...» (С 51). — Впервые· Творения, 1914. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«Небязь ворожич — отрок Праýны..» (С 52) — Впервые. Хлебниковские чтения, 1991. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Праýна — неологизм от *правый* и *леýна* (полабское название луны); см. замечание Хлебникова в литературной автобиографии «Свояси» (1919). Леуну и Прауну Хлебников этимологически связывал с «левый» и «правый», возрождая древнейшие мифологические противопоставления: левый — правый, нижний — верхний, мнимый — истинный и т.п. Ср. в словотворческих записях: «луна — леуна», «реун — ревун», «левый — левизна», «правый звук — левый звук», а также в стихотворных набросках 1907 г. (РГАЛИ):

У мравого стенанья есть левость — леуна́,
У правости земной есть ответный рок — луна.

Я дщерь Леýна, леуна́,
Мной с правдой левда спрядена.
Я — мнимое число.
Я мнимого прясло.
Я отзвук мнимый звуку правому.
Я голос левый звуку истинному.
Я волос левый волосу правому.

Мнои — неологизм от *мнить, мнимый.*

«Гроб леунностей младых...» (С. 53). — Впервые: Первый журнал русских футуристов, 1914. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Первый вариант последней строки: «Я всю жизнь тебя искала».

Леунность — от *леуна*, см. выше.

Водняга (С. 54). — Впервые: Творения, 1914. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«Жилец-бывун не в этом мире...» (С. 55). — Впервые: НП, 1940. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«Жар-бог! Жар-бог!..» (С. 57). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ). Другой вариант, 1907—1908 гг. (впервые: Требник троих, 1913, отрывок; полностью: Творения, 1914), см. на с. 394.

Ср. стихотворения «Там, где жили свиристели...», «Грезирой из камня немот...» (1908) и стихотворение В.И.Иванова «Жарбог» (1906).

«Что у нас?..» (С. 58) — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ) Перед текстом записана словотворческая тема *гублю — люблю*.

«Женун и женун. » (С. 59). — Впервые: Первый журнал русских футуристов, 1914. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Это и следующих два стихотворения связаны со словотворческими разработками корней *жен* и *муж*.

«Мужуния и мужуния...» (С. 60). — Впервые: Первый журнал русских футуристов, 1914. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Ср. концовку стихотворения «Сегодня строгою боярыней Бориса Годунова...» (1916).

«Замужница с замужницей...» (С. 61). — Впервые: НХ, III, 1928. Печатается по рукописи (РГАЛИ)

«Россия забыла напитки..» (С. 62). — Впервые. НП, 1940. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«Тебя пою, мой синий сон...» (С. 63). — Впервые: Требник троих, 1913. Печатается по рукописи (РГАЛИ). Первую редакцию «Гонщик саней...» (впервые: НП, 1940) см. на с. 395.

«Землявых туманов умчался собор...» (С. 64). — Впервые: НП, 1940, не полностью. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«Нéголь сладко-нежной сказки...» (С. 65). — Впервые: НП, 1940. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«Зоры-позоры. Рыды-навзрыды...» (С 67). — Впервые: Требник троих, 1913, строки 1—3. Полностью: НХ, VII, 1928. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«За бóлонью явлений...» (С. 68). — Впервые: Творения, 1914.

Бóлонь др.-рус. — оболочка, внешняя сторона.

«Чайка доли иной...» (С. 69). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

Купава — водяное растение, кувшинка.

«Мирожки делал Бог ..» (С. 70). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

Вера — видимо, сестра поэта Вера Владимировна Хлебникова (1891—1941).

«Поводырем в пустыне грезной...» (С. 71). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

Прамень см. с. 465.

«Моют, моют валуны...» (С. 72). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

«Вырей свирелию воды манит » (С. 73). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ)

Вырей — здесь использованы два значения. южн., укр. — сказочные теплые страны, куда улетают птицы; сев., обл. — колдун, знахарь, ворожея. По толкованию Хлебникова, сопровождающему стихотворение· «Воронкообразное представление о смерти. Юг и воронка, куда все стремится. Омуты птиц, тяга в неизвестное, воронка из явного в тайное». Ср. авторское примеч. к стихотворению «Крымское» (1908).

Ворога в ладьях украшенных... — В древности многие народы, в том числе скандинавы и славяне, хоронили покойников в ладьях.

«В пору, когда в вырей .» (С. 74). — Впервые: Творения, 1914.

Вырей — см. выше.

«Времыши—камыши...» (С. 75). — Впервые: Требник троих, 1913. Две ранние редакции (1907), публикуемые впервые по рукописи (РГАЛИ), см. на с. 397.

К первой редакции.

Веретыще (вретище) церк.-слав — одежда, в особенности траурное платье.

«Умночий и рабочий — два дружные крыла...» (С. 76). — Впервые: НП, 1940. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Вила — в южнославянской мифологии дух гор и водных источников, крылатая дева с распущенными волосами, обладавшая пророческим даром. Ср. поэмы «Вила и леший» (1912), «Лесная тоска» (1919).

Временéль (С. 77). — Впервые Творения, 1914.

Мы — Хлебников связывал местоимение *мы* с существительным *мир*.

Нийний — неологизм, вероятно, от имени западнославянского божества подземного мира Ния.

«Умночий сияний межзвездных..» (С. 79) — Впервые в статье Р.В.Дуганова «Рисунки Хлебникова» (Панорама искусств, № 10. М., 1987). Печатается по рукописи (РГАЛИ)

«Домирное дебло́...» (С. 80). — Впервые: Записная книжка, 1925.

Дебло́ серб.-хорв. — ствол. Ср. в словотворческих разработках. «дебязь, деблязь — дух дебла»; «<дух> браги — брагязь»; «бражог — хаос».

«Праматый вар метает стрелы...» (С. 81). — Впервые: Записная книжка, 1925.

Вар др.-рус. — жар, тепло

«Кто в славобе чародей...» (С. 82). — Впервые: Записная книжка, 1925.

«Видязь видений безликих...» (С. 83). — Впервые· Творения, 1914, под названием «Игралие».

Мо́кошь (Моко́ша) — в восточнославянской мифологии женское божество, связанное со стихией воды и прядением, близкое к греческим мойрам и германским норнам, прядущим нить судьбы.

«Людоши плескошь глухая...» (С. 84). — Впервые: Творения, 1914.

«Я любоч, любимый любаной...» (С. 85). — Впервые· Хлебниковские чтения, 1991. Печатается по рукописи (РГАЛИ)

Стихотворение представляет собой первоначальный текст «симфонии «Любь», по определению Хлебникова, на который в рукописи наслоились дальнейшие разработки от корня *люб* (более 500 словообразований), оставшиеся не оформленными в цельное произведение; под ошибочным названием «Любхо» они были напечатаны Д.Д.Бурлюком в сб. «Дохлая луна», 1913. Об этом также неточно вспоминал В.В.Маяковский в некрологе «В.В.Хлебников» (1922): «Какое убожество по сравнению с ним у Бальмонта, пытавшегося также построить стих на одном слове «любить»:

Любите, любите, любите, любите,
Безумно любите, любите любовь
и т.д.

Тавтология. Убожество слова. И это для сложнейших определений любви! Однажды Хлебников сдал в печать шесть страниц производных от корня «люб». Напечатать нельзя было, т.к. в провинциальной типографии не хватило «Л» (Маяковский В.В. Полн. собр. соч Т. 12. С. 25—26). К словотворческой теме *любь* Хлебников неоднократно возвращался в 1907—1908 гг, но законченного воплощения она не получила. Ср. три редакции стихотворения «Заклятие смехом».

«Не́голи легких дум...» (С. 87). — Впервые. Изборник, 1914, где стихотворение датировано: *1907 г*. Судя по сохранившимся рукописям (РГАЛИ), здесь соединены и переработаны 15 отдельных стихотворений, отрывков и набросков, связанных со словотворческой темой *нега* — *неголь* (в значении невещественного, мнимого существования). Первоначальные варианты некоторых отрывков печатались в «Требнике троих», 1913; «Творениях», 1914 и НХ, VII, 1928.

Вир — водоворт, омут.

Мара — наваждение, греза, мечта

Ковы др.-рус. — обольщение.

Майна — от *маять* — томить, мучить.

Сумный укр. — печальный, сумрачный.

Навий др.-рус. — от *нав* — мертвец, покойник.

«За́зовь...» (С. 90). — Впервые: Садок судей II, 1913. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«Помирал морень, моримый морицей...» (С. 91). — Впервые: Садок судей II, 1913. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«Мы чаруемся и чураемся...» (С. 92). — Впервые: Изборник, 1914.

«Грезирой из камня немот...» (С. 93). — Впервые: Творения, 1914.

Здесь, как и в стихотворении «Неголи легких дум...», соединены переработанные отрывки 1907 — начала 1908 г. Ср. «Жар-бог! Жар-бог!..», «Единотствуя в скачебной паре...» (Творения, 1914).

Купава — см. с. 460.

Черный любирь (С. 95) — Впервые Дохлая луна, 1913.

Мотри простореч. — смотри

Куманка-заманка — возможно, ягода куманика, ежевика.

«Стая ласточек воздушных » (С. 96). — Впервые· Требник троих, 1913

«Мне спойте про девушек чистых...» (С. 97). — Впервые: Требник троих, 1913.

«От Косова я — дружины свой бег...» (С. 98). — Впервые: Требник троих, 1913.

Косово — Косово поле, где 15 июля 1389 г. сербско-боснийские войска во главе с князем Лазарем потерпели поражение от армии турецкого султана Мурада I.

Грюнвальд — деревня в Восточной Пруссии, близ которой 15 июля 1410 г. войска Тевтонского ордена были разбиты польско-литовско-русской армией под командованием великого князя Литовского и короля Польского Владислава II Ягелло.

В статье «О расширении пределов русской словесности» (1913), отмечая «некоторую узость ее очертаний», Хлебников писал: «Великий рубеж 14 и 15 века, где собрались вместе Куликовская, Косовская и Грюнвальдская битвы, совсем не известен ей и ждет своего Пржевальского».

«Вон черная роща и жертвенный камень...» (С. 99). — Впервые: Творения, 1914.

«Лунный свет и белая ограда...» (С. 100). — Впервые: Творения, 1914.

Лада (ладо) — милый, муж.

«Пусть древо водоносное...» (С. 101). — Впервые: Творения, 1914.

Займище — пойменный луг.

И звон воздушных серег Товарища татарина — возможно, имеется в виду клен татарский, иначе сережник, паклен. Ср. примеч. к стихотворению «Па-люди» (1912).

«О достоевскиймо идущей тучи...» (С. 103). — Впервые в кн.: Дуга́нов Р.В. Велимир Хлебников: Природа творчества. М , 1990. С. 107. Печатается по рукописи (ГММ). Последняя строка благодаря своеобразной лигатуре ѣ и і может читаться иначе: «Замирное безмерным полня». В записи на том же листе, предшествующей стихотворению: «белый носит белого начала бельмо», вероятно, имеется в виду Андрей Белый. Связано с разработками слов на -*мо*, например, *людьмо* с пояснением· «следы людей, культура». Ср. в словотворческой прозе 1908 г.: «И Достоевскиймо в лике туманного серого дня».

Вторую редакцию (1912; впервые Мирсконца, 1912, литография Н.Е.Роговина), третью редакцию (1919, впервые в кн Якобсон Р Новейшая русская поэзия. Очерк первый. Велимир Хлебников. Прага, 1921) и четвертую редакцию (1921; печатается по рукописи, РГАЛИ), см. на с. 400.

Стихотворение соотнесено с «Искусством поэзии» (в особенности ср. третью строфу) П.Верлена, которому полемически противопоставлены «собственные имена русской литературы» (выражение А.А.Блока).

Кузнечик (С. 104). — Впервые· Пощечина общественному вкусу, 1913, в подборке «Конь Пржевальского», ор. № 16, без названия. Первую редакцию (1907—1908; впервые: Творения, 1914, с названием; вариант без названия — Старинная любовь, 1914) см. на с. 401.

«Кузнечика» в литературной автобиографии «Свояси» (1919) Хлебников называл в числе самых важных своих стихотворений вместе с «Бобэоби пелись губы...» и «Заклятием смехом». В статье «Разговор Олега и Казимира» (1913) он писал: «Кроме случаев уродства, рука имеет пять пальцев. Не следует ли отсюда, что и самовитое слово должно иметь пять лучей своего звукового строения гривы коня Пржевальского?» — и обращал внимание на то, что в первых четырех строках «Кузнечика» — «от точки до точки 5 *к*, 5 *р*, 5 *л*, 5 *у*. Это закон свободно текущей самовитой речи» (ср. также в черновом наброске статьи «Воин ненаступившего царства...» и в статье «Разговор двух особ», 1913). Вместе с тем в полемической статье «!Будетлянский» (1914) он отмечал: «Крылышкуя...» и т.д. потому прекрасно, что в нем, как в коне Трои, сидит «ушкуй» (разбойник). «Крылышкуя» скрыл ушкуя деревянный конь».

Кузнечик — имеет два значения: насекомое и птица, один из видов синицы.

Зинзивер обл. — синица, камышник, камышовый воробей.

Вера обл. — камыш.

«Желанье-смеяние прыщавою стать...» (С. 105). — Впервые: НП, 1940. Послано в письме В.И.Иванову 31 марта 1908 г. из Казани в Петербург. Печатается по рукописи (РГБ). Первый вариант — 1907 г. (РГАЛИ).

Венити др.-рус. — от *вено*, см. с. 455.

«Снегич узывный, белый и длинный...» (С. 106). — Впервые: НП, 1940. Послано в письме В.И.Иванову 31 марта 1908 г. из Казани в Петербург Печатается по рукописи (РГБ). Первая редакция — 1907 г. (РГАЛИ).

«Смехлые уста смерть протянула целующая » (С. 107) — Впервые. Творения, 1914

«Там, где жили свиристели » (С 109). — Впервые Требник троих, 1913 (строки 1—8). Полностью НП, 1940 (по рукописи, находившейся у Д.Д.Бурлюка). Первая редакция послана в письме В.И.Иванову 31 марта 1908 г. из Казани в Петербург (РГБ).

Вабный обл. — манящий, привлекательный.

В альбоме А.Е Крученых (ГММ) сохранилась надпись к литографированному тексту стихотворения, сделанная Хлебниковым в конце декабря 1921 г.. «Лад строк древней милости».

«Нéгошь белых дней...» (С 110) — Впервые: НП, 1940 Послано в письме В И.Иванову 31 марта 1908 г. из Казани в Петербург. Печатается по рукописи (РГБ).

«И чирия чирков по челу озера...» (С. 111). — Печатается впервые по рукописи (РГБ). Послано в письме В.И.Иванову 31 марта 1908 г. из Казани в Петербург. Ранний вариант 1907 г. впервые: Творения, 1914.

«Любоч бледности уст...» (С 112). — Впервые: НП, 1940. Послано в письме В.И.Иванову 31 марта 1908 г. из Казани в Петербург. Печатается по рукописи (РГБ).

«Прамень невинностей мора...» (С. 113). — Печатается впервые по рукописи (РГБ). Послано в письме В.И.Иванову 31 марта 1908 г. из Казани в Петербург. Первую редакцию (впервые: Требник троих, 1913), вторую и третью (печатаются впервые по рукописи, РГАЛИ), относящиеся к 1907 г., см. на с 402.

Прамень белорус. — луч., ср. *пламень*; по замечанию Хлебникова в словотворческой рукописи 1908 г. (РГАЛИ) — «замена *лъ* на *ръ* изменяет значение на обратное. *Прач — плач*»

Леунность — от *леуна* — см. с. 458.

«Вот струны...» (С. 114). — Впервые: НП, 1940. Послано в письме В.И.Иванову 31 марта 1908 г. из Казани в Петербург. Печатается по рукописи (РГБ).

Вир — см с. 462.

«Я любоч жемчужностей смеха...» (С. 115). — Печатается впервые по рукописи (РГБ). Послано в письме В.И Иванову

31 марта 1908 г. из Казани в Петербург. Ранний вариант 1907 г. (РГАЛИ; впервые: НХ, VII, 1928) см. на с. 399.

Леунность — от *леуна* — см. с. 458.

«Облакини плыли и рыдали...» (С. 116). — Впервые: НП, 1940. Печатается по рукописи (РГБ). Послано в письме В.И.Иванову 31 марта 1908 г. из Казани в Петербург.

«В золоте борона вечера ворон летел...» (С. 117). — Впервые: НП, 1940. Печатается по рукописи (РГБ). Послано в письме В.И.Иванову 31 марта 1908 г. из Казани в Петербург. Ранний вариант — 1907 г. (РГАЛИ).

Борон — возможно, от *броный* др.-рус. — белый, светлый (ср. в др.-чеш. противопоставление *броный* — *вороной*).

Кмет арх. — парень.

«Охотник скрытных долей, я в бор бытий вошел...» (С. 118). — Впервые: НП, 1940. Печатается по рукописи (РГБ). Послано в письме В.И.Иванову 31 марта 1908 г. из Казани в Петербург. Первая редакция (РГАЛИ) впервые: Требник троих, 1913 (строки 3—4), полностью: НХ, VII, 1928.

Навик — см. с. 462.

«Осин серебряные бревна...» (С. 119). — Впервые: Творения, 1914.

Любави́ца (С. 121). — Впервые: Творения, 1914.

Навье — см. с. 462.

«Зеленый леший, бух лесиный...» (С. 123). — Впервые: СП, II, 1930. Печатается по рукописи (РГАЛИ). Ранний вариант: Старннная любовь, 1914.

Бух — неологизм от *быть*; по разъяснению Хлебникова в словотворческой рукописи (РГАЛИ): «Дух — одухотворение дыхания, бух — одухотворение бышания, виновник быти».

Кудель — см. с. 456.

Ср. картину М.А.Врубеля «Пан», 1899 (первое воспроизведение — журн. «Мир искусства», 1901, № 2—3).

«Смугол, темен и изящен...» (С. 124). — Впервые: Творения, 1914, где в третьей строфе, видимо, по типографскому недосмотру,

ошибочно напечатано «Она же играя печаткой < > О сударь с красною перчаткой», а в четвертой строфе пропущена последняя строка, восстановить которую невозможно.

«Стрелок, чей стан был узок ..» (С 125). — Впервые Мирсконца, 1912 (литография Н.Е.Роговина)

Пята — здесь в древнем значении: след, знак

Диана — в римской мифологии богиня растительного и животного плодородия, отождествлялась с греческой богиней-охотницей Артемидой, вооруженной луком и сопровождаемой собаками.

«На просторе между двумя тучами, довольно узком...» (С. 126). — Впервые: НП, 1940.

«Мне видны — Рак, Овен. » (С 127). — Впервые: Изборник, 1914, датировано· *1908 г.*

Рак, Овен — созвездия зодиака, в нашей стране видны осенью.

Крымское (С. 129). — Впервые: Садок судей II, 1913. Печатается по рукописи (РГАЛИ). Это третья редакция стихотворения, написанного в Судаке, где Хлебников жил с матерью, братом Александром и сестрой Верой весной-летом 1908 г. Первую редакцию, печатаемую впервые по рукописи (РГАЛИ), см. на с. 403. Вторая редакция (впервые: Творения, 1986) с подзаголовком «Записи сердца. Вольный размер» была послана В.В.Каменскому 10 января 1909 г. из Святошино, под Киевом, в Петербург для газеты «Луч света», которую тот редактировал: «Посылаю вам 3 вещи («Скифское», «Крымское», «Курган Святогора»). Поместите их? Это меня ободрит. <...> Если примете, напишите тотчас, если нет, пришлите обратно — эти листки мне дороги». Но ни стихотворения, ни декларация «Курган Святогора» напечатаны не были, так как издание прекратилось в январе на втором номере, и рукописи к Хлебникову не вернулись.

В литературной автобиографии «Свояси» (1919) Хлебников подчеркивал, что «Крымское» написано «вольным размером», то есть свободным рифмованным стихом. На ритмо-интонационную новизну стихотворения обращал внимание Д.Д.Бурлюк в своих «Фрагментах из воспоминаний футуриста. 1907—1917». «...уже в этих стихах вполне выявлен ритм — и строй строковый, коим потом блеснул и «всех убил» Владимир Владимирович Маяковский» (С 56)

Вырей — см. с. 460.

Невыразимые — распространенный разговорный эвфемизм — исподнее, подштанники.

В и Д — вероятно, Варвара Ивановна Дамперова (1887—1942), которой Хлебников был увлечен в 1907—1908 гг , сестра Д.И Дамперова (1883—1954), старшего товарища Хлебникова по гимназии и Казанскому университету. См. стихотворение «Ирония встреч» (1913) и примеч.

В и И — возможно, Вера Константиновна Иванова-Шварсалон (1890—1920), падчерица, впоследствии жена В.И.Иванова, с которой Хлебников познакомился в Судаке.

Устенье — камни у стены (примеч. Хлебникова ко второй редакции стихотворения).

Кат южн.-рус. — палач.

Вир — см. с. 462.

К первой редакции.

Орать др.-рус. — пахать.

Дева, Обреченная небу — в греческой мифологии Ифигения, дочь царя Агамемнона, обреченная отцом в жертву богине Артемиде, во время жертвоприношения богиня чудесно заменила Ифигению ланью и перенесла ее в Тавриду (Крым), где сделала жрицей в своем храме Ср. в статье «Памятники...» (1912—1913).

Казенка — винная лавка.

Бучить — вымачивать, белить белье в щелоке.

Подурка обл. — ночная бабочка.

Но мне, с душой женомужа — В философии В.С.Соловьева, глубоко лично переживавшейся Хлебниковым, — «...истинный человек в полноте своей идеальной личности, очевидно, не может быть только мужчиной или только женщиной, а должен стать высшим единством обоих» («Смысл любви», 1892—1894).

«В мигов нечет...» (С. 132) и следующие десять стихотворений, составляющих крымский цикл, впервые: НХ, VII, 1928. «В мигов нечет...», «Я и ты были серы...», «Судак», «Тропочка к морю левее...», «Вечер. Тени...», «Мы в одеждах сомнений...» печатаются по рукописям (ИРЛИ, ИМЛИ). Первоначальный текст второго стихотворения:

Я и ты были сиры, серы...
Возникали пенные женщины из тины.
В них было более истины,
Чем в мире... меры.

Заглавие цикла «Заросли мигов» зачеркнуто, и вместо него позднее вписано: «Крымское юродство». Позднейшей припиской являются также две последние строки в стихотворении «Вечер. Тени . ». Отрывок стихотворения «Облаки казались алыми усами...» и «Мы в одеждах сомнений...» с небольшими изменениями входили в первоначальный текст пьесы «Снежимочка» (1908)

Диана — см с. 467.

Адонис — в греческой мифологии божество, связанное с периодическим умиранием и возрождением природы, возлюбленный Афродиты, гибнущий от дикого кабана, которого из ревности насылает на него Артемида

Опыт жеманного (С. 135). — Впервые: Дохлая луна, 1913, без названия. Перепечатано в Изборнике, 1914, с названием и небольшой правкой.

Виденнéга. — Ср. подпись в письме В.В.Каменскому 10 января 1909 г.: *Словеннега*, а также неологизм *злобеннега* в стихотворении «Равнец! скажи, зачем борель...» (1908).

«Озеро...» (С. 136). — Печатается впервые по рукописи (собрание Вс.Вяч.Иванова).

Коромысло обл. — стрекоза.

Мрежа арх. — сеть.

«Зеленнядины трав...» (С. 137). — Печатается впервые по рукописи (собрание Вс.Вяч.Иванова).

«Любеницы устами касались...» (С. 138). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

Леший на распутьи (С. 139). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

Тать арх. — вор, разбойник.

Надевать обряды волка — то есть оборачиваться волком.

Голко обл. — звонко, шумно, раскатисто.

«И топливом времовые дрова...» (С. 140). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

Ярила — в славянской мифологии божество весеннего плодородия.

«В даль бежит вода...» (С. 141). — Впервые: Хлебниковские чтения, 1991. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«Девически милые речи...» (С. 142). — Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«Ой, небянки-голубки́...» (С. 143). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ)

Голубки́ — растение водосбор, звонки́, колокольцы, павлиньи очи

«Мы все заглянули...» (С 144). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

«Люди склонились над бездной...» (С. 146). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

«Богоокий говор тишин...» (С. 147). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

«Немостынные стены вставали...» (С. 148). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

«Славязи негных дум...» (С. 149). — Впервые: НП, 1940. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«Грёзоль о тайных мирах...» (С. 150). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

Сой серб. — род.

«Немь лукает луком немным...» (С. 151). — Впервые: Требник троих, 1913, первая строфа. Полностью: НП, 1940. Печатается по рукописи (РГАЛИ). Над текстом записано: «Вечер. Утро». Первоначальный вариант третьей строки: «Ночь роняет духам темным». Вариант последней строки: «Улетает в ночь она».

«Самотеча зрящих струй...» (С. 152). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

Зеленое коло (С. 153). — Впервые: Бурлюк, 1994. Печатается по рукописи (РНБ).

Коло южн.-слав. — круг, хоровод.

«Зеловéков венок...» (С. 154). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

Зеловéк — неологизм от *зело* (арх. много) и *век*; ср. *человек*. Ср. также в рукописи недоработанного стихотворения 1908 г. (РГАЛИ):

Студа бесстыдных нег
Убила неголя зари.
Угас невинный маловек,
А хоронили жарири.

«О, сладки туки...» (С. 155). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

В стихотворении, по-видимому, отражены переживания современной действительности 1905—1908 гг. через древнегреческий миф о Минотавре — чудовищном человекобыке, в жертву которому приносились афинские юноши и девушки. Ср. стихотворения «Признание» («Вы помните ивы.. », 1915), «Одинокий лицедей» (1921) и наброски повести «Ка^2» (1917).

Тук арх. — жир, сало.

«Когда был Адам и Ева...» (С. 156). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

Политически актуализированный перифраз известной английской пословицы, исторически восходящей к уравнительной идеологии крестьянского восстания Уотта Тайлера (1381 г.): When Adam delved and Eve spen, Who was then the gentleman? («Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто был господином?»)

«Предательски извивен ящер...» (С. 157). — Впервые: НП, 1940.

«Тает зов...» (С. 158). — Впервые: НП, 1940.

«О, это взор — сощурь...» (С. 159). — Впервые: НП, 1940.

Щур — возможно, здесь: предок, пращур.

Пря арх. — столкновение, распря.

«Кубок сбит из длинных досок...» (С. 160). — Впервые: НП, 1940.

«На кладби́ще...» (С. 161). — Впервые: НП, 1940.

Голубец — могильный памятник в виде сруба под крышей.

«Еще не пойманный во взорах вор ник...» (С. 162). — Впервые: НП, 1940.

«О женщины! О меньший брат...» (С. 163). — Впервые: НП, 1940.

«Мы, воины, во и́ный край уверовав...» (С. 164). — Впервые· НП, 1940.

Сюжет и образы стихотворения связаны с картиной В.И.Сурикова «Покорение Сибири Ермаком» (1895).

Пищаль — старинное тяжелое ружье.

Моряна — ветер с моря.

«Сутконогих табун кобылиц..» (С. 165). — Впервые· НП, 1940.

Ср. в стихотворении в прозе «Простая повесть» (1907—1908): «Ноги, как дни и ночи суток, меняют свое положение».

«Я славлю лет его насилий...» (С 166). — Впервые НП, 1940.

Стерх — белый журавль.

«Я забывал тебя во всяком взоре...» (С. 167). — Впервые: НП, 1940. Строки 13—16 с небольшими изменениями входят в пьесу «Снежимочка» (1908) и декларацию «Курган Святогора» (1908).

Весь — см с. 456.

«В высь весь вас зва́ла...» (С. 168). — Впервые· НП, 1940. Раннюю редакцию 1908 г. (впервые: Литературное обозрение. 1988. № 8) см. на с. 409.

Весь — см. с. 456.

К ранней редакции:

Наслег обл. — ночлег.

Луд (луда) имеет несколько значений: др.-рус. глупость, безумие; оболочка, блеск, белизна; обл. морок, отвод глаз, обман.

Мноеволосый — неологизм от *мнить* и *волосы*; ср. с. 475

«Гроб...» (С. 169). — Впервые НП, 1940.

«Небес хребты...» (С. 170). — Впервые: НХ, VIII, 1928, в качестве трех отдельных стихотворений.

«Из мешка...» (С. 171). — Впервые: НП, 1940.

«И песнь очеретянок..» (С. 172). — Впервые: СП, II, 1930. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Очеретянка — камышовый воробей.

Светля́ — неологизм: *лампа*.

«Осенний ветр листья греб » (С. 173). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

«Печальные белые лели..» (С 174). — Впервые. СП, II, 1930. Печатается по рукописи (РГАЛИ)

Лель — см с. 457.

Ляля — см. с. 518.

Ср. в письме матери 28 ноября 1908 г.: «Петербург действует как добрый сквозняк и все выстуживает. Заморожены и мои славянские чувства».

Казак (С. 175). — Впервые СП, II, 1930. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Тук — см. с. 471; здесь. земля.

«Ты была на шумком сборище..» (С. 177). — Впервые· СП, II, 1930. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«Равнец! скажи, зачем борель ..» (С. 178). — Впервые: СП, II, 1930, не полностью Печатается по рукописи (РГАЛИ). Стихотворение недоработано, поэтому чтение ряда строк и общая композиция предположительны. После строки 20 зачеркнуто.

Где русская мирель?
Отнята нежная свирель.
К устам прислонена борель.
И вот — поет морель.
Ах, люди! какую чашу вы разбили,
Какой любви отняли крылья!

Тематически к стихотворению в рукописи примыкают следующие отрывки:

Россия, бедная Россия!
Тысячелетний гордый сон!
Рассеял дерзкою рассеей
Тот, кто не хочет быть как сын.

Ясновеют па́сти.
Любо смерть, как телицу, пасти́.
Гулко наземь пасти.
Эти истины давно я постиг.

Здесь же имеются словотворческие пояснения Хлебникова: «*буймо* — инстинкт», «*взорваль* — бомба».

В стихотворении речь идет об одном из начальных событий первой русской революции — убийстве московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича 4 февраля 1905 г. на Сенатской площади в Кремле членом боевой организации партии социалистов-рево-

люционеров И.П Каляевым, в том же году повешенным. Ср. стихотворение «И есть ли что мечей поюнней? .» (1908, 1913) и поэму «Немотичей и немичей. » (1908, 1910).

Засулич В.И. (1849—1919) — русская революционерка, в 1878 г покушалась на жизнь петербургского градоначальника Ф.Ф.Трепова, с 1903 г. член РСДРП (меньшевиков).

Голкий — см. с. 469.

Игорь (?—945) — великий князь Киевский, во время сбора дани убитый древлянами, привязавшими его к согнутым деревьям, которые разорвали его тело.

«И есть ли что мечей поюнней?..» (С. 180). — Впервые. Тэ ли лэ, 1914.

Две начальные строки входят в драматическую поэму «Внучка Малуши» (1909). Ср. стихотворение «Равнец! скажи, зачем борель...» (1908) и поэму «Немотичей и немичей.. » (1908, 1910).

Выйный — от *выя* арх. — шея.

«Ноне я, как все...» (С. 181). — Впервые: НП, 1940. Печатается по рукописи (РГАЛИ). Первая редакция, находящаяся на том же листе, печатается впервые на с. 410. Рядом с текстом стихотворения записано: «Пророк».

Кий — палка, посох, шест; в старину применялось наказание «киями».

«Бежит, бежит ко мне мой песнемордый зверь...» (С. 183). — Впервые: СП, II, 1930. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«На площади старого града...» (С. 184). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

Чорная рада южнорус. — народное собрание, сходка. Ср. название романа П.А.Кулиша «Черная рада, хроника 1663 года» (1857).

«Как стоги на вечерних гумнах..» (С. 185). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

«Братья, довольно быть вялыми струнами!..» (С. 186). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

«Пренебрегли для мнимых благ...» (С. 187). — Впервые· СП, II, 1930. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

«Но кто он, око темноты? ..» (С 188). — Впервые. СП, II, 1930. Печатается по рукописи (РГАЛИ)

Веса́ арх — ведома, известна.

«Все озаря ..» (С. 189). — Впервые. СП, II, 1930, без двух начальных строк. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Вои арх. — воины.

«Небо в блистаньях левеет...» (С 190). — Печатается впервые по рукописи (РГАЛИ).

Мноерукий — неологизм от *мнить* и *руки*. Ср. с. 472.

«Когда казак с высокой вышки...» (С. 191). — Впервые: Литературная газета. 1932. 29 июня. Ср. воззвание «Славяне!..» (октябрь 1908) и декларацию «Курган Святогора» (1908).

Боевая (С. 192). — Впервые: Изборник, 1914. В черновой рукописи 1907 г. стихотворение озаглавлено «Песнь Славянская» (РГАЛИ). Первый вариант 1908 г., печатающийся впервые по рукописи (РГАЛИ), см. на с. 411.

Ср. воззвание «Славяне!..» (октябрь 1908).

По́солонь — по ходу солнца, с востока на запад.

Скифское (С. 193). — Впервые: Творения, 1986. Первоначальное название: «Подруга». Седьмая строфа (по нумерации рукописи) зачеркнута:

Его плечо высоко,
Ее нога упруга,
Им не страшна осока,
Их не остановит куга.

Послано в письме В.В.Каменскому 10 января 1909 г. из Святошино, под Киевом, в Петербург вместе со стихотворением «Крымское» (1908) и декларацией «Курган Святогора» (1908); см. с. 467.

Черновые наброски· НХ, XXIV, 1933. Ранняя редакция (впервые· СП, II, 1930, без названия и не полностью) печатается по рукописи (РГАЛИ) на с. 412.

Гуня др.-рус. — верхняя меховая или шерстяная одежда.

Ковы — см. с. 456.

Голкий — см. с. 469.

Куга обл. — осока, тростник.

«К о м у с к а з а т е н ь к и. .» (С. 197). — Впервые: Пощечина общественному вкусу, 1913, в подборке «Конь Пржевальского», ор. № 14.

Топило — топкое место, болото.

«Б о б э о́ б и п е л и с ь г у б ы...» (С. 198). — Впервые: Пощечина общественному вкусу, 1913, в подборке «Конь Пржевальского», ор. № 13.

В письме В.В.Каменскому 8 августа 1909 г. из Святошино, под Киевом, в Пермь Хлебников среди своих «красок и открытий» называл «живописание звуком», несомненно имея в виду это стихотворение. Его же вместе со стихотворениями «Кузнечик» и «Заклятие смехом» в литературной автобиографии «Свояси» (1919) он относил к важнейшим из своих малых произведений.

В заметках начала 1922 г., в связи с докладом искусствоведа А.К.Топоркова, он писал: «Еще Малларме и Бодлер говорили о звуковых соответствиях слова и глаза, слуховых видениях и звуках, у которых есть словарь. <...>*Б* имеет ярко-красный цвет, а потому губы — *бобеоби*; *вееоми* — синий, и потому глаза синие; *пиээо* — черное. Не удивительно, что Топорков недоуменно смеялся, не читая этого, останавливался и смотрел на стихи, как дикий кавказский осел на паровоз, не понимая его смысла и значения». (Здесь следует иметь в виду знаменитый сонет А.Рембо «Гласные», в котором развернута мысль Ш.Бодлера о «соответствиях» между звуками и цветами. См. статью П.Н.Краснова «Что такое декаденты? Сочинения М.Метерлинка и С.Малларме» — «Труд. Вестник литературы и науки». СПб. 1893. № 9.) Тогда же, 12 января 1922 г., Хлебников вписал в альбом Н.Н.Минаева (РГАЛИ) текст этого стихотворения, с небольшими изменениями и без строк 4—5.

Об интересе к синкретическому восприятию, и в частности к цветозвуковым соответствиям, свидетельствуют относящиеся к 1904 г. запись разговора с сестрой Верой о детском цветовом восприятии звуков и заметки «Пусть на могильной плите прочтут...», где, размышляя «о пяти и более чувств», он задавался вопросом: «Пять ликов, их пять, но мало. Отчего не: одно оно, но велико? <...> То есть как треугольник, круг, восьмиугольник суть части плоскости, так и наши слуховые, зрительные, вкусовые, обонятельные ощущения суть части, случайные обмолвки этого одного великого, протяженного многообразия. Оно подняло львиную голову и смотрит на нас, но уста его сомкнуты. <...> есть некоторые величины, независимые переменные, с изменением которых ощущения разных рядов — например, слуховое и зрительное или обонятельное — переходит одно в другое. Так, есть величины, с изменением которых синий цвет василька (я беру чистое ощущение), непрерывно изменяясь, проходя через неведомые нам, людям, области разрыва,

превратится в звук кукования кукушки или в плач ребенка, станет им».

Вероятно, это связано с впечатлениями от «Песни о Гайавате» Г.Лонгфелло в переводе И.А.Бунина (1898)

У дверей сидел малютка,
Слушал тихий ропот сосен,
Слушал тихий плеск прибоя,
Звуки дивных слов и песен
«Минни-вава!» — пели сосны,
«Мэдвэй-ошка!» — пели волны.

В заметках, сопровождавших стихотворения «Звукопись» (1921), он отмечал, что «этот род искусства — питательная среда, из которой может вырасти дерево всемирного языка», и предлагал цвето-звуковой словарик: «*м* — синий цвет, *л* — белый, слоновая кость, *ч* — железный, *б* — красный, рдяный, *з* — золотой, *п* — черный с красным оттенком, *в* — небесно-голубой, голубо-зеленый, *н* — нежно-красных цветов».

Ср. цветовые обозначения азбуки мирового языка в статье «Художники мира!» (1919) и «песни звукописи» в XV плоскости сверхповести «Зангези» (1922).

«Москва! Москва!..» (С. 199). — Впервые: Литературное обозрение. 1988. № 8. Печатается по рукописи (РГАЛИ). Написано в последних числах декабря 1908 г. или в январе 1909 г.

В письме матери 28 декабря 1908 г. из Москвы в Одессу он писал: «Сегодня осматривал Кремль. Завтра Третьяковская галерея и мн. др. <...> Я удивился, найдя в общем московском облике какое-то благородство и достоинство. Москва — первый город, который победил и завоевал меня». Ср. стихотворение «Вы помните о городе, обиженном в чуде...» (1909).

Ю церк.-слав. — ее

«Вы помните о городе, обиженном в чуде...» (С. 200). — Впервые: Творения, 1914, с пометой: «Отрывок». Написано в начале 1909 г.

Ср. стихотворение «Москва! Москва!..».

Различные легенды о возникновении Москвы так или иначе связывают ее основание с кровавыми событиями. См. Повести о начале Москвы. М.-Л., 1964.

Чудь др.-рус. — общее название финских племен; одно из объяснений названия реки и города Москвы на языке коми — Коровий брод.

Кат — см. с. 468.

Кучка Степан Иванович — по одной из легенд, в середине XII в.

убит суздальским князем Юрием Долгоруким, захватившим его земли и основавшим Москву. По воспоминаниям проф. В Я Анфимова, при психиатрическом обследовании у Хлебникова была отмечена «опосредованная ассоциация» к слову Москва: «мстить» (место казни Кучки)» (В.Хлебников в 1919 году // Труды 3-й Краснодарской клинической городской больницы. Вып. 1 Краснодар, 1935).

«Могилы вольности Каргéбиль и Гуниб...» (С. 202). — Впервые: сб. «Часы» 1. Пг., 1923. Подарено М.А.Кузмину с посвящением: «Вам», напечатанным в первой публикации в качестве заглавия. Датировано: *16 сентября 1909 г.* В дневнике М.А.Кузмина (РГАЛИ) отмечены встречи с Хлебниковым. «*10 сентября 1909.* Был Ауслендер и Хлебников, последний ничего себе, хотя, конечно, несколько полоумный. <...> Хлебников невероятная размазня. <...> *12 сентября 1909.* Пришел Хлебников, увел его к себе. Он читал стихи; говорят, что я ему покровительствую, но в его вещах есть что-то яркое и небывалое. <...> *14 сентября 1909.* У нас был Хлебников. <...> *17 сентября.* Пришли Модест <Гофман> и Хлебников. Модеста цукали, второго оставили мне, как protegé. <...> *20 сентября 1909.* Приехал Хлебников ко мне, но Вяч. Иванов взял его к себе, приплелся и я туда. Читал свои вещи гениально-сумасшедшие». — Михаил Кузмин и русская культура XX века. Л., 1990. С. 156—165. Ср. письма Хлебникова к родным сентября 1909 г.

В стихотворении отразились впечатления Хлебникова от Северного Кавказа, где он был во второй половине августа — начале сентября 1909 г. Ср. стихотворения в прозе «Суровая прелесть гор...» (1909) и «Это было старое озеро...» (1911).

Каргéбиль (Гергебиль) *и Гуниб* — аулы в Дагестане; в Гунибе 29 августа 1859 г. сдался царским войскам имам Дагестана и Чечни Шамиль (1799—1871).

Гольцы — голые вершины, утесы.

«*Записки Кушетки*» (правильно: «Кушетка тети Сони»), «*Нежный Иосиф*», «*Подвиги Александра*» (правильно: «Подвиги Великого Александра») — прозаические произведения М.А.Кузмина.

Искандр — восточное произношение имени Александра Македонского (ср. поэму Низами «Искандер-наме», 1203).

«Меня окружали степь, цветы, ревучие верблюды...» (С. 205). — Впервые: Записная книжка, 1925, строки 1—8. Полностью. День поэзии, 1975. В рукописи этому наброску начала автобиографической повести в стихах предшествуют запись: «Заседания общества изучения моей жизни» и вступление:

Судьи, вы изумленно остановились: кто я?
Покой смущен, не знает совесть.
Я предлагаю вашему вниманию повесть.
Чтоб вольные карать или оправдать, вы выбрали любое.

Речь в наброске идет о раннем детстве поэта, проведенном в Калмыцкой степи, где отец его служил попечителем Малодербетовского улуса.

Последняя строфа с небольшими изменениями вошла во вторую редакцию пьесы «Маркиза Дэзес» (1909, 1911) и в драматическую поэму «Любовь приходит страшным смерчем...» (1912).

«Я не знаю, Земля кружится или нет...» (С. 206). — Впервые: Литературная газета. 1985. 13 ноября. В рукописи помечено: «№ 6».

«Город, где люди прячутся от безумия...» (С. 208). — Впервые: Бурлюк, 1994. Печатается по рукописи (РНБ), где имеются крайне неразборчивые наброски продолжения. Ср. сходные мотивы в пьесе «Чертик» (1909) и поэме «Гибель Атлантиды» (1913). Ряд мотивов стихотворения связан с романом В.Ф.Одоевского «Русские ночи» и книгой Ф.Ницше «Так говорил Заратустра».

Заклятие смехом (С. 209). — Впервые: Студия импрессионистов, 1910. Первую редакцию 1907—1908 гг. «Времири смеющиеся» (впервые: Творения, 1914, под ошибочным названием «Сопряжение корней») см. на с. 415. Позднейший вариант 1918 г. печатается впервые по рукописи (частное собрание), с. 417. Послано Д.П.Штеренбергу в Петроград из Нижнего Новгорода вместе со сб. «Без муз» с надписью на обложке: «Давиду Штеренбергу — человеку и художнику — Велимир Хлебников — нежнейше».

Об обстоятельствах публикации стихотворения вспоминал Д.Д.Бурлюк, рассказывая, как в феврале 1910 г. в Петербурге он решил перевезти Хлебникова из Волковой деревни, где тот жил, к себе на Каменноостровский проспект: «Был чемоданчик и мешок, который Витя вытащил из-под кровати: наволочка, набитая скомканными бумажками, обрывками тетрадей, листками бумаги или просто углами листов. «Рукописи...» — пробормотал Витя. Когда совсем уже уходили, я увидел у двери бумажку на полу и поднял ее, на ней начисто было переписано: «О, засмейтесь, смехачи...» <...> Позже, в полной общей тетрадке рукописей Велимира Владимировича Хлебникова, я нашел «черновик» этого ударного, исторического по значимости стихотворения. Черновик мной целиком был напечатан в «Творениях». <...> Подобранная же мной рукопись беловая «Смехачи» была оттиснута в «Студии импрессионистов»

<...> «Смехачи» были последние, что всунули уже в готовый набор» (Бурлюк, 1994. С. 53).

Хлебников в литературной автобиографии «Свояси» (1919) относил «Заклятие смехом» к важнейшим своим малым произведениям, вместе с «Кузнечиком» и «Бобэоби пелись губы...», неоднократно упоминал в анкетах и автобиографических заметках, воззваниях, художественной прозе, например, в «Это было старое озеро...» (1911), в повести «Ка» (1915) и, особенно интересно, в записках «Три Веры», относящихся к осени 1915 г. «Семилетний мальчик, сыненок знакомых, читал «О, рассмейтесь! смехачи...» Мы с ним беседовали и чувствовали себя заговорщиками среди взрослых».

В письме В.В.Каменскому 8 августа 1909 г. из Святошино, под Киевом, в Пермь среди своих «красок и открытий» он называл «право пользования вновь созданными словами» и «писание словами одного корня». Отсюда следовало одно из основных положений будетлянства: «Отныне произведение могло состоять из о д н о г о с л о в а, и лишь умелым изменением его достигалась полнота и выразительность художественного образа» (К р у ч е н ы х А., Х л е б н и к о в В. Слово как таковое. СПб., 1913). В десятые годы «Заклятие смехом» стало самым известным произведением Хлебникова, причем в общественно-литературной полемике «смехачи» получили обратимый смысл. с одной стороны, это сами будетляне, с другой — их противники, осмеивавшие новое искусство. Как писал К.Чуковский в статье «Эго-футуристы и кубо-футуристы», «смехачи, действительно, смеялись, но, помню, я читал и хвалил. И ведь действительно прелесть. Как щедра и чарующе сладостна наша славянская речь! <...> ведь это революция, хартия вольности, ведь за одну эту строку, за единственную, я бы автору сейчас поставил памятник и на памятнике приказал бы начертать: Виктору Хлебникову. Первому освободителю стиха» (Альм. «Шиповник». Кн. 22. СПб , 1914. С. 127).

П о г о н щ и к с к о т а, с о ж р а н н ы й и м (С. 210). — Впервые: Творения, 1914, с подзаголовком. «Отрывок из сгоревшей». Написано предположительно в 1909—1910 гг.

Лéгот (лéготь, легóта) обл. — легкость, простор, свобода, легкий ветер — ср. в стихотворении «Слово о Эль» (1920).

«Б ы л и в е щ и с л и ш к о м с и н и ..» (С. 212). — Впервые: Творения, 1914, с многочисленными опечатками и изъятиями цензурного характера, сделанными Д.Д.Бурлюком Печатается по СП, II, 1930, где текст восстановлен по экземпляру Творений, 1914, выправленному Хлебниковым в конце декабря 1921 г. Как отмечено в редакционном предисловии НП, 1940, с. 17, «в строке 18 одно слово, рифмующееся со

словом *уста*, Хлебниковым восстановлено не было. Правильное чтение, подсказываемое смыслом, размером и рифмой: «Перун толкнул разгневанно Христа». Написано в 1909—1910 гг. в связи с пятилетием русско-японской войны.

«Ослябя» — флагманский корабль русской эскадры, первым затонувший во время Цусимского сражения с японским флотом 14—15 мая ст. стиля 1905 г. в Корейском проливе. В предисловии к «Доскам судьбы» Хлебников вспоминал «Первое решение искать законов времени явилось на другой день после Цусимы <...> Я хотел найти оправдание смертям» (1922).

Емлить (емати) др.-рус. — брать.

Рота др.-рус. — дружина, братство.

Перун — верховное божество в славянской мифологии, бог грома и грозы, покровитель княжеской дружины.

Ниппон — самоназвание Японии.

Борей — в греческой мифологии бог северного ветра, в русской поэтической традиции XVIII — начала XIX в. — символ русского государства.

Лекарство от зубной боли — распространенное японское обезболивающее средство сэнсэн, в состав которого входит крысиный помет.

Перуну (С. 215). — Впервые: Изборник, 1914, приложение под названием «Из книги «Деревянные идолы» (включавшее также драматическую сцену «Ночь в Галиции»), литографированное П.Н.Филоновым. По воспоминаниям издателя Изборника, 1914 А.Е.Крученых, «это удивительные рисунки, графические шедевры, но самое интересное в них — полное совпадение — тематическое и техническое — с произведениями и даже рисунками самого В.Хлебникова» («Наш выход». М., 1996. С. 77). Ср. стихотворение «Воин морщинистолобый...» (1917).

Написано, вероятно, в 1909—1910 гг. в связи с пятилетием русско-японской войны.

Идол Перуна был сброшен в Днепр при крещении киевлян в 988 г. князем Владимиром. Ср. в «Повести временных лет»: «Вчера еще был чтим людьми, а сегодня поругаем. Когда влекли Перуна по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные, так как не приняли еще они святого крещения. И, притащив, кинули его в Днепр. И приставил Владимир к нему людей, сказав им: «Если пристанет где к берегу, отпихивайте его». И когда пустили Перуна и прошел он пороги, выбросило его ветром на отмель, и оттого прослыло место то Перунья отмель...»

Ячанье — крик лебедей; стон, жалоба. Ср. заключительную сцену повести Гоголя «Тарас Бульба», с которой эмоционально, образно и лексически перекликается стихотворение.

Цусима — см. с. 481.

Рень др.-рус. — отмель (в «Повести временных лет» — «Перуня Рень»).

Снём др.-рус. — сонм, собрание, множество.

Рогнеда — жена киевского князя Владимира.

Ты знаешь: путь изменит пря — здесь *пря* арх. — парус.

Когда желтой и белой силы пря — здесь *пря* арх. — столкновение, распря.

Уне др.-рус. — лучшее, предпочтительное.

Навье — см. с. 462.

Перунепр — неологизм от *Перун* и *Днепр*. Ср. подобные словообразования в статье «Наша основа» (1919).

Памятник (С. 216). — Впервые: Пощечина общественному вкусу, 1913, с цензурными изъятиями, касающимися темы памятника Александру III. Печатается по СП, II, 1930, где использован список Б.К.Лившица, сделанный в конце 1911 г. с рукописи Хлебникова. В сохранившемся первоначальном тексте стихотворения строка 119 читается так: «И пленному царю на площади тесно и узко» (частное собрание; см.: НП, 1940, с. 16). Однако не исключено, что от прямого упоминания царя в окончательном тексте отказался сам автор.

Написано в конце 1909 — начале 1910 г. Пятилетие русско-японской войны в стихотворении связывается с установкой осенью 1909 г. конной статуи Александра III работы П.П.Трубецкого (1866—1938) на Знаменской площади (у Московского вокзала) в Петербурге (в сер. 1920-х г.г. скульптура перенесена во двор Русского музея). На это событие отозвались многие деятели русской культуры, в том числе В.В.Розанов, А.Н.Бенуа, И.Е.Репин, причем последний в ноябре 1909 г. писал о тяжеловесной силе памятника, которая придает ему обличительный смысл (см.: Очерки по истории Ленинграда. Л., 1956. Т. 3. С. 884). Перекличка стихотворения с поэмой Пушкина «Медный всадник» задана и тем, что памятники Петру I и Александру III стояли на двух концах главной оси Петербурга — Невского проспекта.

Межавый — вероятно, от *межа* — пограничный, соседний.

Отзвездник — значение слова неясно.

Молокане — члены религиозной секты, уходившие от преследований в отдаленные края страны.

Душегубка обл. — долбленая лодка.

Брусь др.-рус. — каменная булава, знак военачалия.

Олуши — морские птицы.

Пищаль — здесь, видимо, надо иметь в виду два значения: старинная пушка и музыкальный инструмент — свирель, сопелка.

Таль др -рус — залог, заложник.

Молниепутная цка — вероятно, трамвайные пути, *цка* др -рус. — полотно.

Медеж — значение слова неясно.

Трущобы (С. 219). — Впервые: Студия импрессионистов, 1910, без названия, с пометой: «ор. 1». Перепечатано в Изборнике, 1914, с названием и авторским примечанием.

Написано, по-видимому, в начале 1910 г. при разрыве с кругом петербургских символистов и редакцией журнала «Аполлон», отказавшейся от публикации произведений Хлебникова, несмотря на сочувственное отношение к нему М.А.Кузмина, В.И.Иванова и некоторых членов «молодой редакции». Ср. в письме родным 30 декабря 1909 г. из Петербурга в Лубны· «Кто-то сказал, что у меня есть строки гениальные, кто-то [В.Иванов], что в моей груди Львиное сердце», а также в письме отцу от конца января 1910 г.: «В «Академии стиха» две недели не был. Я собираюсь воскреснуть из своего пепла». Смысл стихотворения, несомненно, гораздо шире личных переживаний, что подтверждается примечанием 1914 г.

Трущобы — непроходимый лес, гиблое место. Ср. в «Напутном слове» В.И.Даля к «Толковому словарю живого великорусского языка» (1862): «...переворот предстоит ныне нашему родному языку. Мы начинаем догадываться, что нас завели в трущобу, что надо выбираться из нее по-здоровому и проложить себе иной путь».

«О, город — сон, преданье самодержца...» (С. 220). — Впервые: НП, 1940. Записано на об. листа с первоначальным текстом поэмы «Лесная дева» (1911).

Стихотворение развивает характерные мотивы «петербургского мифа» русского искусства и литературы, от Пушкина, Гоголя и Достоевского до Блока и Андрея Белого, — город-сновидение, город-призрак, проклятый и обреченный гибели. «В истории Петербурга одно явление природы приобрело особое значение, придавшее петербургскому мифу совершенно исключительный интерес. Периодически повторяющиеся наводнения, напор гневного моря на дерзновенно возникший город, возвещаемый населению в глубокие осенние ночи пушечной пальбой, вызывал образы древних мифов. Хаос стремился поглотить сотворенный мир» (Анциферов Н.П. Быль и миф Петербурга. Пг., 1924).

И два египетских кумира — каменные сфинксы из древнеегипетских Фив, установленные в 1834 г. на Университетской набережной (архитектор К.Тон) против здания Академии художеств. Ср. Сфинксов в пьесе «Чертик» (1909), а также в стихотворениях В.И.Иванова «Сфинксы над Невой» (1907), В.Я.Брюсова «Александрийский столп» (1909).

«Мы сюда приходили, как нежные боги...» (С. 222). — Впервые· НП, 1940.

Зараза — от арх. *зарáзити* — ударить, убить.

Шестопёр — «это оружие подобное палице, но снабженное железными или каменными зубцами» (примеч. Хлебникова к поэме «И и Э», 1911).

Сон лихача (С. 223). — Впервые. НП, 1940.

Бабурка обл. — бабочка, мотылек.

«...И она ответила тихо...» (С. 224). — Впервые: НП, 1940 (с указанием утраты начала рукописи). Рядом со строками 8—19 вписано:

Здесь власти летали и лели
Над страстью сожженными устами,
И ноги женские голели
Под сумасшедшими изгнанника перстами.

Табор, где жажды
Собрались и просят,
Луга огней заженных два<жды>
Словами он холод<ными> косит.

Стихотворение связано, вероятно, с замыслом сверхповести «Дети Выдры» (1911—1913), где сюжет развертывается как «разные судьбы двоих на протяжении веков», в данном случае — земная «дева Украины» и «небоизгнанник», то есть Люцифер, или Демон.

Каменка — птица.

Вила — см. с. 461.

Крин — лилия.

Здесь власти летали и лели — совмещение библейских и славянских языческих «небесных существ»: *власти* — один из «чинов ангельских» второй триады (Господства, Силы, Власти); *лели* — см. с. 457.

«Как черное облако, как туча грозы...» (С. 226). — Впервые: НП, 1940.

«Как два согнутые кинжала...» (С. 227). — Впервые: НП, 1940.

Руб др.-рус. — ветхая одежда; здесь, напротив, в значении: богатая, нарядная одежда.

«Мечтатель, изгнанник рыдал...» (С. 228). — Впервые: НП, 1940. В рукописи рядом с текстом имеется еще одна, возможно, связанная с ним, строфа:

О пуля! Отлил тебя кузнец,
Придумал мыслитель,
И ты ведешь конец
В грудную обитель.

Акатуй — каторжная тюрьма в Забайкалье.

«Семь холодных синих борозд...» (С. 229). — Впервые: НП, 1940. В черновике стихотворения содержится еще одна строфа, не включенная в окончательный текст:

Исчезло прежнее величье
В ее глазах воздетых.
И сердце вновь дрожит девичье
От страстных снов раздетых.

«О, эти камня серого чертоги...» (С. 230). — Впервые: НП, 1940.

Ладо — см. с. 463.

«На острове Э́зеле...» (С. 233). — Впервые: Пощечина общественному вкусу, 1913, в подборке «Конь Пржевальского», ор. № 15.

Эзель — остров в Балтийском море, ныне Сааремаа (Эстония).

В предгорьях Амура Крылья Амура — ср. в «Свояси»: «Сказания орочей, древнего амурского племени <...>»; миф о кровосмешении в рассказе «Око́. Орочонская повесть» (1912). См. примеч. к стихотворению «Пламёна...».

«Чудовище — жилец вершин...» (С. 234). — Впервые: Пощечина общественному вкусу, 1913, в подборке «Конь Пржевальского», ор. № 18.

Ср. тот же сюжет об обезьяне и девушке с кувшином в драматических набросках «Абиссиния. Обезьяний царь...» (1911), «Лицо чернеет грубое...» (1914—1915) и в главе 8 повести «Ка» (1915).

«Гуляет ветренный кистень...» (С. 235). — Впервые: Пощечина общественному вкусу, 1913, в подборке «Конь Пржевальского», ор. № 19.

Кистень — старинное оружие в виде короткой палки с подвешенным к ней на ремне или цепи металлическим шаром.

«Полно, сивка, видно, тра...» (С. 236). — Впервые: Пощечина общественному вкусу, 1913, в подборке «Конь Пржевальского», ошибочно слито со стихотворением «Кому сказатеньки...».

Тра — неологизм, по разъяснению Хлебникова. «*Тра* — должно, я должен. Грустный долг. *Траум* — ум долга» («Вступительный словарик односложных слов», 1915).

Алфёрово (С. 237). — Впервые. Молоко кобылиц, 1914.

Алфёрово (Алферьево) — усадьба в Курмышском уезде Симбирской губернии (ныне Сеченовский район Нижегородской области), где Хлебников жил у родителей в конце 1910 — первой половине 1911 г.

Гуниб — см. с. 479.

Бобыль обл. — конь чисто белой масти.

Горят дворцы и хутора. — Речь идет о поджогах помещичьих усадеб во время так называемых «аграрных беспорядков».

Числа (С. 239). — Впервые: Дохлая луна, 1913. Перепечатано с небольшой правкой в Изборнике, 1914.

В письме брату Александру 25 февраля 1911 г. из Алфёрова в Москву Хлебников сообщал: «Я усердно занимаюсь числами и нашел довольно много законностей. Я однако собираюсь довести до конца, пока не отвечу, почему так это все происходит». Судя по приводимым таблицам исторических дат, его интересовали закономерности исторических событий в связи с общемировыми ритмами. В письме М.В.Матюшину в Петербург в апреле того же года он писал уже более определенно: «Все время я работаю над числами и судьбами народов, как зависимыми переменными чисел, и сделал некоторые шаги». В черновых записях к работе «Очерк значения чисел и о способах предвидения будущего», относящейся к тому же времени, он говорит о своем стремлении понять «язык богов, которые пользуются числами математики», и, в частности, предсказывает великие потрясения в «не столь отдаленные 1917—1919 годы» (РГАЛИ, РНБ).

Отсюда переклички стихотворения с Откровением Иоанна Богослова, к символике которого восходит хлебниковский образ «звериного числа» (ср. стихотворения «Познал я числа...», 1907 и «Зверь + число», 1915), и с пушкинским «Пророком» («Мои сейчас вещеобразно разверзлися зеницы»), так как «числа» дают «предвидение будущего не с пеной на устах, как у древних пророков, а при помощи холодного умственного расчета» («Наша основа», 1919).

Коромысло — кроме обычного обозначения приспособления для ношения ведер или рычага весов имеет еще два значения, которые здесь надо иметь в виду: стрекоза; созвездие Большой Медведицы, «по которому крестьяне узнают полночь, говоря: коромысел докачался» (В.И.Даль).

Узнать, что будет Я, когда делимое его — единица... — Воз-

можно, тире здесь является не синтаксическим, а математическим знаком —1 («нет-единица», по Хлебникову).

«Закон качелей велит...» (С. 240). — Впервые: Изборник, 1914, на одной странице со следующим стихотворением.

А владыками земли быть то носорогу, то человеку. — Ср. в заметках о «мыслезёме» (1904): «...горд я! — вымалвливаю, когда думаю, какие высокие, огромные горы уже могли быть сложены из собранных вместе человеческих мозгов. Впрочем, эта задача назначена к исполнению еще задолго до человеческого рода. Вспомним о тех огромных ноздреватых щитах на черепе носорога, соседящих общей костью с крохотным вместилищем мозга. Поистине: земля волит быть мозгом».

«Сон — то сосед снега весной...» (С. 241). — Впервые: Изборник, 1914, на одной странице с предыдущим стихотворением.

Сон — то сосед снега весной — цветок сон-трава, один из видов подснежника.

«Слоны бились бивнями так..» (С. 242). — Впервые: СП, V, 1933 (по копии Б.К.Лившица со списка Н.Д.Бурлюка 1911 г.).

«Люди, когда они любят...» (С. 243). — Впервые: Старинная любовь, 1914.

Как Пушкин — жар любви горничной Волконского — т.е. Наташи, горничной фрейлины В.М.Волконской; см. стихотворение А.С.Пушкина «К Наташе» (1815) и «Записки о Пушкине» И.И.Пущина.

«Когда рога оленя подымаются над зеленью...» (С. 244). — Впервые: Молоко кобылиц, 1914, где третья строка читается: «Когда сердце Божие обнажено в словах». Перепечатано в Изборнике, 1914, в новой редакции, искаженной, однако, при наборе:

Когда сердце начери обнажено в словах.

Исправлено по статье Б.А.Ларина «О разновидностях художественной речи (Семантические этюды)» (Русская речь. Сборники статей под ред. Л.В.Щербы. Новая серия. Вып. I. Пг., 1923).

«Когда умирают кони — дышат...» (С. 245). — Впервые: Дохлая луна, 1913.

Диалектика жизни, смерти и творчества в этом стихотворении развивает античную диалектику стихий — мировых первоначал. Ср. Герак-

лит (фр. В 76): «Огонь живет смертью земли, воздух живет смертью огня, вода живет смертью воздуха, а земля — смертью воды», а также Платон (Тимей, 49c-d): «...Огонь, сгустившись и угаснув, снова приходит в виде воздуха, а воздух опять собирается и сгущается в облака и тучи, из которых при дальнейшем уплотнении изливается вода, чтобы в свой черед дать начало земле и камням. Так передают они друг другу круговую чашу рождения».

Ср. также в древнерусском «Физиологе»: «О лебеде. <...> И когда уведает, что приближается к смерти, то за трое суток день и ночь поет сладко, и так с пеньем умирает, и таким образом надругается над человеком, боящимся смерти».

«Други, оба молодые...» (С. 246). — Впервые: НП, 1940.

«Мирно величавый вид...» (С. 247). — Впервые· НП, 1940.

Записано на обороте листа, заполненного черновым текстом поэмы «Медлум и Лейли» (1911). Связано, по-видимому, с замыслом сверхповести «Дети Выдры», над которой Хлебников работал в 1911—1913 гг.

В стихотворении использованы древнеиранские и мусульманские космогонические представления, в соответствии с которыми земля поддерживается быком, стоящим на рыбе, плавающей в мировых водах, или землю держит на плечах ангел, опирающийся на скалу, которую поддерживает бык, стоящий на рыбе, или земля держится на роге быка, бык на рыбе, рыба на воде, вода на воздухе, а воздух на влажности.

«Я закрываю веки и вижу пагоды благоуханны...» (С. 248). — Впервые: НП, 1940.

Записано на обороте с. 112 Садка судей I, 1910, принадлежавшего Хлебникову. Связано с замыслом сверхповести «Дети Выдры» (1911—1913). Ср. в черновом либретто сверхповести (*2-ое дело*, т.е. действие): «Видны море, одинокое дерево на горе, <нрзб.> узорные пагоды, дворец с колокольчиками, наполняющими воздух нежно, неустанно звоном стрекозиного полета. Седой китаец, с длинными висячими усами, в отчаянии выбегает на берег и, не видя лодок, бросается с отвесного берега в море с младенцем на руках. За ним люди с копьями и мечами, в рысьих треухах...» (ИМЛИ). Ср. также стихотворение «Азия», входящее в поэму «Азы из узы» (1920—1922).

К трупу мамонта (С. 249). — Печатается впервые по рукописи (ИМЛИ). Первоначальное название: «К трупу любимца богдыхана». В переработанном виде вошло в поэму «Любовь приходит страшным смерчем...» (1912), вторая строфа завершает I парус сверхпо-

вести «Дети Выдры» (1911—1913). Ср. стихотворение «Я закрываю веки и вижу пагоды благоуханны...».

В мифологии палеоазиатских народов Сибири и Дальнего Востока мамонт выступает духом-хозяином подземного мира, охранителем входа в жилища мертвых; он живет в земле, прорывая ходы к рекам и озерам, иногда выходя на поверхность; в некоторых представлениях образ мамонта объединялся с выдрой, живущей и на земле, и в воде.

Вырей — см. с. 460.

«Пламёна...» (С. 250). — Впервые: НП, 1940.

Стихотворение является ранним наброском первого паруса сверхповести «Дети Выдры» (1911—1913), в котором, как писал Хлебников в «Свояси», он, «опираясь на древнейшие в мире предания орочей об огненном состоянии земли, заставил Сына Выдры с копьем броситься на солнце и уничтожить два из трех солнц — красное и черное».

Материалы по орочской мифологии занмствованы из книги В.П.Маргаритова «Об орочах Императорской гавани» (СПб., 1888). Ср. «Окó (Орочонская повесть)», 1912.

Криница — родник, ключ.

Кромкий — крайний, внешний.

«Меня проносят на слоновых...» (С. 253). — Впервые: НП, 1940.

Связано с замыслом сверхповести «Дети Выдры» (1911—1913). Ср. в черновом либретто сверхповести (*2-ое дело*, т.е. действие): Сын Выдры в Индии. «Толпа черноокнх девиц (служанок храма), сплетаясь руками в нечто напоминающее слона и покрытое ковром, зовет его к себе знаками и несут его на руках. Он садится на ковер, покрывающий слона <нрзб.>, и трогается дальше, держа в одной руке лотос, в другой [священную книгу и] черепаху, на слоне. Обезьяны криками зависти провожают его шествие и бросают плоды и шелуху орехов. Но те храбро идут дальше...» В следующей сцене Сын Выдры оказывается в современном городе — «в зверинце и кормит через решетку слона протянутой булкой, хобот высовывается через решетку» (ИМЛИ).

Источник стихотворения — старинное индийское изображение Кришны (восьмое воплощение Вишну, одного из трех главных божеств индуистской мифологии), едущего на слоне, в контур которого вписаны сплетающиеся женские тела. См. Шантепи де ля Соссэй Д.П. Иллюстрированная история религий. М., 1899. Ч. II. С. 136.

Бодисатва (бодхисатва) санскр. — просветленный, ставший на путь духовного самосовершенствования.

Размышление развратника (С. 254). — Впервые. НП, 1940. Записано на оборотной стороне пригласительного билета на вернисаж выставки «Ослиный хвост», состоявшийся 11 марта 1912 г. в Москве.

«Будем грозны, как Остра́ница...» (С. 255). — Впервые: Мирсконца, 1912. Перепечатано с небольшой правкой в Изборнике, 1914. Первая редакция, относящаяся, вероятно, к 1910 г. (впервые: Творения, 1914; см. с. 414), в 1912 г. была значительно сокращена и переосмыслена в связи с движением за новое русское искусство. В заметке по поводу выставки «Ослиный хвост», состоявшейся в Москве в марте—апреле 1912 г., Хлебников писал: «Мы бы ничего не имели против господина «Ослиного хвоста», если бы не боялись клейма «сделано в Париже». По этому поводу я вспоминаю неизданные стихи Пушкина:

Будьте грозны, как Остраница,
Платов и Бакланов.
Полно вам кланяться
Роже басурманов» (РНБ).

В декларации «!Будетлянский» (1914) он особенно обращал внимание на «брошенные нами величаво намеки и кораны в трех строчках (например: «О, рассмейтесь...», «Будьте грозны, как Остраница...»). Строки 1—3 первой редакции вошли в заключительную часть драматической поэмы «Любовь приходит страшным смерчем...» (1912).

Остра́ница (Острянин) Яков (?—1641) — украинский гетман, руководитель крестьянско-казацкого восстания 1638 г. против польского владычества.

Платов М.И. (1751—1818) — атаман донского казачьего войска, герой Отечественной войны 1812 г.

Бакланов Я.П. (1809—1873) — донской казачий атаман, отличившийся в кавказских войнах середины XIX в.

Ермак Тимофеевич (?—1585) — казачий атаман, покоритель Сибири, герой народных песен.

Ослябя Родион (? — после 1398) — монах Троице-Сергиевского монастыря, герой Куликовской битвы 1380 г.

К первой редакции:

Морозенко — герой украинских народных песен, собирательный образ запорожского казака.

Святослав — см. с. 498.

Владимир — см. с. 482.

Добрыня — воевода Владимира, распространявший христианство на Руси, герой былин киевского цикла.

Из песен гайдамаков (С 256) — Впервые: Мирсконца, 1912, литография М.Ф.Ларионова

Навеяно, по всей вероятности, стихотворениями и поэмами Т.Г.Шевченко из украинской истории, в особенности поэмой «Гайдамаки», среди действующих лиц которой — слепой кобзарь, поющий гайдамацкие песни, и связано также с впечатлениями детских лет, проведенных в с. Подлужное Ровенского уезда Волынской губернии, бывшем имении польских магнатов Чарторийских (см. воспоминания «Нужно ли начинать рассказ с детства?..», 1917—1918).

Гайдамаки — участники освободительного движения на Украине во второй половине XVIII в.

Нависень укр. — обрыв.

Горинож укр. — вверх ногами.

«*Santa Maria!*» лат. — «Святая Мария» — католическое обращение к Богоматери.

Чарторий пол.-укр. — омут.

Наймитка укр. — батрачка.

Кигитка укр. — чайка.

Па-люди (С. 258). — Впервые: Молоко кобылиц, 1914.

По разъяснению Хлебникова в заметках 1912 г.: «*Па* — лже, внешне, якобы. *Па-русы* — не русы. *Паука* — лжезнание. *Пакус* — ложный вкус» (НРБ). Ср. в статье В.И.Даля «О русском словаре»: «Для чего ученые наши говорят *ложные солнца*, когда это *пасолнца*?»

Когда у кого-нибудь нет носу, Он покупает воску — Ср. в романе Апулея «Метаморфозы, или Золотой осел» рассказ Телефрона, которому фессалийские колдуньи отрезают уши и нос и приставляют сделанные из воска (II, 30).

«Осиновый скук кол...» (С. 259). — Впервые: Молоко кобылиц, 1914, в паре со стихотворением «Мои глаза бредут, как осень...», под буквенным обозначением: «А».

По народным поверьям, осиновый кол забивают в могилу, чтобы мертвецы не могли выйти из гробов. В целом стихотворение рисует образ мертвой вселенной в виде чучела птицы. Ср. в фантастической комедии «Чертик» (1909): «Это не живая вселенная, а чучело. Чучело птицы с мертвым глазом и выходящей из кости проволокой, — ужасно!» Ср. также драматическую поэму «Взлом вселенной» (1921).

«Мои глаза бредут, как осень...» (С. 260). — Впервые Молоко кобылиц, 1914, в паре со стихотворением «Осиновый скук кол...», под буквенным обозначением: «Б». Перепечатано в Изборнике, 1914, с добавлением двух последних строк.

«Не позволя́м!» пол. искаж. — Nie pozwalam — запрещаю; юридическая формула Liberum veto, действовавшая в сейме Речи Посполитой в XVII—XVIII вв.

Крикнуть, чтоб узы воль ослабли... — Ср. в статье «Учитель и ученик» (1912): «Судьба! Не ослабла ли твоя власть над человеческим родом, оттого что я похитил тайный свод законов, которым ты руководишься, и какой ждет меня утес?»

Сапега Лев (1557—1633) — канцлер и великий гетман литовский, действующее лицо неоконченной трагедии Ф.Шиллера «Дмитрий Самозванец», переведенной Л.А.Меем; в первом акте «Сейм в Кракове» Сапега, выступая противником Дмитрия и Марины Мнишек, применяет право вето, но ни в трагедии, ни в действительности до кровопролития дело не доходило.

Перевертень (С. 261). — Впервые· Садок судей II, 1913. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Перевертень (греч. палиндром) — слово, фраза или стих, читаемые одинаково слева направо и справа налево; в древности такому искусству «оборачивания» слова придавалось магическое значение. В «Свояси» (1919) Хлебников признавался: «Я в чистом неразумии писал «Перевертень» и, только пережив на себе его строки: «Чин зван мечем навзничь» (война) и ощутив, как они стали позднее пустотой — «Пал, а норов худ и дух ворона лап», — понял их как отраженные лучи будущего, брошенные подсознательным «я» на разумное небо». Ср. написанную перевертнем поэму «Разин» (1920), которую он называл «заклятием двойным течением речи».

Кукси — вероятно, от *куксить* — печалиться, горевать.

Соловый — вероятно, от укр. *соловiти* — мрачнеть.

Мавка — см. с. 499.

«В руках забытое письмо коснело...» (С. 262). — Впервые: Дохлая луна, 1913.

Прамин — неологизм от корня *мин* (*поминки, помнить, мнить*), означающий: праобраз. Ср. в статье «О простых именах языка» (1916): «Кореиь *мнить* указывает, что образ воспоминания есть наименьшая частица бытия». Ср. также в воспоминаниях «Нужно ли начинать рассказ с детства?..» (1917—1918).

Потяти др.-рус. — ударить, убить, срубить.

Эксампей — по Геродоту (История, IV, 52, 81), скифское название горького источника и места, из которого он вытекает, между реками Борисфеном (Днепр) и Гипанисом (Южный Буг), означающее «Священные Пути». В этом месте находился огромный медный сосуд (котел), сделанный из наконечников стрел по приказу скифского царя Арианта,

который, желая узнать численность своего народа, приказал каждому скифу принести по одному наконечнику стрелы.

Вий — в восточнославянской мифологии злой дух, чей смертоносный взгляд скрыт под огромными веками. Ср. повесть Н.В.Гоголя «Вий».

«Я победил: теперь вести...» (С. 263). — Впервые: НП, 1940. Написано летом 1912 г.; на том же листе список произведений Хлебникова, напечатанных в 1908—1912 гг.

Связано с выходом первой книжки Хлебникова «Учитель и ученик» (Херсон, май 1912 г.), о которой он писал родным 5 июня 1912 г. из Одессы: «Я уверен, будущее покажет, что вы можете гордиться этой скатертью-самобранкой с пиром для духовных уст всего человечества, раскинутой мной».

«Ночь, полная созвездий...» (С. 264). — Впервые: НП, 1940.

Ср. в заметках 1912 г.: «Разница между нашим поколением и прошлым та, что они плакали от умиления, читая о читающих звездную книгу, а мы читаем ее с улыбкой» (РНБ).

«Где прободают тополя́ жесть...» (С. 265). — Впервые: НП, 1940. Написано в августе 1912 г. в имении графа А.А.Мордвинова Черная долина Нижне-Днепровского уезда Таврической губернии, где Хлебников гостил в семье Д.Ф.Бурлюка, служившего управляющим имением. Обращено к Надежде Давидовне Бурлюк (1896—1967). Ср. стихотворение «Семеро» (1913) и примеч.

Серник укр. — спичка.

Януся — Марианна Давидовна Бурлюк (1897—1982).

«Когда над полем зеленеет...» (С. 266). — Впервые: День поэзии, 1975.

Стихотворение входило в черновой текст драматической поэмы «Любовь приходит страшным смерчем...» (1912).

«Снежно-могучая краса...» (С. 267). — Впервые: «День поэзии», 1975. Стихотворение входило в черновой текст драматической поэмы «Любовь приходит страшным смерчем» (1912).

«Двух юных слышу разговор...» (С. 268). — Впервые: Хлебниковские чтения, 1991. Печатается по рукописи (частное собрание)

Стихотворение входило в черновой текст драматической поэмы «Любовь приходит страшным смерчем...» (1912). Ср. диалогические

статьи 1912—1913 гг. «Учитель и ученик», «Разговор двух особ», «Разговор Олега и Казимира».

«Тело — кружева изнанка...» (С. 269). — Впервые· НХ, XXIV, 1933.

Этот частушечный диалог входил, по всей вероятности, в первоначальный текст драматической поэмы «Любовь приходит страшным смерчем...» (1912). В окончательный текст поэмы с небольшими изменениями вошли: «Хоть и низок Севастополь...», «Дева, бойся указаний...» (часть V) и первое четверостишие «Ах, юнак молодой...» (часть IX).

«Гонимый — кем, почем я знаю?..» (С. 271). — Впервые: Пощечина общественному вкусу, 1913, в подборке «Конь Пржевальского».

Стихотворение связано с поэмами «Песнь мне» (1911), «Любовь приходит страшным смерчем...» (1912), «Игра в аду» (1912).

«С журчанием, свистом...» (С. 273). — Впервые: Пощечина общественному вкусу, 1913, в подборке «Конь Пржевальского», ор. № 20. Перепечатано в Изборнике, 1914, без второй строфы и с небольшой правкой в третьей. Первую редакцию см. на с. 418.

«Очи Оки...» (С. 274). — Впервые: Пощечина общественному вкусу, 1913, в подборке «Конь Пржевальского», ор. № 17.

«Наш кочень очень озабочен...» (С. 275). — Впервые: Мирсконца, 1912, с рисунком М.Ф.Ларионова. Перепечатано в Тэ ли лэ, 1914, с рисунком Н.И.Кульбина. Примечательно, что оба художника, вопреки обычному значению слова *кочень* (кочан), изображали петуха (кочета).

«Она пошла, она запела...» (С. 276). — Печатается впервые по рукописи (частное собрание).

Стихотворение входило в первоначальный текст поэмы «Вила и леший» (1912—1913).

Сизоворонка — птица с ярким оперением, ракша.

«Сюда лиска прибегала...» (С. 277). — Впервые: Творения, 1914.

Стихотворение входило в черновой текст поэмы «Вила и леший» (1912—1913). Печатается с исправлениями по НП, 1940, с. 437—438.

Отчет о заседании Кикапу-р-но — художественного кружка (С. 279). — Впервые. журн. «Летучая мышь». М., 4 января 1913, № 1; перепечатано с исправлениями: Трое, 1913.

По свидетельству А.Е.Крученых, сатира направлена против московского Литературно-художественного кружка и Игоря Северянина, выступавшего там 20 декабря 1912 г.

Кикапу́ — модный эстрадный танец.

Хотя б скакала блошка — намек на «Блоху» М.П.Мусоргского (песенка Мефистофеля из Первой части «Фауста» И.-В.Гете).

«Гобая слышу зов, рурокий голос вещий...» (С. 280). — Впервые: Бурлюк, 1994. Печатается по рукописи (РНБ).

Стихотворение записано среди разработок «словаря частиц» и представляет собой ранний опыт поэтического освоения нового языка, состоящего из простых односложных «частиц», которые могут существовать самостоятельно или присоединяться к обычным словам; дальнейшие разработки привели в 1915—1916 гг. к созданию «азбуки ума», а в 1919—1920 гг. — к «звездному языку». Значение некоторых «частиц» разъясняет словарик, сохранившийся в той же тетради: «*му* — мелочь; *че* — поверхность; *ру* — проход; *бы* — идеал, цель; *ре* — <ндп.>; *же* — твердое; *жа* — вода; *ле* — уход внешних сил; *бу* — большое; *це* — из составных частей, обратное *мо*; *бо* — виновник, причина; *то* — следствие, кара, <нрзб.>; *пы* — рост объема; *зе* — будущая <нрзб.>; *мы* — быстрый». Ср. статьи «Ухо словесника...» (1912), «Изберем два слова...» (1912), «Воин ненаступившего царства...» (1913), «Вступительный словарик односложных слов» (1915), «Перечень. Азбука ума» (1916), «Художники мира!» (1919), а также стихотворения «Ласок...» (1916), «Пою...» (1916), «Слово о Эль» (1920) и многочисленные опыты «соединения звездного языка и обыденного».

Семеро (С. 281). — Впервые: Дохлая луна, 1913. Написано в начале 1913 г., после выхода в свет сборника «Пощечина общественному вкусу», составленного из произведений семи авторов: Д.Бурлюка, Н.Бурлюка, А.Крученых, В.Кандинского, Б.Лившица, В.Маяковского и В.Хлебникова.

Иронически мифологизированный и архаизированный образ футуристического движения в этом стихотворении опирается на «священное» и «универсальное» число семь, к которому Хлебников настойчиво возвращался всякий раз в связи с футуризмом. Ср. в манифесте «Труба марсиан» (1916): «Нас семеро. Мы хотим меча из чистого железа юношей...», в декларации «Ляля на тигре» (1916): «Мы идем <...> как брошенная к столбу победы рукой возницы семерка лучших коней Гик-

са с снежными гривами и черными телами»; ср. также название несохранившейся повести «Семь крылатых» и стихотворение «Моих друзей летели сонмы...» (1916). С одной стороны, образ этот связан с шумеро-аккадским мифом о «Семерых» (Сибитти) — демонах, спутниках бога чумы Эрра (Нергала), вероятно, известным Хлебникову по стихотворению К.Бальмонта «Аккадийская надпись» из книги «Зовы древности» (1908). Ср. в статье начала 1913 г. «Воин ненаступившего царства...»: «Кто мы? Мы будем свирепствовать, как новая оспа, пока вы не будете похожи на нас, как две капли воды. Тогда мы исчезнем. Мы уста рока. Мы вышли из недр русского моря». С другой стороны — с рассказом Геродота («История», IV) о происхождении савроматов от брака амазонок со скифскими юношами; савроматами, или сарматами, греческие и римские историки называли собирательно все отдаленные народы, населявшие земли к северу от Черного и Каспийского морей, и это название позже переносилось на северо-восточных славян. К Геродоту восходит и название поэтического общества «Гилея» (Д.Д.Бурлюк, Н.Д.Бурлюк, Е.Г.Гуро, В.В.Каменский, А.Е.Крученых, Б.К.Лившиц, В.В.Маяковский, В.В.Хлебников), впервые заявившего о себе в третьем сб. «Союз молодежи» (март 1913). Гилея — страна скифов в нижнем течении Днепра (см.: «В Гилее (по Геродоту, Арриану и другим древним писателям реставрировал В.Гошкевич)». Херсон, 1912); в этих местах в имении графа А.А.Мордвинова Черная долина жила семья Бурлюков, у которых подолгу гостили члены «Гилеи». См. в воспоминаниях Б.Лившица «Полутораглазый стрелец», глава «Гилея»: «... не объяснить, как умудрялись мы, наряду с занятием искусством, уделять столько времени еде, спорту, охоте, любовным увлечениям, домашнему театру, спорам. Все это взаимно переслаивалось, проникало одно в другое и, круто замешанное, являлось на редкость цельным образом полнокровной жизни». Ср. стихотворение «Где прободают тополя жесть...» (1912).

Ритмико-строфическая и диалогическая структура стихотворения перекликается с шотландской народной балладой «Эдвард», переведенной А.К.Толстым (положена на музыку П.И.Чайковским).

Ирония встреч (С. 284). — Впервые: НП, 1940.

Обращено к В.И.Дамперовой (см. с. 468). По ее воспоминаниям, последняя их встреча состоялась в Москве: «...это было в 1913 г., в период разгара футуризма. В сумерках я увидела большого человека в тулупе, с шапкой в руках, идущего навстречу. Я подумала — нищий. Это был Хлебников. — Я издали увидел Вас и снял шапку, — сказал он. Мы пошли ко мне. Он шапку положил на пол, а калоши поставил на стул рядом с собой — это от смущения. В тот раз он долго говорил о

своих вычислениях, в которых предсказал и войну и революцию. Он был очень увлечен этим и даже оставил мне листок, покрытый цифрами и вычислениями. Этот листок потом где-то затерялся».

Утренняя прогулка (С. 286). — Впервые: НП, 1940. Подарено Н.Д.Бурлюк (см. с. 494) в день ее рождения 13 февраля 1913 г.

По воспоминаниям М.Н.Бурлюк, жены Д.Д.Бурлюка, «моя сестра Лидуша Еленевская и Надя Бурлюк ценили общество Вити и брали Хлебникова с собой, шляпку ли купить, билеты ли в театр достать. Девушки всегда обращались к нему за советом: преодолевая его первое сопротивление, хватали под руки, а затем уже улыбающийся Хлебников спешил за ними» (сб. «Красная стрела». Нью-Йорк, 1932. С. 17).

Самокат — автомобиль.

Крепыш — знаменитый орловский рысак. 12 февраля 1912 г. на Первом диспуте о современном искусстве, устроенном обществом художников «Бубновый валет», выступали Д.Бурлюк и М.Ларионов. В тот же день на ипподроме проходили бега, что дало повод фельетонисту «Русского слова» (15 февраля) сострить: «Днем на ипподроме страшно «резались» метисы Бурлюк и Ларионов. А вечером в Большой аудитории Политехнического музея кубисты Крепыш и Центурион разъясняли публике сущность своего «нового искусства». Первым пришел к столбу серый красавец Бурлюк — гордость художественной конюшни «Бубновый валет». По воспоминаниям М.Н.Бурлюк, «на Бурлюке в тот вечер был темно-серого цвета костюм, а Крепыш тоже был серого цвета» (сб. «Красная стрела», с. 13).

«Муха! нежное слово, красивое...» (С. 287). — Впервые: НП, 1940.

Возможно, это шуточное стихотворение связано с тем, что Н.И.Кульбин, как вспоминал Ю.П.Анненков, «написал в 1913 году «трактат», длиной в добрую страницу, о «значении буквы», или — о «букве-мухе», — как он сам любил говорить. — Я восхищаюсь ею, я восхищаюсь ими, этими мудрыми двукрылыми! — восклицал он, — смотрите на них: они перелетают от одного слова к другому, от одного языка к другому, такие точные, такие легкие! Оставьте их делать то, что они хотят!» (Анненков Ю. Дневник моих встреч. М., 1990. С. 142—143).

Кубок печенежский (С. 288). — Впервые: Четыре птицы, 1916, под названием «Написанное до войны», что, видимо, было авторским указанием на время написания стихотворения (до 1914 г.). В рукописи ранней редакции название. «Кубок печенежский» (см. Бур-

люк, 1994). Написано, вероятно, весной 1913 г. для петербургской газеты «Славянин», в которой Хлебников недолгое время сотрудничал. О замысле книги баллад, посвященной «России в прошлом», с упоминанием Святослава, Хлебников писал А.Е.Крученых в августе 1912 г. Сюжет стихотворения основан на летописном рассказе о гибели киевского князя Святослава Игоревича в «Повести временных лет». После победы над греками, опасаясь оставаться с малочисленной дружиной в Переяславце на Дунае (Перемышль в стихотворении назван ошибочно), Святослав решил вернуться в Киев. «В год 6480 (972), когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него». Ср. реплику Святослава в шестом парусе сверхповести «Дети Выдры» (1911—1913).

Вежа др.-рус. — шатер, кибитка.

Насад — плоскодонное судно с надставленными бортами.

Бичевая обл. — тропа или дорога для людей и лошадей, тянущих суда вверх по течению.

Неясыть (Ненасытец) — самый большой и опасный из днепровских порогов.

Чéта др.-рус. — отряд.

«Ты богиня молодежи...» (С. 290). — Впервые: Бух лесиный, 1913.

«Гевки, гевки, ветра нету...» (С. 291). — Впервые: НП, 1940. Первое четверостишие (в качестве самостоятельного стихотворения): Старинная любовь, 1914. Строки 7—10, 19—24, 30—31 с небольшими изменениями входят в драматическую сцену «Ночь в Галиции» (1914). Вне основного текста записаны две строки:

А впрочем, мавы чернобровы,
Суровой чарою суровы.

Гевка обл. — девка.

Оксана — Ксения Леонидовна Богуславская-Пуни (1892—1972), художница; ею Хлебников был увлечен в конце 1913 — начале 1914 г., и с нею связаны мотивы «ворожеи», «польки» и в особенности «мавы» в его произведениях этого времени. По свидетельству К.Л.Пуни, она рассказывала Хлебникову предания и легенды о горной Гуцулии, о мавках (см. в кн.: Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. Л., 1989. Гл. 6, 8 и примеч. С. 699).

Легинь укр.-венг. — парень.

Дид укр. — здесь: покойник.

Гуцулы — украинское население Закарпатья и части Галиции.

Мава, мавка — русалка. По объяснению Хлебникова, «...Галицийская Русь создала страшный образ мавки: спереди это прекрасная женщина или дева, лишенная одежд, сзади — это собрание <витых> кишок» (НП, 1940. С. 448). Ср. образ мавы в драматической сцене «Ночь в Галиции» (1914), в стихотворении «Она удала и лиха...» (1921), в поэме «Вы, привыкшие видеть жизнь...» (1922), в рассказе «Малиновая шашка» (1921).

Дрот укр. — палка, прут.

Жужелица — гарь, сажа.

Солодка — по объяснению Хлебникова в письме В.В.Каменскому из Астрахани в Пермь (май 1914), «солодка (угро-русское, русское слово) — подруга». Ср. в дневниковых записях Хлебникова: «7.XII.1913 — самый короткий день, я его провел на даче Куоккала у Пуни. <...> моя солодка разгневана».

Пушкари укр. — солдаты с ружьями.

Страуса перо — украшение головного убора молодых гуцул.

Ходари укр. — мостки.

Мавка (*Ведьма*) (С. 293). — Впервые: Изборник, 1914, с цензурным изъятием двух начальных слов в строке: «Отважно ноги разделила».

Мавка — см. с. 499.

То дочь ли Мнишка-поляка... — В народных преданиях и песнях Марина Мнишек выступает ведьмой и оборотнем. Ср. поэмы «Марина Мнишек» (1913) и «Жуть лесная» (1914).

Бех. *Басня* (С. 295). — Впервые: Записная книжка, 1925. Первую редакцию, публикуемую по рукописи (РНБ), см. на с. 419. Ср. в статье: H.Baran. Chlebnikov's Poem «Bech». — Russian Literature. Hague; Paris. 1974, № 6.

Бех укр. — растение цикута, вех ядовитый, бешеница, крикун; растет в заболоченных местах, используется в народной медицине. «О происхождении названия *бех* в Малоруссии есть особая легенда о битве между татарами и козаками, из костей которых выросла трава, кричавшая *бех*» (Анненков Н. Ботанический словарь. СПб., 1878. С. 98). Другой вариант легенды: *бех* посеяли черти, принесшие его из пекла, и когда кони ляхов наступают на это растение, оно кричит: *бе-ех* (см.: Пискунов Ф. Словарь живого народного письменного и актового языка русских южан Российской и Австро-Венгерской империй. Киев, 1882). Вместе с тем *бех* можно понять как глагольную форму неопределенного прошедшего, так называемого повествовательного, времени от др.-рус. *быти*.

Басня — здесь: не литературный жанр, а «баснословие», предание, сказание о прошлом.

С вязанкой жалоб и невзгод Пришел на смену новый год — 1913, содержащий чертову дюжину.

Его помощники в свирели — из ствола цикуты некогда делали дудки.

Дуля укр. — груша.

«О черви земляные...» (С. 296). — Впервые: НП, 1940.

Первая редакция: Бурлюк, 1994.

Барвинок — гроб-трава, могильница; по оккультным представлениям, вода, приготовленная из барвинка, служит для испытания верности; растертый в порошок с земляными червями и добавленный в еду, увеличивает любовную силу (см. Папюс. Практическая магия. СПб., 1912. Приложение: Ботанический словарь герметической медицины П.Седира).

Темной славы головня — ср. начальную строку «Сонета» С.Малларме: «Уж славы головня победоносно скрылась» (и комментарий переводчика П.Краснова: «Вместо того, чтобы сказать «солнце», Малларме говорит «прекрасная головня славы» — «Труд. Вестник литературы и науки», СПб. 1893. № 9. С. 636).

«И смелый товарищ шиповника...» (С. 297). — Впервые: НП, 1940. Записано на одном листе со стихотворением «Предтечи! Я сжатое поле!..»

И смелый товарищ шиповника — очевидно, рифма: любовник.

Цекавый пол. — любопытный.

«Предтечи! Я сжатое поле!..» (С. 298). — Впервые: НП, 1940. Записано на одном листе со стихотворением «И смелый товарищ шиповника...».

Стихотворение, видимо, отражает настроение Хлебникова после завершения работы над сверхповестью «Дети Выдры» (1911—1913). В конце декабря 1913 или начале 1914 г. Хлебников писал А.Е.Крученых: «Я [сейчас] ничего не могу писать. «Дети Выдры» было [просто] вырванным с корнем дубом творчества. Пусто. <...> [Я теперь похожу на тех, у которых] У меня «всё в прошлом» (ИРЛИ).

«Мой черный, суровый орел...» (С. 299). — Впервые: Бурлюк, 1994. Печатается по рукописи (РНБ).

Мрачное (С. 300). — Впервые: Изборник, 1914. Второе четверостишие вошло в заключительную часть поэмы «Война в мышеловке» (1919).

Ср. первый парус сверхповести «Дети Выдры» (1911—1913).

В целом стихотворение развивает некоторые мотивы книги Ф.Ницше «Так говорил Заратустра», ср. главу «О старых и новых скрижалях», в частности: «Мое стремление к мудрости так кричало и смеялось во мне: поистине, она рождена на горах, моя дикая мудрость! — мое великое шумящее крыльями стремление.

И часто уносило оно меня вдаль, в высоту, среди смеха: тогда летел я, содрогаясь, как стрела, через опьяненный солнцем восторг. <...> Теперь я жду избавления, — чтобы пойти к людям в последний раз.

Ибо еще один раз я пойду к ним: среди них я хочу умереть, и, умирая, хочу я дать им свой богатейший дар!

У солнца научился я этому, когда закатывается оно, богатейшее светило: золото сыплет оно в море <...>.

Все, что у добрых зовется злым, должно соединиться, чтобы родилась единая истина...». (Перев. Ю.М.Антоновского.)

Ср. также в романе Л.Н.Толстого «Война и мир» (т. IV, ч. I, гл. XVI): «И князь Андрей умер. Но в то же мгновение, как он умер, князь Андрей вспомнил, что он спит, и в то же мгновение, как он умер, он, сделав над собою усилие, проснулся.

«Да, это была смерть. Я умер — я проснулся. Да, смерть — пробуждение!»

«Я вам внимаю, мои дети...» (С. 302). — Впервые: в кн. А.Крученых «Чорт и речетворцы» (СПб., 1913; вышла в конце ноября).

А.Е.Крученых вспоминал: «Мою брошюру «Чорт и речетворцы» обсуждали вместе. Просматривали с ним уже написанное, исправляли, дополняли <...> Так, мое нефтевание болот сологубовщины Хлебников подкрепил четверостишием о недотыкомке<...> Здесь замечательна «Неть» — имя смерти» («Наш выход». М., 1996. С. 52, 53).

«В дюжем ругательстве...» (С. 303). — Впервые: НП, 1940.

Мы, как Петры, даем тела, Мы вновь противники Мазепы... — Ср. статью «Спор о первенстве» (1914), где, указывая, что Петр I родился через 28 лет после Мазепы, Хлебников писал· «...через 28 лет поколения вступают в борьбу с задачами поколения на 28 лет более раннего (Мазепа и Петр). <...> Через Польшу Украйна была доступна лучам Запада, что давало ей особую от Московского государства природу и вызвало Мазепу. Петр Великий «окном в Европу» (Пушкин) для великороссов устранил раскол и как сама победа встретился с Мазепой при Полтаве. Сноп одинаковых лучей Запада прошел через обе половины народа».

«Усопшие деды и пращуры...» (С. 304). — Впервые· СП, II, 1930.

Стихотворение является откликом на пьесу А.Крученых «Победа над солнцем», впервые поставленную 3 и 5 декабря в петербургском «Луна-парке» (музыка М.Матюшина, сценография К.Малевича) и изданную в конце декабря отдельной книжкой с хлебниковским прологом «Чернотворские вестучки». Вторая половина стихотворения почти сплошь состоит из перефразированных и иронически переосмысленных кусков «Победы над солнцем», которая сама в значительной степени была построена на явных и скрытых заимствованиях из Хлебникова; с ним также связан образ одного из действующих лиц пьесы — Путешественника по всем векам.

«Сижу в остроге...» (С. 305). — Впервые: НП, 1940.

Песнь смущенного (С. 306). — Впервые: НХ, XVIII, 1930. Записано на обороте листа, заполненного вариантами к поэме «Игра в аду» (1912—1913).

По свидетельству А.А.Ахматовой (см. НП, 1940. С. 407), в ноябре—декабре 1913 г. Хлебников читал посвященное ей стихотворение, которое заканчивалось следующими строками:

...поднявши руку длинную,
Освещу созвездьем гостиную.

Это стихотворение А.А.Ахматова включила в сборник посвященных ей произведений «В ста зеркалах».

Мава галицийская (С. 307). — Впервые: Изборник, 1914, с датой: *1914*.

См. примеч. к стихотворению «Гевки, гевки, ветра нету...» (1913).

Вящий арх. — превосходная степень от *великий* — наибольший, величайший.

Шугай обл. — имеет два значения: верхняя одежда, кофта или короткий армяк; пугало в огороде.

Елень арх. — олень или олениха.

«...а сзади была мостовой...» (С. 308). — Впервые: Изборник, 1914, как продолжение стихотворения «Мава галицийская», где посредством ремарки фольклорно-мифологический персонаж входит в реальность современного города.

А.Е.Крученых вспоминал о совместной работе с Хлебниковым: «Я настойчиво тянул его от сельских тем и «древлего словаря» к современности и городу<...> Хлебников обижался, хмуро горбился, отмалчи-

вался, но понемногу сдавался. Впрочем, туго. — Ну вот, про город! — объявил он как-то, взъерошив волосы и протягивая мне свеженаписанное. Это были стихи о хвосте мавки-ведьмы, превратившемся в улицу» («Наш выход». М., 1996. С. 51).

Отрочá арх. — отрок, дитя.

Памяти И.В.И—а (С. 309). — Впервые: отдельной листовкой, гектографированной О.В.Розановой (1914). Вошло в главу 9 повести «Ка» (1915).

Посвящено памяти Ивана Васильевича Игнатьева (1892—20 января 1914) — поэта, критика, издателя эгофутуристических сборников, покончившего самоубийством.

«Сегодня снова я пойду...» (С. 310). — Впервые в статье В.В.Маяковского «Теперь к Америкам!»: газ. «Новь». М., 15 ноября 1914.

Это стихотворение — ответ поэта на газетную полемику вокруг нового искусства, которое, например, А.Н.Бенуа называл «искусством рынка, базара, площади», утверждая, что молодые художники найдут себя лишь тогда, когда «уйдут с торжища каждый к себе в дом, успокоятся и задумаются». («Художественные письма. Трудно ли?» — «Речь», 1913, 12 апр.)

Ср. также вторую строфу стихотворения А.А.Фета «Псевдопоэту» (1866), обращенного к Н.А.Некрасову:

На рынок! Там кричит желудок,
Там для стоокого слепца
Ценней грошовый твой рассудок
Безумной прихоти певца.

Тверской (С. 311). — Впервые: НП, 1940. Стихотворение недоработано — отсутствует одна строка.

Тверской — бульвар в Москве, где стоял памятник А.С.Пушкину скульптора А.М.Опекушина.

Мы почерневшей кровью нож ~ Сурово вытря о косы вéнок — Ср. в стихотворении В.В.Маяковского «Война объявлена!» (20 июля 1914):

Постойте, шашки о шелк кокоток
Вытрем, вытрем в бульварах Вены!

Смерть в озере (С. 312). — Впервые: Четыре птицы, 1916. Написано, вероятно, под впечатлением известий о гибели армии генерала А.В.Самсонова в районе Мазурских озер (Восточная Пруссия) в августе 1914 г.

Полюдье др.-рус. — подушный сбор дани.

Кто на Висле о Доне поет — Донские казаки составляли значительную часть армии А.В.Самсонова.

Гать — плотина.

Тризна (С. 314). — Впервые: НХ, XII, 1929. Печатается по рукописи (ГЛМ).

Ниц вéмы пол., разг. — ничего не знаем.

Тризна руса — древний похоронный обряд сжигания трупов.

Треба — священный обряд.

«В те дни, совсем как н сегодня...» (С. 315). — Впервые: НХ, XIII, 1929, под названием «Рассказ об ошибке».

На самом деле «Рассказ об ошибке» — не название, а позднейшее пояснение Хлебникова к стихотворению, связанному с его поисками хронологическнх закономерностей в событиях мнровой войны. В письме М.В.Матюшину 17 декабря 1914 г. из Астрахани в Петроград он писал: «Начинаю повесть о моей ошибке. Я считал, что 15 будет морская битва. Ее не было. Ошибка моя состояла из нескольких частей:

1) Допущение, что отдельная война повторяет вековые времена до нее; так перед умирающим, по распространенному поверию (я не умирал), мелькает вся его жизнь.

2) Допущение, что для морской войны 1914 года нужно взять века борьбы Ислама с Западом с начала крестовых походов — 1095 год.

3) Допущенне, что если будет найдено местное соответствие, то оно продолжится и дальше». Затем, приведя ряд побед и поражений, где годам крестовых походов соответствуют дни текущей войны, продолжал: «Опираясь на этот ряд, где победам Ислама отвечают морские победы немцев 19 октября, 15 октября, 9 сентября, я считал, что будут морские сражения в день, отвечающий взятию Иерусалима в 1244 году, т.е. 15 декабря.

Тогда бы великое сражение можно было бы предсказать для дня, отвечающего 1453 году, главному году Ислама.

Но 15 декабря сражения не было.

Следовательно, избранный мною путь ошибочен, и никому не советуется идти по нему». См. также письма М.В.Матюшину начала декабря 1914 г. и 18 января 1915 г., а также в книге «Время мера мира» (Пг., 1916). Ср. стихотворение «Дважды сменилась веселья зарница...», 1915.

Фридрих I Барбаросса (около 1125—1190) — император Священной Римской империи, один из руководителей третьего крестового похода в Палестину на завоевание Гроба Господня.

Генрих II (1150—1197) — король Иерусалимский.

Мекка христиан — то есть Иерусалим.

1187 — дата взятия Иерусалима, находившегося под властью крестоносцев, египетским султаном Саладином (1138—1193).

В те дни зажгли над Чили дым — В сентябре—октябре 1914 г. у берегов Чили происходили морские сражения между флотами Англии и Германии, в которых погибли корабли «Монмут», «Отранто», «Кресси», «Хог», «Абукир».

1147 — дата взятия мосульским султаном Нурэддином (1116—1174) крепости Эдесса, находившейся под властью крестоносцев, что вызвало новый крестовый поход.

«Желтели шишаки...» (С. 317). — Впервые: НП, 1940. Записано на одном листе с прозаическим отрывком «Я пошел к Асоке...» (1915), примыкающим к повести «Ка» (1915). Печатается по рукописи (ИМЛИ).

Шишак др.-рус. — шлем.

«Могилой дум ударить мне ли...» (С. 318). — Печатается впервые по рукописи (частное собрание).

«В холопий город парус тянет...» (С. 319). — Впервые: Четыре птицы, 1916, под названием «Звучизм», данным составителем сборника Д.Д.Бурлюком. Написано, вероятно, в начале 1915 г. в Астрахани и связано с разинской темой. В письме М.В.Матюшину 18 января 1915 г. в Петроград он писал: «Хорошо бы летом из Перми на особой беляне устроить поход Аргонавтов за лотосом в Астрахань». В Перми жил В.В.Каменский, работавший в это время над романом «Степан Разин» (1915), отрывок из которого «Сарынь на кичку» был посвящен Хлебникову.

Райна др.-рус. — поперечный брус на мачте, рея.

Ужи др.-рус. — веревки, снасть.

Укоть др.-рус. — крюк, якорь.

Упруги — ребра судна, шпангоут.

Кокора обл. — бревно с корневищем под углом к стволу, используемое для постройки некоторых частей судна.

Пря др.-рус. — парус.

Досчана обл. — речное плоскодонное судно.

Паузок обл. — небольшая досчана.

Беляна обл. — несмоленое большое сплавное судно.

Суэ (С. 320). — Впервые: Русский современник. 1924. № 4. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Суа, Суэ — В мифологии чипчасов (чибча-муисков), индейского племени Центральной Америки, *Суа* — божество солнца; по запискам Х.Кесады «Восхваление завоеванию», — «когда христиане появились в этой стране, они были приняты с величайшим страхом всем народом. Среди индейцев существовало поверье, что испанцы явились к ним как сыновья Солнца. .».

Веспуччи Америго (между 1451 и 1454—1512) — итальянский мореплаватель, участник нескольких испанских и португальских экспедиций к берегам Америки, названной им Новым Светом.

Разит он грозою гремучей — то есть огнестрельным оружием, которого не знали индейцы.

Монтезума (Монтесума, Моктесума, 1466—1520) — вождь индейского племени ацтеков, захваченный в плен Э.Кортесом, призывал индейцев покориться испанцам, за что был убит восставшими соплеменниками; по другим сведениям, его мучил и убил Э.Кортес.

Тцинцунцан (С. 321). — Впервые: СП, V, 1933. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Тцинцунцан (Цинцунцан) — «Город Колибри», столица индейского народа пурепеча (тарасков) в Центральной Америке, до испанских завоеваний 1520 г.

Тарик (Тарик-бен-Заид) — арабский полководец, разбил вестготов и положил начало завоеванию Испании в 711 г.; его имя осталось в названии Гибралтар (Джебель-аль-Тарик — гора Тарика).

Тараканова — известная авантюристка XVIII в., выдававшая себя, в частности, и за племянницу персидского вельможи Али-Эмете, и за русскую княжну Владимирскую, и за дочь императрицы Елизаветы Петровны. В 1775 г. в Ливорно она была захвачена графом А.Г.Орловым, доставлена в Петербург и заключена в Алексеевский равелин Петропавловской крепости, где в том же году умерла. Картина К.Д.Флавицкого «Княжна Тараканова» (1864), находящаяся в Третьяковской галерее, изображает ее гибнущей от наводнения в тюремной камере.

Воспоминания (С. 322). — Впервые: Русский современник. 1924. № 4. Печатается по рукописи (РГАЛИ), где под названием помечено: «1». Отрывок из другого варианта этого стихотворения см. в кн.: Харджиев Н., Тренин В. Поэтическая культура Маяковского. М., 1970. С. 219.

Перемышль — австрийская крепость в Галиции, взятая русской армией после многомесячной осады в марте 1915 г.

Кусманек — комендант крепости Перемышль.

От поцелуев нежных странника — намек на альманахи изд.

«Очарованный Странник», с которым в 1915—1916 гг. сблизились Хлебников и другие члены «Гилеи».

Додо (дронт) — нелетающая птица, вымершая в XVII—XVIII вв.

Эхнатэнственно — неологизм от имени Эхнатэн (Эхнатон — египетский фараон, правивший в 1419—1400 гг. до н.э., впервые ввел единобожие). Ср. повесть «Ка» (1915). Вообще неологизмы в этом стихотворении откровенно перекликаются со словотворчеством Игоря Северянина: *пушкинианской, ниагарится, чинарясь*. Ср. в письме М.В.Матюшину из Астрахани в Петроград (апрель 1915 г.): «Для меня существуют 3 вещи: 1) я; 2) война; 3) Игорь Северянин?!!!»

Бой в лубке (С. 323). — Впервые: Второй сборник Центрифуги, 1916. Вошло в поэму «Война в мышеловке», части 2 и 3 (1919).

Во время войны различными издательствами в большом количестве выпускались лубочные плакаты и открытки военной тематики; в частности, для издательства «Сегодняшний лубок» рисовали К.С.Малевич, М.Ф.Ларионов, А.В.Лентулов, Д.Д.Бурлюк, В.В.Маяковский, которому принадлежала и большая часть стихотворных подписей к рисункам. Но в стихотворении имеется в виду вообще современная живопись, от примитивизма до супрематизма, в упрощенных, разорванных, геометризированных формах которой Хлебников находил соответствия мировой войне. Ср. в рассказе «Перед войной» (1922): «Я отчетливо видел холодное «татарское иго». Полчища треугольников, вихрей круга наступили на нас, людей, как вечер на день, теневыми войсками, в свой срок, как 12 часов войны <...> Я шептал проклятья холодным треугольникам и дугам, пирующим над людьми, поднявшим ковши с пенной брагой, обмакивавшим в мед седые усы князей жизни...»

«Бувэ» — французский корабль, погибший во время Дарданелльской операции англо-французских войск зимой—весной 1915 г. Ср. в рассказе «Сон» (1915).

Малявин Ф.А. (1869—1940), *Коровин* К.А. (1861—1939) — русские живописцы.

По Эдгар (1809—1849) — американский писатель, автор знаменитой баллады «Ворон».

Калка — река, на берегу которой в 1223 г. русские проиграли сражение татаро-монголам, после чего, как рассказывает «Повесть о битве на Калке» из Тверской летописи, «князей придавили, положив их под доски, а татары наверху сели обедать; так задохнулись князья и окончили свою жизнь».

«Не выли трубы набат о гибели...» (С. 324). — Впервые: Временник I, 1917. С небольшим изменением вошло в поэму «Война в мышеловке», часть 8 (1919).

Неман — река на границе с Восточной Пруссией, где происходили неудачные для русской армии сражения. В офенском языке *неман* — конец, предел, крайность.

«Тихий дух от яблонь веет...» (С. 325). — Впервые: Четыре птицы, 1916, где ряд строк по типографскому недосмотру оказался сдвинутым. Восстановлено в соответствии с рифмовкой.

Говеть — поститься, в особенности перед исповедью и причастием или перед каким-либо важным решением.

«*Алла бисмулла*» — мусульманское ритуальное восклицание с именем Аллаха милосердного, с которого начинается каждая глава Корана.

«Усадьба ночью, чингисхань!..» (С. 326). — Впервые: Четыре птицы, 1916, под названием «Звучизм 3», принадлежащим, очевидно, составителю сборника Д.Д.Бурлюку.

Чингисхань — неологизм от имени великого хана Монголии Чингисхана (около 1155—1227).

Заратустрь — неологизм от имени пророка и основателя религии зороастризма Заратустры (X—VI вв. до н.э.).

Моцарть — неологизм от имени В.-А.Моцарта.

Роопсь — неологизм от имени бельгийского художника Ф.Роопса (1833—1898).

Громада — здесь обл.: толпа, общество, сходка.

Омамаены — неологизм от имени правителя Золотой Орды Мамая (?—1380).

Газдрубал (Гасдрубал) — карфагенский полководец, младший брат Ганнибала, пал в сражении с римлянами при переходе через р. Метавр в 207 г. до н.э. Ср. реплику Ганнибала в шестом парусе сверхповести «Дети Выдры» (1911—1913).

«Где в липы одетый узорный ходак...» (С. 327). — Впервые: Четыре птицы, 1916.

Ходак укр. — проход, ворота.

Шездар (шездара) укр. — гусли.

Хабаз укр. — заросли кустов, бурьяна.

Халабуда укр. — легкая постройка, шалаш.

«Черный царь плясал перед народом...» (С. 329). — Впервые: Четыре птицы, 1916, под названием «Лучизм. Число 1-е», принадлежащим, очевидно, составителю сборника Д.Д.Бурлюку. В рукописи конца 1921 — начала 1922 г. (собрание Вс.Вяч.Иванова) — без названия и без строк 5—8.

Непосредственный источник стихотворения — рисунок Ф.Этцольда (по Г.Швейнфурту) «Мунза, король Мангабутту, пляшет пред своими женами и воинами» (1870). См.: История человечества. Общая редакция Г.Гельмольта. Т. 3. Западная Азия и Африка. СПб., 1903, между с. 460 и 461.

Пэлелэ — украшение в виде костяного кольца, продеваемого в верхнюю губу, у некоторых африканских племен.

«Ни хрупкие тени Японии...» (С. 330). — Впервые: Московские мастера, 1916.

Пред смертью жизнь мелькает снова — ср. в автоэпитафии Хлебникова «Пусть на могильной плите прочтут...» (1904): «наши слуховые, зрительные, вкусовые, обонятельные ощущения суть части, случайные обмолвки <...> одного великого, протяженного многообразия <...> Может быть, в предсмертный миг, когда все торопится, все в паническом страхе спасается бегством, спешит, прыгает через перегородки <...>, когда в голове человека происходит то же, что происходит в городе, заливаемом голодными волнами жидкого, расплавленного камня, может быть, в этот предсмертный миг в голове всякого со страшной быстротой происходит такое заполнение разрывов и рвов, нарушение форм и установленных границ». Ср. также стихотворение «В те дни, совсем как и сегодня...» (1915) и примеч.

«Смугла, черна дочь Храма...» (С. 331). — Впервые: Четыре птицы, 1916.

Кнесь (кнес) др.-рус. — перекладина под гребнем крыши.

«Лютиков желтых пучок...» (С. 333). — Впервые: НП, 1940. Записано на одном листе со стихотворением «Пусть нет еще войск матерей...» (1915).

Ницнуть — от др.-рус. *ницати* — склоняться.

Зверь + число (С. 334). — Впервые: Звезда. 1975. № 11. Вписано в альбом Веры Борисовны Лазаревской (1899—после 1970), дочери писателя Б.А.Лазаревского (1871—1936).

В тот же день, 21 августа 1915 г., Хлебников писал родным в Астрахань: «...наметил дороги к дальнейшим задачам из области опытного (через опыт, а не умозрение) изучения времени. Таким я уйду в века — открывшим законы времени <...> Учение о войне перешло в учение о условиях подобия двух точек во времени. Здесь я чувствую определенный простор и достаточное пространство для того, чтобы расправить крылья каспийского орлана, и черпаю клювом моря чисел». В письме,

как и в стихотворении, речь идет об историко-числовых работах «Учитель и ученик» (май 1912), где он предсказывал крушение государства в 1917 г., «Битвы 1915—1917 гг. Новое учение о войне» (ноябрь 1914), где он искал способы предсказания хода текущей войны, — и новой, над которой он в это время работал, — «Время мера мира» (март 1916). Ср. стихотворения «Познал я числа...» (1907), «Числа» (1911) и примеч.

Зверь + число — образ «звериного», или, по Хлебникову, «живого», природного, числа восходит к символике Откровения Иоанна Богослова, переосмысленной с современной научной точки зрения. В статье «В мире цифр» (1920) Хлебников писал: «Мы все знаем, как наши бабушки и прабабушки увлекались звериным числом «666», придавая ему особенный таинственный смысл. Научные загадки часто окружены сиянием потустороннего мира. Позднее разум разрушает налет чертовщины и находит холодные законы». К этому его побуждают мировые потрясения, войны, революции, являющиеся «откровением» космических закономерностей, выразимых только посредством чисел. «Наибольший ток возможен при наибольшей разнице напряжения, а она достигается шагом вперед (число) и шагом назад (зверь). Ср. наше время», — писал он в книге «Время мера мира». Ср. автопортретный образ «числозверя» в повести «Ка» (1915) и также автопортретный образ «Числобога» в повести «Ка^2» (1916).

Коромысел — см. с. 487.

Проходит Та, как новый вымысел — текущая мировая война как новое «откровение».

Воскликнул жрец: «О дети! дети!..» — Имеется в виду рассказ афинянина Крития о египетском жреце, который называл греков неразумными детьми, не знающими, что бедственные явления на земле происходят через определенные промежутки времени, в диалоге Платона «Тимей» (20e—25d).

И грядет бесшумно зверь С парой белых нежных чисел — то есть двумя основными, по ранней хлебниковской теории «законов времени», числами 365±48. Ср. рисунок к повести «Ка» (1915), где изображен Числобог с «крылатой рукой», означенной этими числами.

Он падет, как будто сломан — то есть древний Рок; ср. древнегреческий миф о Сфинксе и Эдипе, разгадавшем его «числовую» загадку, после чего Сфинкс бросился в пропасть.

Палэ-Рояль — гостиница в Петрограде, где жила семья Лазаревских; название гостиницы — «Королевский дворец» — получало здесь новый смысл в связи с тем, что друзьями Хлебников был провозглашен «королем времени».

Курган (С. 335). — Впервые: Россия. 1924. № 1; третья редакция, значительно сокращенная и переработанная, вероятно, в 1919 г. Первую редакцию (вписана 25 августа 1915 г. в дневник Б.А.Лазаревского, ИРЛИ; впервые: в статье Baran H. Chlebnikov's poem «Bech». — Russian Literature. Haque; Paris. 1974. № 6) и вторую редакцию (впервые: в статье С.Клычкова «Лысая гора» — журн. «Красная новь». 1923. № 5) см. на с. 420—421.

Стихотворение навеяно старинным железным крестом с изображением Христа, найденным при раскопках на Киевщине. О Б.А.Лазаревском, сыне украинского историка и археолога А.М.Лазаревского, Хлебников писал родным 21 августа 1915 г. в Астрахань: «Я дорожу знакомством с семьей писателя Лазаревского. Старый морской волк с кровью запорожцев в жилах».

К другим редакциям:

Цеппелин — дирижабль, по имени немецкого изобретателя Ф.Цеппелина (1838—1917).

Чаша, минуй! — слова Иисуса Христа в Гефсиманском саду (Мф. XXVI, 39).

Жёны смерти (С. 336). — Впервые: НП, 1940. Первоначальное название: «Песня мав».

Ср. стихотворения «Мавка (*Ведьма*)», «Мава галицийская», «...а сзади была мостовой...» (1914).

Признание («Вы помните ивы...») (С. 338). — Впервые: Ошибка смерти, 1917. Искажения текста в строках 6, 10, 15 исправлены по черновику: НП, 1940. С. 267.

Обращено к баронессе Вере Александровне Будберг (1888—1945), происходившей из семьи прибалтийских немцев; с ней Хлебников встречался в Петрограде и Куоккале осенью 1915 г. Ср. в дневниковых записях: «12 сентября 1915 — первый раз Вера. 17 сентября — встреча на море. <...> У Будберга в гостях 18 сентября 1915 г. читал, наскучил <...> Когда я кончил читать стихи, Вера закурила и сказала (с улыбкой): «жалко!, и наливала вино, спрашивая: «Вам можно?» Я краснел, благодарил и смотрел <...> Рассказывала про охоту <...> «Я выстрелила. Заряд попал, ну... в зад зайцу. И я просто не знаю... Я взяла его за голову и стала так колотить о приклад. Ну, он так кричал, так кричал, — просто не знаю. Мне очень жаль было (курит) зайца». <...> Рассказ о зайце у Будберга 23 октября 1915. <...> Инна <вязала> шлем, <я его надел> и нашли, что я красив и похож на витязя. Вера сказала: «Да». Нашли, что я воин». Ср. об этом же в автобиографических записках «Три Веры» (1916). В.А.Будберг посвящены стихотворения «И снова глаза щегольнули...»,

«Девы и юноши, вспомните...» и ряд набросков 1915 г.; с нею же связан образ богини Подаги в повести «Скуфья скифа» (1916).

Посеребренная зимою, Вы — камень охоты на миг. — Судя по черновику стихотворення, где упоминаются Лувр и Диана, здесь имеется в виду знаменитая мраморная скульптура «Артемида с ланью» (римская копия с греческого оригинала Леохара, хранящаяся в музее Лувра в Париже).

Тезей (Тесей) — герой греческой мифологии, убил быкоголовое чудовище Минотавра и с помощью клубка нити, который дала ему Ариадна, дочь критского царя Миноса, нашел выход из лабиринта. Ср. стихотворение «Печальная новость» (1916), а также в набросках повести «Ка^2»: «В те дни я тщетно искал Ариадну и Миноса, собираясь проиграть в XX столетии один рассказ греков. Это были последние дни моей юности, трепетавшей крылами, чтобы отлететь, вспорхнуть. Но их не было...».

«И снова глаза щегольнули...» (С. 339). — Впервые: День поэзии, 1975. Первоначальные черновые наброски: НП, 1940. С. 270—273, 449—451.

Обращено к В.А.Будберг (см. с. 512). Ср. в дневниковой записи (сентябрь 1915): «Вера Александровна удивила меня красотою холодных сдержанных движений и прекрасной породой голубых серых глаз». Ср. также в автобиографических записках «Три Веры» (1916): «...у ней много простоты и оттенок суровости. Она немного холодна и жестока <...> я смотрел на эти воздушные волосы севера, облако прически над лицом, большие голубые глаза, похожие на голубой жемчуг, и его строгая нить около плеч, и слушал. <...> Ее жемчужные серые глаза, северные сдержанные движения, рассказы про дниких коз на ее родине — во время бурной войны, все копыта коней которой и колеса тяжелых пушечных станков призраками прошли через мое сердце за два года до вещественной, бытовой войны, я, свернувший в своем сердце знамя дикой свободы моего народа, и она, говорящая на языке моих врагов, и по крови — крови врагов, но ухаживающая за воинами нашего стана, и оттого такая грустная, думающая, — кто мы? Нет, мы первые из военной бури выходили на сушу другого человечества и знали это только вдвоем».

Пожар толпы погасит выход Ваш. Там буду я, вам верен, близь — Речь идет о немецких погромах, происходивших в Петрограде.

Маунь (мяунь) — кошачья трава, валериана. Ср. стихотворение «Моих друзей летели сонмы...» (1916).

«Эта осень такая заячья...» (С. 340). — Впервые: Московские мастера, 1916. Вошло в поэму «Война в мышеловке», часть 18 (1919).

Грива обл. — гряда, гребень, возвышенное место.

Гребля обл. — насыпь, плотина, гать.

«Девы и юноши, вспомните...» (С. 341). — Впервые: Пета, 1916, с посвящением В.А.Будберг (см. с. 512). С небольшими изменениями вошло в поэму «Война в мышеловке», части 10 и 11 (1919). Вариант 1922 г. — Стихи, 1923.

Если встал он, принесет ему череп «эс» — то есть начальную букву слова *смерть*, и тогда *он* превратится в *сон*. Ср. в «Предложениях» (1915—1916): «Перековать в войнах ветер чумы на ветер сна»... «В обыкновенных войнах пользоваться сонным оружием (сонными пулями)». Ср. также стихотворение «Сон» («Вчера я молвил: гулля, гулля...», 1917).

Пятерик — пять лошадей в одной запряжке, здесь: пять частей света.

«Майна!» — команда такелажников «опускай!»; здесь: кончай войну.

За мною, Америго, Кортец, Колумбы — то есть открыватели и завоеватели Америки; здесь: открыватели нового материка времени.

«Где волк воскликнул кровью...» (С. 343). — Впервые: Взял, 1915. С небольшой правкой вошло в поэму «Война в мышеловке», часть 7 (1919). Первую редакцию (впервые: День поэзии, 1975) см. на с. 422. В рукописи первой редакции две заключительные строфы отброшены:

Дешевые юноши, юноши дешевые, их перепроизводство,
Юноши дешевле, чем перепела.
Есть с рыбным кладбищем немое сходство
И дней изломанных пила.
Детей земли разорв<анный> товар
Ужель не соглаш<ает> женственная Ганза?
Но род людей по-прежнему шимпáнзе,
И налит клюквой самовар.

Кто книжечку издал «Песни последних оленей» — собирательный образ поэта. В дневниковых записях Хлебникова отмечено, что 2 июня 1917 г. он закончил статью «Усопшие Олени» (до сих пор не обнаруженную).

Падают Брянские, растут у Манташева — акции Общества брянских машиностроительных заводов и Общества бакинских нефтяных промыслов «Манташев и К°».

К первой редакции:

Цеппелин — см. с. 512.

Гавана — сорт сигар.

Полоний — радиоактивный химический элемент, открытый в 1898 г. французским физиком П.Кюри совместно с женой М.Склодовской-Кюри, полькой по происхождению.

Башкирцева М.К. — см. с. 453.

Га́нза — торговый и политический союз северонемецких городов во главе с Любеком в XIV—XVII вв.

«Еще сильней горл медных шум мер...» (С. 344). — Впервые: День поэзии, 1975. Предполагалось для издания в третьем сб. «Центрифуги» (не вышел) В списке стихотворения, сохранившемся в архиве С.П.Боброва, озаглавлено: «Монолог». Более раннюю редакцию 1915 г., записанную на одном листе со стихотворением «Лютиков желтых пучок» (впервые: НП, 1940), см. на с. 423. Две заключительные строфы первой редакции с некоторыми изменениями вошли в поэму «Война в мышеловке», часть 13 (1919).

Я вижу войско матерей — Ср. в «Предложениях» (1915—1916): «Внести тот же порядок и строй в дело рождения, какой существует теперь в деле убийства; войска рождений...».

Камка — китайская шелковая ткань с разводами.

Уж украшает знак за храбрость, Желтея тигром, рожью жнива — нашивка с желто-черными полосками «За храбрость».

Пусть крутится слабо на прежних вер Т — образ виселицы; вместе с тем звук *Т* в «азбуке ума», разрабатывавшейся Хлебниковым в конце 1915 — начале 1916 г., означает «остановку движения», «закрытое для зрения и луча света», «уничтожение луча жизни» (см. статью «Перечень. Азбука ума», 1916).

«Вы помните? я щеткам сапожным...» (С. 346). — Впервые: Очарованный странник. Альманах весенний. Пг., 1916. № 10 (февраль). С небольшой правкой вошло в поэму «Война в мышеловке», часть I (1919). Вариант 1922 г. под названием «Смутное воспоминание» — Стихи, 1923. В записях отмечено: «Сломал, как коробку спичек...» — раньше весны 1915» (РГАЛИ). Ранний вариант первой строфы (впервые: НХ, I—II, 1928 — ИМЛИ):

НОЧЬЮ. НА ЮГЕ

Эй, вы!
Какая жуть!
От варенья айвы
До тебя, Млечный Путь!
Когда-то я щетке сапожной

Повелел Медведицу Малую отставить от подошвы.
Гривенник дал я вселенной и тревожно
Из старых слов сделал крошево.

Малую Медведицу повелел отставить от ног подошвы — изображение медведя на банках с ваксой.

Пен пан (С. 349). — Впервые: Четыре птицы, 1916. Печатается по Творениям, 1986, где учтены поправки Хлебникова в экземпляре сб. «Четыре птицы», 1916, принадлежавшем Г.Н.Петникову. Первую редакцию, публикуемую впервые по рукописи (ИМЛИ), см. на с. 424.

Изрицати др.-рус. — изрекать

Копытки — птицы из отряда рябков.

«Панна пены, панна пены...» (С. 350). — Впервые: Временник I, 1917. Вошло в поэму «Война в мышеловке», часть 6 (1919). Другой вариант: Стихи, 1923.

Пря — см. с. 482.

Гага — полярная утка.

Черес обл. — пояс с кошельком.

«Вы были строгой, вы были вдохновенной...» (С. 351). — Впервые: Временник I, 1917. Вошло в поэму «Война в мышеловке», часть 5 (1919). В другом варианте под названием «На холме» (впервые: Стихи, 1923) имеются еще четыре строки:

Поток малинового шелка
Упал на вечер и на травы.
Через Галицию верхом на волке
Мелькнула тень вечерней Мавы.

«О! А может, удача моргнет...» (С. 352). — Впервые: НХ, XIII, 1929. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Тоня обл. — место лова рыбы.

Катоны — в римской истории известны двое: Катон Старший (234—149 до н.э.) — государственный деятель, писатель, защитник патриархальных устоев, и Катон Младший (95—46 до н.э.) — сторонник республики, противник Цезаря.

Савонарола Джироламо (1452—1498) — итальянский проповедник, обличитель продажности и развращенности высших классов, отлучен от церкви и казнен.

Милль Джон Стюарт (1806—1873) — английский экономист, философ и логик; Хлебников называл его «величайшим логиком Европы» («Наша основа», 1919).

«Страну Лебе́дию забуду я...» (С. 354). — Впервые: Второй сборник Центрифуги, 1916. С незначительными изменениями вошло в поэму «Война в мышеловке», часть 25 (1919).

Лебе́дия — по объяснению Хлебникова в примечании к статье «Лебедия будущего» (1918), «Лебедией звался в древние времена весь земной край между Доном и Волгой».

Конецарство — так Хлебников называл свою родину — Астраханский край, включавший Калмыкию.

Цева (цевница) — старинное поэтическое название свирели.

Дроби злодеев и со ста — проценты прибылей у наживающихся на войне.

Ням-ням — африканское племя, на языке народа дэнка — «пожиратели», людоеды; в представлениях мусульманских народов Северной Африки, хвостатые люди, живущие в глубине материка; здесь: вообще дикари.

Ах, князь и кнезь, и конь, и книга — посредством поэтической этимологии поэт возводил слово *книга*, как *князь* и *кнезь* (*кнесь* — см. с. 510), к слову *конь*.

«Я и Саири, мы вместе гуляли...» (С. 356). — Впервые: НХ, I—II, 1928. Печатается по рукописи (ИМЛИ), где тексту предшествуют 2 строки:

Я черную шаль завязал кругом шеи
И шествовал вдаль как чура ворожеи,

а вслед за текстом — черновые наброски еще 6 строк продолжения.

Ляля — см. с. 518.

Сум — от обл. *сумовать* — думать, гадать, горевать, грустить.

Ху́павый обл. — ловкий, приятный.

В лесу. *Словарь цветов* (С. 357). — Впервые: Четыре птицы, 1916.

Замысел стихотворения связан с одной из задач, выдвинутых Хлебниковым в письме А.Е.Крученых в августе—сентябре 1912 г., — «воспеть растения». В основе его — образ Весенней Ляли — божества весеннего цветения и плодородия; ее праздник («Ляльник») отмечался в Белоруссии 22 апреля. Ср. статью «Ляля на тигре» (1916), а также повесть «Есир» (1918—1919). Все называемые в стихотворении цветы и растения — «словарь» имен Ляли. Ср. в стихотворении «Я и Саири, мы вместе гуляли...».

Пижма — трава дикая рябинка.

Калужница — болотный цветок семейства лютиковых, желтоголовник.

Рогволод (Борис Всеславьич) — княжил в Полоцке в 1127—1129 гг. — в годы жестоких морозов и неурожая. По его указу на языческих

дольменах были высечены кресты и надписи: «Господи, помози рабу своему Борису», один из камней назывался в народе «Борис-Хлебник».

Дремя — сон-трава, по народным поверьям, с ее помощью можно узнать во сне будущее.

Богинины чёботы (зегзицыны чёботы, кукушкины сапожки, Венерин башмачок) — цветок семейства орхидных.

Дерёза — колючий кустарник.

Дурника — ягода голубика.

Молодика — трава заячья капуста.

Род — конского черепа кость — возможно, имеется в виду обычай вешать конский череп на плетень в огороде в целях плодородия.

Жость — кустарник жостер, крушина.

Пивень укр. — петух.

Смуглороссья — неологизм; ср. *Белая Русь, Червонная Русь, Черная Русь.*

Мухомор — трава сосенка, употреблялась как средство против мух.

Дрёма — горицвет, кукушкины слезки.

Бегство от себя. *Воспоминания* (С. 359). — Впервые: Ошибка смерти, 1917, части 1—3; часть 4: НП, 1940, с указанием, что в списке Д.В.Петровского начала 1916 г. ею заканчивалось «Бегство от себя». Возможно, в «Ошибке смерти», 1917 часть 4 была опущена по цензурным соображениям. Часть 1 с изменениями вошла в поэму «Война в мышеловке», часть 14 (1919). Первую редакцию (1915; впервые: НП, 1940) см. на с. 425; часть I с небольшими изменениями вошла в «Бегство от себя», части IV—VII не сохранились.

Обращено к Надежде Васильевне Николаевой (1894—1979), художнице, изучавшей восточное искусство. Хлебников познакомился с нею весной 1914 г., к ней обращен ряд стихотворений 1914—1917 гг., прозаический отрывок «И тогда я славил государствокосых...», с нею связан образ Лейли в повести «Ка» (1915).

Название стихотворения имело для Хлебникова программный смысл. В статье «Говорят, что стихи должны быть понятны...» (1919) он писал: «Не есть ли природа песни в <уходе от> себя, от своей бытовой оси? Песня не есть ли бегство <от> я? Песня родственна бегу, — в наименьшее время покрыть наибольшее число верст образов и мысли!»

Писал устало Хокусай... — Благодаря звуковому совпадению в слове *устало* подразумевается *уста*, ср. в тексте «Войны в мышеловке»: «Уста напишет Хокусай».

Хокусай Кацусика (1760—1847) — японский художник, мастер гравюры на дереве.

А брови — Матери Мурильо... — Имеются в виду образы Бого-

матери в живописи испанского художника Мурильо Бартоломео Эстебана (1618—1682). Ср. описание комнаты Н.В.Николаевой в повести «Ка^2»: «... трепет сил живописи, уже связавшей материк, и дружба зеленых китайских лубков и миловидных китаянок с тонкими бровями, всегда похожих на мотыльков, — с тенями Италии на одной и той же пасмурной стене городской комнаты...»

Девидеет — смысл слова не ясен, возможно, следует читать: *девицеет* (от *девица*).

Скобелев М.Д. (1843—1882) — генерал, руководил завоеванием Средней Азии; памятник ему в Москве (до 1918 г.) стоял на месте нынешнего памятника Юрию Долгорукому.

Сарты — узбеки; в начале 1916 г. они, вместе с другими народами Средней Азии, подняли восстание, вызванное мобилизацией в царскую армию.

К первой редакции:

Дворцы угрюмого Додона Письма Наташи Гончаровой — декорации Н.С.Гончаровой к опере Н.А.Римского-Корсакова «Золотой петушок», поставленной С.П.Дягилевым в Париже и Лондоне в 1914 г.

Одолен — белая кувшинка, по народным поверьям, отгоняет злых духов.

Румянцев Н.П. (1754—1826) — русский государственный деятель, создатель Румянцевской библиотеки в Москве.

«Моих друзей летели сонмы...» (С. 363). — Впервые: Русский современник. 1924. № 4. Печатается по рукописи (РГАЛИ). Вариант стихотворения входит в отрывок «...в них качаются люди...» (1916, см.: НП, 1940), вариант заключительного двустишия — в стихотворение «И снова глаза щегольнули...» (1915). Написано в начале 1916 г. в связи с выходом сб. «Взял. Барабан футуристов», которому его участники придавали такое же значение, как «Пощечине общественному вкусу». В предисловии «Капля дегтя» Маяковский писал: «Оживите в памяти первый гала-выход российского футуризма, ознаменованный такой звонкой «пощечиной общественному вкусу». <...> Над этим смеялись обыватели, как над чудачеством сумасшедших, а это оказалось «дьявольской интуицией», воплощенной в бурном сегодня. Война, расширяя границы государств, и мозг заставляет врываться в границы вчера неведомого. <...> Сегодня все футуристы. Народ футурист. Футуризм мертвой хваткой ВЗЯЛ Россию. Не видя футуризма перед собой и не умея заглянуть в себя, вы закричали о смерти. Да! футуризм умер как особенная группа, но во всех вас он разлит наводнением». Ср. стихотворения «Семеро» (1913), «Той!» (1916).

Дух облака, одетый в кожух... — намек на поэму В.В.Маяковско-

го «Облако в штанах», вышедшую отдельным изданием в сентябре 1915 г., и обыгрывание некоторых ее мотивов, в частности:

> ...тело твое просто прошу,
> как просят христиане —
> «хлеб наш насущный
> даждь нам днесь».
> Мария — дай!

Теперь их грёзный кубок вылит... — намек на книгу стихов Игоря Северянина «Громокипящий кубок» (1913), название которой восходит к стихотворению Ф.И.Тютчева «Весенняя гроза». Ср. вариант этой строки в отрывке «...в них качаются люди...»: «Теперь их грозный кубок вылит».

Той (С. 364). — Впервые: НП, 1940. Печатается по рукописи (ИМЛИ). Первоначальные черновые наброски: НП, 1940. С. 270—273, 449—451. Ср. стихотворения «Признание» («Вы помните ивы...») и «И снова глаза щегольнули...» (1915).

Обращено к В.А.Будберг (см. с. 512). Здесь, как и в стихотворении «Моих друзей летели сонмы...», обыгрываются некоторые мотивы поэмы В.В.Маяковского «Облако в штанах» (1915), в особенности ее финала.

Железный звук моей перчатки — Имеется в виду сб. «Пощечина общественному вкусу», 1913, название которого принадлежит Хлебникову и является переосмыслением той «пощечины», которую пушкинский Руслан дает мертвой голове, добывая волшебный меч. Ср. в поэме «Любовь приходит страшным смерчем...» (1912): «Мы — юноши. Мечи наши остро отточены. Раздавайте смело пощечины». Ср. также в повести «Ка^2» (1916): «...время тем, кто дал однажды голове-холму лихую пощечину, вынуть спрятанный голубой меч. <...> А давно ли от ее хохота (пушкинской головы в «Руслане и Людмиле») мы скитались от моря до моря, уносимые ветром дыхания до края земли. И совы летели из усов и бровей старой головы и садились прямо на столбцы передовиков» <газет>.

И всходите солнцем Мамая — Ср. слова Наполеона на рассвете дня Бородинского сражения: «Вот оно, солнце Аустерлица!»

«Моя так разгадана книга лица...» (С. 365). — Впервые: НП, 1940.

Зень обл. — глаз; ср. в статье «*З* и его околица» (1915): «Слово *зень*, которое значит и землю и глаз, и слово *зиры*, значащее и звезды и глаза, показывают, что земля, также звезды, понимались как мировые зеркала».

Пигалица — птица (чайка, чибис), крики которой в песнях запорожцев обещают беду.

«Через строй столетий...» (С. 366). — Впервые: НХ, IX, 1928.

Селегинский-Петровский Дмитрий Васильевич (1892—1955) — поэт, прозаик, родился в Черниговской губернии, учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. См. о нем в воспоминаниях «Ранней весной 1917...» (1918), в повести «Ка^2» (1916), в рассказе «Малиновая шашка» (1921). Зимой 1916 г. Хлебников жил в дачном поселке под Москвой вблизи Петровского путевого дворца. См. Петровский Д. Воспоминания о Велимире Хлебникове. М., 1926.

И друзья Паливоды — Ср. рассказ «Смерть Паливоды» (четвертый парус «Детей Выдры», 1911—1913).

Гутор укр. — разговор.

Млын укр. — мельница.

И со свайкой мальчика — Имеется в виду скульптура А.В.Логановского «Мальчик, играющий в свайку» (1836); Логановскому принадлежали также скульптурные украшения храма Христа Спасителя, с которым связан один эпизод в жизни Д.В.Петровского (см. послесловие к рассказу «Малиновая шашка»).

И чубатым волком вскочит И очутится под Киевом — Ср. образ полоцкого князя Всеслава Брячиславича в «Слове о полку Игореве»: «Всеслав князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам ночью волком рыскал; из Киева до петухов, великому Хорсу волком путь перебегая, в Тмутаракань добирался. <...> Хоть и вещая душа была в отважном теле, но часто он беды терпел. Ему вещий Боян такую припевку, мудрый, сложил: «Ни хитрому, ни умному, ни ведуну разумному суда Божьего не миновать».

Бог XX века (С. 367). — Впервые: Четыре птицы, 1916. Печатается по ИС, 1936, где учтены поправки Хлебникова в экземпляре сборника, принадлежавшем Г.Н.Петникову.

Связано с занятиями Хлебникова теорией электричества, «учением о молнии», которую в заметках 1916 г. он называл «мостом от земли к свету»; среди этих заметок есть запись: «Я не умер! — радостное открытие».

Векша обл. — белка.

Вербное воскресенье (С. 369). — Впервые: Ошибка смерти, 1917. С небольшими изменениями вошло в поэму «Война в мышеловке», части 20 и 21 (1919).

Вербное воскресенье — предшествует Пасхе, праздник Воскрешения

Лазаря, который, по народным поверьям, любил вербу; традиционно он отождествляется с Лазарем Убогим, нищим из евангельской притчи; в день Лазаря принято было хлестать друг друга свежей веткой вербы.

Мы были, мы были детьми, Теперь мы — крылатое жречество — ср. стихотворение «Зверь + число» (1915) и примеч.

Печальная новость. *8 апреля 1916* (С. 371). — Впервые: Временник I, 1917. С небольшими изменениями вошло в поэму «Война в мышеловке», часть 4 (1919). Другой вариант 1922 г.: Стихи, 1923.

8 апреля 1916 г. — Хлебников в Астрахани был призван на военную службу.

Отбивая в сутки 365 · 317 ударов — ровно — Ср. в статье «Наша основа» (1919): «Гамма будетлян особым звукорядом соединяет и великие колебания человечества, вызывающие войны, и удары отдельного человеческого сердца. <...> Пехотинец германской пехоты по военному уставу должен делать 81 или 80 шагов в минуту. Следовательно, в сутки он сделает 365 · 317 шагов, то есть столько шагов, сколько суток содержится в 317 годах — времени одного удара струны человечества».

И забуду о милом государстве 22-летних — По Хлебникову, люди одного возраста объединяются в особое «государство времени» (см. воззвание «Труба марсиан», написанное летом 1916 г., но символически датированное 8 апреля, и «Письмо двум японцам», 1916); здесь имеются в виду строки из поэмы В.В.Маяковского «Облако в штанах» (1915): «Мир огромив мощью голоса Иду — красивый, двадцатидвухлетний».

Волшебницы дар есть у меня — см. с. 513.

Хотя я лишь кролик пугливый и дикий, А не король государства времен — По дневниковым записям, «31 декабря 1915 Осип Брик провозгласил тост за короля времени В.Хлебникова».

«Где, как волосы девицыны...» (С. 372). — Впервые: НХ, I—II, 1928. В рукописи дата рукой Д.В.Петровского: *Царицын. Национал. Гостиница. 19 мая 16-го года.*

После призыва в армию 8 апреля 1916 г. (см. с. 522) Хлебников был определен в 93-й запасной полк, находившийся в Царицыне. Ср. в воспоминаниях Д.В.Петровского (см. с. 521): «...получаю открытку из Царицына. Писал Хлебников: «Король в темнице, король томится. В пеший полк девяносто третий, я погиб, как гибнут дети, адрес: Царицын, 93-й зап. пех. полк, вторая рота, Виктору Владимировичу Хлебникову». Тогда же Хлебников писал Д.Д.Бурлюку, о чем тот 5 мая 1916 г. сообщал Н.И.Кульбину: «Хлебников в Царицыне в роте штрафных — солдатствует! Его письмо — кошмар, пришлю копию» (Отдел рукописей Русского музея, Санкт-Петербург). Благодаря Н.И.Кульбину

(см. письма к нему июня 1916 г.) Хлебников был переведен в Астрахань. В мае его навестил в Царицыне Д.В.Петровский: «Я привез много новых книг с его стихами, в том числе «Московские мастера», «Четыре птицы» и пр. Он жадно на них набросился, лицо его преобразилось, это опять был прежний мастер Хлебников. Он решил, что теперь, когда я уеду, он время от времени будет снимать номер в гостинице, сидеть и читать, воображая, что он приехал как путешественник...» (Воспоминания о Велимире Хлебникове. М., 1926. С. 17—18).

«Я задел нечаянно локтем...» (С. 373). — Впервые: Ошибка смерти. 1917. Первую редакцию 1915 г. (впервые: НП, 1940) см. на с. 427. Вариант первой строфы под названием «Мир во время войны» (1915) факсимильно воспроизведен Д.Д.Бурлюком в сб. «Красная стрела» (Нью-Йорк. 1932). С небольшими изменениями вошло в поэму «Война в мышеловке», часть 9 (1919). Варианты 1 строки: «Я коснулся девы локтем» и строк 5—6: «Истины жизни, в струях из тины! Сложены падшими трупы-плотины!» в рукописи конца 1921 — начала 1922 г. (собрание Вс.Вяч.Иванова). Третью редакцию 1922 г. (РГАЛИ, впервые: Стихи, 1923) см. на с. 428.

Убийцы, под волнами всхлипывая, Лежали, как помосты липовые... — Ср. стихотворение «Бой в лубке» (1915) и примеч.

К первой редакции:

Светлейший — князь Г.А.Потемкин-Таврический (1739—1791), главнокомандующий русской армией в русско-турецкой войне 1787—1791 гг., во время которой в декабре 1788 г. была взята турецкая крепость Очаков.

«Татлин, тайновидец лопастей...» (С. 374). — Впервые: НП, 1940. Написано в конце мая 1916 г. в Царицыне.

25 мая 1916 г. Хлебников вместе с Д.В.Петровским (см. с. 521, 523) и В.Е.Татлиным устроили в царицынском «Доме науки и искусств» лекцию «Чугунные крылья», текст которой был написан Хлебниковым и прочтен Петровским (см. его «Воспоминания о Велимире Хлебникове»). Один из тезисов, напечатанных в программе лекции, гласил: «На смену живописи: законы форм, закон веса у Татлина...». В стихотворении речь идет о живописных рельефах и угловых контррельефах Татлина, которые Хлебников видел на «Последней футуристической выставке картин (0,10)» в декабре 1915 г. в Петрограде и выставке «Магазин», организованной Татлиным в Москве в марте 1916 г.

«Табун шагов, чугун слонов!..» (С. 376). — Впервые: Ошибка смерти, 1917. С небольшой правкой вошло в поэму «Война в

мышеловке», часть 15 (1919). Первую редакцию 1915 г., публикуемую впервые по рукописи (ИМЛИ), см. на с. 429.

Венков на бабра повесим сонно — *Бабр* обл. — тигр. Ср. в статье «Ляля на тигре» (1916): «Да, мы и Ляля Белоруссии, так часто вешающая на рогах зубра венки своей прелести, мы и бабр грозный и гнедой Ганга. Вот почему мы и веселы, как детское слово «цаца», и чудовищны, как хмель опьяненных собой пушек».

Сам — вероятно, собирательное имя героя: в древнеиранской «Авесте» это имя носят борцы со злом, в «Шахнамэ» Фирдоуси это имя деда Рустама, первого из рода богатырей, в славянских преданиях Само (?—658) — князь, объединивший западных и южных славян. Ср. название доклада, прочитанного В.В.Маяковским 24 марта 1913 г. в Петербурге: «Пришедший сам». Ср. также стихотворение «Признание. *Корявый слог*» (1922).

Похитим коней с Чартомлыцкого блюда — Имеется в виду серебряная амфора с изображениями сцен укрощения коней, археологическая находка 1862 г. из скифского кургана Чертомлык (вблизи г.Никополя, Украина).

Ученее волка, первого писаря русской земли — Ср. в «Слове о полку Игореве»: «Боян же вещий, если хотел кому песнь воспеть, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле...».

И из Пушкина трупов кумирных — Ср. стихотворение «Тверской» (1914) и примеч.

...государство Граждан одного возраста. — Ср. стихотворение «Печальная новость» (1916) и примеч.

К первой редакции:

Буги — неологизм от *боги* и *будущее*.

«Одетый в плащ летучих рыб...» (С. 377). — Впервые: Ошибка смерти, 1917. С небольшой правкой вошло в поэму «Война в мышеловке», часть 16 (1919).

«Годы, люди и народы...» (С. 379). — Впервые: Русский современник. 1924. № 4.

Написано в связи со столетием смерти Г.Р.Державина (1743—1816) и продолжает тему последнего его стихотворения «Река времен в своем стремленьи...», которое поэт написал за три дня до смерти, глядя на висевшую в его кабинете карту «Река времен, или Эмблематическое изображение всемирной истории». Ср. также рассуждения одного из действующих лиц романа Д.С.Мережковского «Юлиан Отступник» неоплатоника Ямвлиха: «Чему уподоблю этот мир, все эти солнца и звезды? Сети уподоблю их, закинутой в море. Сеть движется, но не может остановить воду; мир хочет и не может уловить Бога». Ср. также в древнерусском

«Физиологе». «Море же — весь мир, а рыбы — люди <...> Рыбаки же — это бесы Сеть же — это пагуба и льстивые вожделения...».

«Ласок...» (С. 380). — Впервые· Ошибка смерти, 1917.

Связано с работой Хлебникова над «азбукой ума». В статье «Художники мира!» (1919) он писал: «Если собрать все слова, начатые одинаковым согласным звуком, то окажется, что эти слова подобно тому, как небесные камни часто летят из одной точки неба, все такие слова летят из одной и той же точки мысли о пространстве. Эта точка и принималась за значение звука азбуки как простейшего имени». Подбор слов, начинающихся со звука *ж*, создает в стихотворении особый образ, разъясняемый в статье «Перечень. Азбука ума» (1916): «*Ж* — свобода двигаться независимо от соседей. Отсюда *жидкий* и *живой*, и всё около воды: *жабры, жаба, жажда, жалга*. *Ж* — здесь есть отделение сухого, полного движения, начала от воды, борьба огня и воды. В древнем рассудке между водой и временем (прошедшим) протянута черта равенства. Отсюда родство *ждать* и *жаждать*. *Ж* — часто отделение воды от огневого начала». Ср. образ *Ж*-имени в повести «Скуфья скифа» (1916), образ *П*-имени в стихотворении «Пою...» (1916), образ *Л*-имени в стихотворении «Слово о Эль» (1920).

Ласка — зверек семейства куньих, в народных поверьях часто выступает как ведьма, оборотень, превращающийся в девушку.

«Пою...» (С. 381). — Впервые: НХ, XVII, 1930, под названием «Перун», данным редактором издания А.Е.Крученых. Печатается по рукописи (ИМЛИ), содержащей значительные сокращения. Приводим наиболее существенные отрывки.

Перед текстом:

Но песни пустот, но песни пещер...
О, точка, ты почка палицы, палки.
И полые палки пещеристой пены,
Пазы — это перья и пальцы,
И посох пустынных пустот
Меж пулями пороха пламени,
И пороха парус пустот.
Пыль почек
Ныне хочу описать,
Что пламя и песни, объемом паря, зажглись,
Хотят неизмерного.

После строки 20:

Я порохом звучным зажегся, горюя, горю,
И он, раздвигаемый палками, пламенем

Звучных частиц, бросился в печи размеров,
Бросился полыми пушками слов
Звучного пламени пения.

После строки 26:

Ведь ежели точка из точки бежит
И палка растет между ними и дальше толкает —
Это Перун, раздвигающий точки,
Любящий пену, пляски и песни,
Любящий порохом прыгать, как пены прыжок,
Любящий в пламени пороха пули,
Пули пылинок поющий печек.

В конце текста:

Писатель паруса пламени,
Спаситель,
Пьешь персей первую пору
И парусом перстов паришь, как пламя.
Первый плазменный паз!
На пропор и прапор ты порешь пору,
О, прапорщик пения пучин,
При
Пли пламенных пуль.

Как и стихотворение «Ласок...», связано с работой над «азбукой ума». Образ *П*-имени разъясняется в статье «Перечень. Азбука ума» (1916): «*П* — движение, рожденное разностью давлений: *порох, пушка, пить, пустой*. Переход вещества из насыщенного силой давления в ненасыщенное, пустое, из сжатого состояния в рассеянное. *Пена, пузырь, прах, пыль*. <...> *Перун* — maximum воли и давления». В заметках 1920 г., рассматривая с этой точки зрения имена божеств разных народов, он называл богов — «обожествленной азбукой». Ср. стихотворения «Выстрел из *П*» (1920), «Слово о Эль» (1920).

Перун — см. с. 481, 482; в нарицательном значении: молния, громовая стрела.

«Сегодня строгою боярыней Бориса Годунова...» (С. 383). — Впервые: Стихи, 1923. Печатается по рукописи 1922 г. (РГАЛИ), где стихотворение ошибочно датировано: *1915 г.* Написано в августе—сентябре 1916 г. в Красной Поляне под Харьковом, во время отпуска из армии по болезни. В письме сестре Екатерине в Астрахань в начале сентября 1916 г. Хлебников сообщал: «Я около Харькова, живу в 12 верстах от железной дороги в усадьбе среди плодового сада. <...> я сильно загорел и забыл, что где-то есть война (—!), военная

повинность, доктора Романович и проч. Хозяева усадьбы мои друзья и марсиане. Асеев, Уречин, сестры Синяковы. Я их люблю от всей души». Обращено к художнице Марии Михайловне Синяковой (1890—1984), в замужестве Уречиной. Ср. поэму «Три сестры» (1920) и рассказ «Малиновая шашка» (1921). Первую редакцию (впервые: Северный изборник, 1918) см. на с. 430.

К первой редакции:

Млин — см. с. 521.

Кудель — см. с. 456.

Рядно — грубая ткань.

Ср. концовку стихотворения «Мужуния и мужуния...» (1907).

«Где ищет белых мотыльков...» (С. 384). — Впервые: НХ, XXI, 1931. По ряду образных мотивов стихотворение примыкает к вещам, написанным в Красной Поляне в конце лета—начале осени 1916 г.

Первую редакцию (впервые: Творения, 1986) см. на с. 431. Печатается по списку Н.Н.Асеева (РГАЛИ), где зачеркнуто название «Харьковское Оно» и указано, что стихотворение предназначено к печатанию «взамен «Вы помните ивы...» («Признание», 1915) в третьем сборнике Центрифуги (объявленный к публикации в 1917 г. третий сборник Центрифуги под ред. С.П.Боброва в свет не вышел).

Оно — миогозначный образ, символизирующий приближающееся, еще не имеющее ни имени, ни устойчивого облика, будущее, и противопоставленный неведомому и грозному «Оно», завершающему «Историю одного города» М.Е.Салтыкова-Щедрина. Ср. «женомужа» в первой редакции стихотворения «Крымское» (1908), «Нечто без имени» в стихотворении «Город, где люди прячутся от безумия...» (1909), «оно» в стихотворении «Молот» (1920).

«Веко к глазу прилежно приставив...» (С. 385). — Впервые: Сборник нового искусства. Харьков, 1919. Написано, по всей вероятности, в конце 1916 г. в Астрахани, где Хлебников проходил медицинскую комиссию. В письме Г.Н.Петникову в Царицын он писал· «Я настроен очень мрачно. Три недели среди сумасшедших, и опять комиссия впереди, и ничего, что бы говорило, что я буду на воле. <...> Кажется, я скоро опять двинусь пехотинцем».

Костомаров Н.И. (1817—1885), *Погодин* М.П. (1800—1875) — русские писатели и историки.

Брашно арх. — кушанье, яство.

«Месяц плывучий...» (С. 387). — Впервые: сб. А.Крученых «Помада». М , 1913 (январь), где указано, что стихотворение написано «совместно с Е.Луневым» (общий псевдоним Хлебникова и А.Е.Крученых).

«Небо душно и пахнет сизью и выменем...» (С. 388). — Впервые: сб. А.Крученых «Помада». М., 1913 (январь), где указано, что стихотворение написано «совместно с Е.Луневым» (общий псевдоним Хлебникова и А.Е.Крученых) По свидетельству А.Е.Крученых, Хлебникову принадлежал иной вариант последней строки: «Я и так уже распят на западе ивами». Ср. в стихотворении «Падал свет из тени...», входящем в цикл крымских стихов «В мигов нечет...» (1908).

В.В.Маяковский в докладе «О новейшей русской литературе» на диспуте, организованном обществом художников «Союз молодежи» 20 ноября 1913 г. в Петербурге, цитировал это стихотворение как образец сознательного антиэстетизма молодой поэзии, противостоящего «кондитерским, парикмахерским образам» символистов (газ. «Россия». 1913. 27 ноября).

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

КОЛЛЕКТИВНОЕ

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

Хлебников В.

Х55 Собрание сочинений: В 6 тт. Т. 1. Литературная автобиография. Стихотворения 1904—1916 / Под общ. ред. Р.В.Дуганова. Сост., подгот. текста и примеч. Е.Р.Арензона и Р.В.Дуганова.— 544 с.

В томе представлены литературная автобиография «Свояси» и стихотворения В.Хлебникова 1904—1916 гг.

Компьютерная группа
А.З.Бернштейн
С.А.Стулов

Корректор Г.В.Заславская

Художник Д.Е.Долгов

Архивная фотосъемка
А.П.Сизухина

ЛР № 020961 от 17.02.95 г.
Подписано в печать 02.12.99. Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Академическая. Печать офсетная.
Печ. л. 34,0. Тираж 1500 экз.
Институт мировой литературы им. А.М.Горького РАН, «Наследие»
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25-а
тел. (095) 291-23-01, 291-19-23

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитнвов
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6. Заказ № 1742